PG3302
.F6
R8

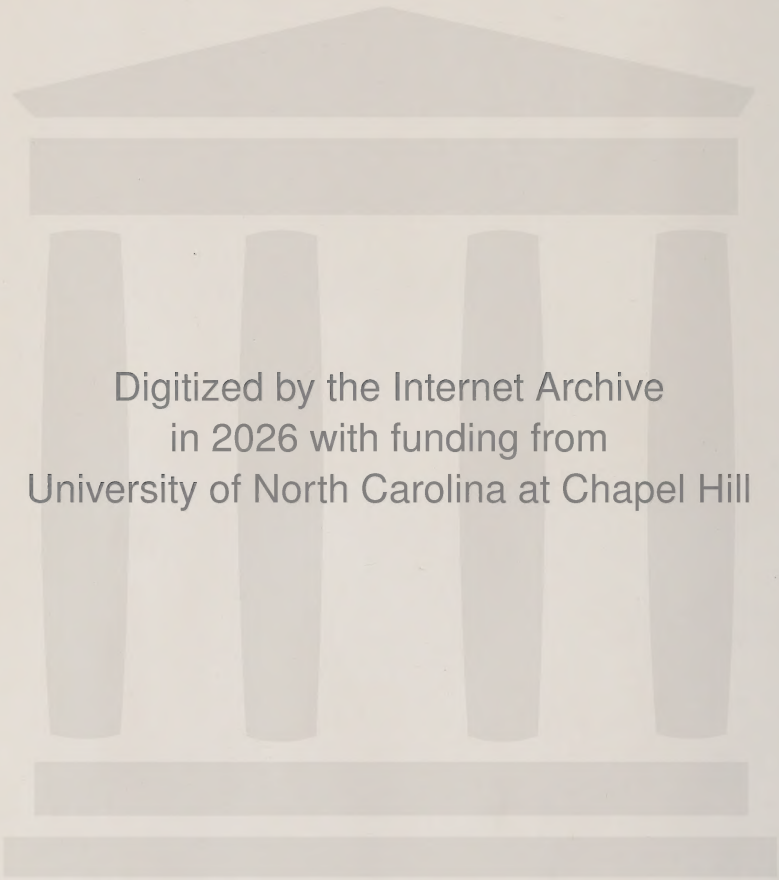
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3302
.F6
R8

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ovnovotkrytompam00rubt

О вновь открытомъ памятникѣ Тверской письменности XV вѣка.

М. В. Рубцова.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Коммиссіи.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова, Трехсвятская ул., д. Шиканова.
1911 г.

PG3302
.F6
R8

О вновь открытомъ памятникѣ Тверской письменности XV вѣка.

М. В. Рубцова.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Коммиссіи.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова, Трехсвятская ул., д. Шиканова.
1911 г.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Коммиссіи. 1911 г

О вновь открытомъ памятникѣ Тверской письменности XV вѣка.

Памятникъ этотъ носитъ названіе: „Инока Ѳомы Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ“, и изданъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности въ С.-Петербургѣ, въ 1908 году.

Изданіе это вполнѣ научное и снабжено ученымъ предисловіемъ г. Н. П. Лихачева, въ которомъ авторъ дѣлаетъ попытку указать значеніе этого памятника и его мѣсто среди другихъ произведеній древней русской письменности. Авторъ передаетъ вкратцѣ его содержаніе, останавливаясь попутно на возбуждаемыхъ имъ вопросахъ, разбираетъ его литературный стиль, сравниваетъ его историческій матеріалъ съ тѣмъ, который уже извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, и наконецъ занимается рѣшеніемъ вопросовъ: когда, кѣмъ и съ какою цѣлью составлено „Слово“. Мы не будемъ подробно останавливаться на данныхъ, представляемыхъ его изслѣдованіемъ, предоставляя себѣ право коснуться ихъ попутно въ нижеслѣдующемъ изложеніи, а теперь только приведемъ между прочимъ высказанную имъ мысль, что произведеніе инока Ѳомы составляетъ „весьма цѣнный памятникъ литературы Тверского княжества“. (Предисловіе, стр. LIV).

Таково мнѣніе лица, разсматривающаго этотъ памятникъ съ общелитературной и общеисторической точки зрѣнія, лица посторонняго и чуждаго задачамъ и цѣлямъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи.

21119 48

9-5-75

Для насъ же, членовъ ея, какъ изслѣдователей преимущественно памятниковъ мѣстной старины, онъ долженъ имѣть двойной интересъ и двойную цѣнность. И это потому, что съ открытіемъ его мы можемъ надѣяться, что онъ дастъ намъ возможность расширить наши свѣдѣнія о прошедшихъ судьбахъ нашего Тверского края, выяснить тѣ его стороны, которыя доселѣ представлялись еще въ неясномъ свѣтѣ и наконецъ—исправить и измѣнить мнѣнія ошибочныя и ложныя. Мы сказали-бы даже болѣе: намъ слѣдуетъ смотрѣть на находку этого памятника, какъ на праздникъ для Тверской исторической науки и потому отозваться на открытіе его тѣмъ или другимъ посильнымъ словомъ считали-бы своимъ долгомъ и своею обязанностію.

Несомнѣнно это же сознаніе важности сдѣланной научной находки руководило членомъ нашей коммиссіи г. И. А. Виноградовымъ, когда онъ уже 2 года тому назадъ помѣстилъ въ „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ статью подъ заглавіемъ: „Новыя данныя о Тверскомъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ“, въ которой съ достаточной детальностію и обстоятельностію выяснилъ то новое, что вноситъ въ Тверскую исторію вновь открытый памятникъ.

Руководясь тѣмъ же сознаніемъ высокой важности открытаго памятника и мы, съ самаго появленія его, взялись за изученіе его во всѣхъ подробностяхъ. Но въ виду сложности поставленной нами себѣ задачи и значительныхъ трудностей, которыя самъ по себѣ представляетъ этотъ памятникъ, наша рѣчь о немъ затянулась до болѣе или менѣе поздняго времени. Но и въ настоящее время мы не скажемъ, что нами исчерпано все, что можетъ быть сказано

по нашему предмету. Сложность вопроса оказалась таковою, что намъ пришлось проникать, хотя и частично, въ область изслѣдованій о составѣ нашихъ лѣтописей. А это—область весьма широкая. Мы опасаемся поэтому, что дадимъ, такъ сказать, только контуръ того, что можетъ быть сказано по нашему предмету, и надѣемся, что изъ среды любителей Тверской старины найдутся новыя лица, которыя съ не меньшимъ интересомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла займутся новымъ изслѣдованіемъ нашего драгоцѣннаго памятника.

Мы поставили себѣ задачею разсмотрѣть памятникъ съ иныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ онъ еще не разсматривался, пользуясь уже обнародованнымъ его текстомъ и высказанными мнѣніями только постольку, поскольку это необходимо при изложеніи дѣла съ нашей точки зрѣнія.

Чтобы оцѣнить все значеніе новооткрытаго памятника для исторіи Тверского края, нужно прежде всего опредѣлить его составъ, открыть его источники и оцѣнить ихъ значеніе, и только тогда мы поймемъ все его значеніе какъ памятника историческаго, содержащаго въ себѣ новыя данныя для Тверской исторіи или новое освѣщеніе уже извѣстныхъ фактовъ и какъ памятника литературнаго, заключающаго въ себѣ обильный матеріалъ для изученія взглядовъ, обычаевъ и нравовъ и вообще внутренняго міросозерцанія Тверскихъ людей XV столѣтія.

Разсматривая новооткрытый памятникъ со стороны его источниковъ, мы прежде всего обращаемся къ вопросу: откуда мы вообще получаемъ свѣдѣнія о былыхъ судьбахъ нашего края? Отвѣтъ на этотъ вопросъ повидимому очень простъ: изъ лѣтописей. Но лѣтописи дошли до насъ въ видѣ сборниковъ

болѣе или менѣе поздняго происхожденія. Большинство ихъ, за исключеніемъ списковъ Синодальнаго, Лаврентьевскаго и Ипатскаго относятся къ XVI и XVII столѣтіямъ, а нѣкоторыя даже принадлежатъ XVIII вѣку. Первоначальные же ихъ источники— мѣстныя областныя лѣтописи, а также и отдѣльныя отрывочныя записи мѣстныхъ любознательныхъ людей не дошли до насъ. Между тѣмъ какъ эти-то послѣднія, мѣстныя лѣтописи, (о существованіи которыхъ мы имѣемъ положительныя данныя) по своему происхожденію представляютъ для насъ несравненно болѣе цѣнный матеріалъ, чѣмъ позднѣйшія его обработки въ видѣ общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Это и вполнѣ понятно: мѣстный писатель прежде всего смотритъ на вещи и событія съ мѣстной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія мѣстныхъ симпатій и интересовъ, разсказываетъ мѣстные нравы и обычаи въ томъ видѣ, въ какомъ они проявлялись въ извѣстной мѣстности въ данный моментъ времени, часто даже говоритъ о нихъ какъ очевидецъ, со всѣми современными ему оттѣнками мнѣній и взглядовъ. Тогда какъ иногородній компиляторъ или сводчикъ ничего подобнаго не можетъ дать намъ, потому что онъ мало заинтересованъ чуждыми ему фактами, внутренній смыслъ которыхъ часто ему бываетъ непонятенъ, и если и понятенъ, то можетъ быть непріятенъ, если онъ не соотвѣтствуетъ его собственнымъ взглядамъ и понятіямъ. Это послѣднее обстоятельство иногда заставляло его умалчивать о такихъ событіяхъ или фактахъ, или передавать ихъ въ ложномъ освѣщеніи. А проще всего, иногородній сводчикъ или лѣтописецъ передаетъ событія неточно только потому, что онъ отдаленъ отъ нихъ и по времени и по пространству. Отсюда у такого лѣтописца замѣ-

чается болѣе или менѣе сухое и черствое изложеніе предмета или дѣлъ, не касающихся его ближайшей округи или интересовъ, изложеніе только въ очень слабой степени удерживающее мѣстные колориты, большею же частію совершенно уничтожающее ихъ.

Все это, такъ сказать, естественныя, нормальныя условія въ исторіи развитія нашей лѣтописной литературы. Но на ряду съ ними въ позднѣйшее время сюда привходятъ еще искусственныя условія, значительно способствовавшія видоизмѣненію первоначальнаго вида нашихъ лѣтописныхъ записей. Мы разумѣемъ ту эпоху собиранія Руси, которая наступила послѣ окончательнаго уничтоженія удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ. Вольный духъ удѣльно-вѣчевой старины проникалъ, такъ сказать, каждое слово мѣстныхъ лѣтописныхъ записей и способствовалъ живучести взглядовъ и понятій, которыя въ Московскую эпоху были признаны отжившими свой вѣкъ. Поэтому естественно, что на эти памятники прошлаго стали подозрительно смотрѣть на Москвѣ; стали дѣлаться попытки собирать эти памятники съ цѣлію ихъ пересмотра и уничтоженія въ нихъ всего того, что могло такъ или иначе питать недовольство новыми Московскими порядками. Есть не мало фактовъ, доказывающихъ, что уже со времени Ивана III Московская политика неуклонно стремилась къ тому, чтобы „вырвать изъ народнаго сознанія самую память о прошломъ, отучить народную мысль отъ ея прежнихъ идеаловъ, исказить и перелицовать народныя преданія“. [1]) По этой причинѣ между прочимъ многія лѣтописи дошли до насъ „урѣзанными, обезглавлен-

[1]) Изъ статьи г. Яниша: „Новгородская лѣтопись и ея Московскія передѣлки“, помѣщенной въ „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс., за 1874 г. т. 2“. И отдѣльный оттискъ, стр. 47.

ными и искаженными". [1]) Въ Москвѣ были даже особыя лица спеціально для этого назначенныя, таковъ напримѣръ боярскій сынъ Василій Михайловъ Тучковъ и дьякъ Степанъ Бородатый, умѣвшій по простодушному выраженію современника „древними лѣтописцы воротити". [2]) Г. Янишъ приводитъ много и весьма любопытныхъ примѣровъ такихъ исправленій текстовъ, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ это далеко уклонило-бы насъ въ сторону отъ занимающаго насъ предмета. (Любопытствующихъ отсылаемъ къ самой статьѣ, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательной).

Отсюда выводъ, что мы должны относиться съ большою осмотрительностію и осторожностію къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ намъ позднѣйшими лѣтописными сборниками, испытавшими столько превратностей судьбы. И эта осторожность еще такъ сказать обоюдоострая: съ одной стороны мы должны бояться, какъ бы не принять за чистую монету свѣдѣніе болѣе или менѣе исправленное въ позднѣйшее время, а съ другой — рискуемъ заподозрить подлинное извѣстіе потому только, что оно находится въ позднѣйшемъ сборникѣ.

Наконецъ, въ цѣляхъ характеристики позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что вошедшія въ нихъ извѣстія, заимствованныя изъ всевозможныхъ мѣстныхъ лѣтописей, перемѣшаны между собою въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ: тутъ какъ въ калейдоскопѣ смѣняются извѣстія ростовскія новгородскими, кіевскія — суздальскими, тверскія — псковскими и пр. и пр., многія изъ нихъ не дописываются до конца, или не имѣютъ

[1]) Тамъ же, стр. 46.
[2]) Тамъ же, стр. 51.

начала, или по неизвѣстной причинѣ повторяются почти буквально въ разныхъ мѣстахъ и даже подъ разными годами и все это связано только одною внѣшнею связью, именно идеей московской государственности. Тогда какъ въ своихъ первоначальныхъ мѣстахъ, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ, они конечно не могли представлять такого безпорядка и не были окрашены никакой другой идеей, кромѣ идеи мѣстной государственности. Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ житель Тверской области въ удѣльно-вѣчевую эпоху (а у насъ рѣчь идетъ исключительно объ этомъ времени) вплоть до 1486 года не считалъ Московскаго князя своимъ государемъ. Для него все его государство былъ его великій князь Тверской и его стольный городъ Тверь. Ни одинъ Новгородецъ, вплоть до 1478 года, не признавалъ Московскаго князя своимъ государемъ, потому что его государь былъ „Господинъ Великій Новгородъ“. Точно также и въ другихъ княжествахъ, до утраты ими своей политической самостоятельности, идея мѣстной государственности предшествовала позднѣйшей московской. Поэтому выдѣлить изъ всего этого пестраго калейдоскопа извѣстій, составляющихъ содержаніе позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, извѣстія первоначальныя и, такъ сказать первомѣстныя, не окрашенныя духомъ чуждой имъ государственности, представляется дѣломъ значительно труднымъ, требующимъ большой эрудиціи и критическаго таланта.

Тверскія извѣстія, т. е. заимствованныя авторами сборниковъ изъ мѣстныхъ тверскихъ лѣтописей, разсѣяны безпорядочно въ различныхъ лѣтописныхъ сборникахъ, такъ что есть они напр. въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, Софійскомъ временникѣ, въ Воскресной лѣтописи, въ Никоновской и пр., но глав-

нымъ образомъ заключаются въ сборникѣ — не безъ основанія именуемомъ Тверскою лѣтописью, который поэтому и имѣетъ для насъ особое значеніе. Этотъ сборникъ, хотя и составленъ не въ Твери, а въ Ростовѣ, и въ XVI вѣкѣ, и хотя также по изслѣдованію г. Тихомирова, „подвергся измѣненіямъ и въ первоначальномъ своемъ видѣ не дошелъ до насъ“ [1]), но заключаетъ въ себѣ ту драгоцѣнную для насъ особенность, что во второй своей части заключаетъ матеріалъ чисто мѣстнаго, Тверскаго происхожденія, и только случайно попавшій въ руки Ростовскому жителю. Это — безспорно установленный фактъ, такъ что даже академикъ Шахматовъ, не особенно расположенный оттѣнять значеніе мѣстныхъ источниковъ, даже повидимому отвергающій ихъ, какъ источникъ для позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, матеріалъ этой части Тверской лѣтописи считаетъ Тверскимъ по происхожденію, только онъ начинаетъ его не съ 1285, какъ это дѣлаетъ изслѣдователь Тверской лѣтописи г. Тихоміровъ, а съ 1255 года. [2]) Впечатлѣніе мѣстнаго,

---

[1]) Прекрасная его статья, разсматривающая свой предметъ вполнѣ основательно, помѣщена въ Журн. Нар. Пр. за 1876 г., дек. и озаглавливается: „О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью“, стр. 273.

[2]) Зап. Имп. Акад. Наукъ и Спб. 1899. Т. IV. № 2. Стр. 210. Пусть извинитъ насъ почтеннѣйшій академикъ, но соображенія его, развитыя въ цѣломъ рядѣ статей въ Жур. М. Н. Пр., начиная съ сент. 1900 г. подъ заглавіемъ: „Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.“, о томъ, что позднѣйшимъ московскимъ лѣтописнымъ сводамъ предшествовали также своды, возникшіе здѣсь еще задолго до пріобрѣтенія Москвою самостоятельнаго политическаго значенія, а не мѣстныя лѣтописи, записи и замѣтки, кажутся намъ далеко не убѣдительными. Они носятъ скорѣе характеръ догадокъ и предположеній, чѣмъ строго научной аргументаціи, въ данномъ случаѣ особенно желательной, въ виду важности затрогиваемой имъ темы. Если стать на приводимую имъ точку зрѣнія, то придется признать между прочимъ столь удивительную и невозможную вещь, будто-бы даже „Владимірскій Полихронъ“, (т. е. древняя, ведшаяся во Владимірѣ лѣтопись) составленъ московскимъ митрополитомъ, и только потому такъ называется, что московскій митрополитъ первоначально носилъ титулъ каѳедральнаго своего города Владиміра. (См. цит. статью,

Тверского, происхожденія этой части сборника въ его глазахъ столь сильно, что онъ даже допускаетъ, что авторъ его Ростовскій житель былъ Тверякъ по происхожденію. [1]) Этотъ Ростовецъ—Тверякъ свой Тверской матеріалъ заимствовалъ—и это тоже установленный наукой фактъ—изъ такъ называемаго „Лѣтописца княженія Тферскаго", то есть изъ первоначальной Тверской лѣтописи, составленной и составлявшейся въ Твери въ XV вѣкѣ, а можетъ быть и въ части XIV—, по распоряженію ея великихъ князей и при участіи по мнѣнію того же академика, Тверскихъ епископовъ—или св. Арсенія, или Антонія. [2]) (Почему говоримъ раздѣлительно—объяснимъ ниже). Вотъ части-то этой первобытной Тверской лѣтописи—въ полномъ видѣ не дошедшей до насъ—и сохранены намъ Ростовскимъ жителемъ въ болѣе или менѣе неповрежденномъ видѣ, тогда какъ другія

сентябрь, стр. 176). Мы предпочитаемъ въ этой области придерживаться старыхъ мнѣній, что позднѣйшіе московскіе своды суть ничто иное, какъ компиляціи, включившія въ свой составъ древнія мѣстныя лѣтописи, записки и замѣтки, восходящія къ XII—XV вѣкамъ. Таково напр. мнѣніе критикуемаго имъ г. Тихомірова. (См. отчетъ о 40-мъ присужд. наградъ гр. Уварова. Зап. Имп. А. Наукъ. Тамъ же). Главнымъ препятствіемъ къ признанію его точки зрѣнія служитъ то, что по мнѣнію другихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ то профессоровъ Буслаева, Ключевскаго и Пыпина, Москва XIV и XV вѣковъ не могла для этого служить подходящимъ мѣстомъ, такъ какъ просвѣщеніе здѣсь было развито мало, или его вовсе не было. (Пыпинъ Ист. Рус. литературы. Т. 1 стр. 336, у него же и ссылка на Буслаева. Ключевскій. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871. стр. 74). Даже и Ростовскій житель, составлявшій свой Тверской сборникъ въ 1534 году между извѣстными ему центрами тогдашняго просвѣщенія, каковы напр. Кіевъ, Новгородъ и Ростовъ, не помѣщаетъ Москвы. (См. П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 142. Ср. еще Пыпинъ цит. соч. стр. 337, 357, 359, 360). Проф. Ключевскій, приводя это мѣсто, какъ бы въ дополненіе и поясненіе его считаетъ необходимымъ замѣтить, что „даже пророкъ и одинъ изъ основателей ея политическаго величія не нашелъ себѣ въ ней русскаго жизнеописателя" Цит. соч. стр. 74.

[1]) Цитов. „Отчетъ", стр. 209

[2]) Тамъ же.

части ея или пропали, или въ видѣ различныхъ отрывковъ, попали, какъ сказано выше, въ другія лѣтописи.

Занимаясь изученіемъ состава и текста тѣхъ частей Тверской лѣтописи, которыя считаются несомнѣнно заимствованными изъ первоначальнаго, такъ называемаго „Лѣтописца княженія Тферскаго", мы замѣтили, что всѣ онѣ отличаются совершенно особымъ колоритомъ, отличнымъ отъ того, какимъ окрашены остальныя части Тверской лѣтописи. Въ ней также болѣе или менѣе замѣтны особые колориты извѣстій новгородскихъ, ростовскихъ и пр. Мы больше всего интересовались Тверскими извѣстіями съ тою цѣлію, чтобы, если это намъ удастся, выдѣлить ихъ въ особый сборникъ, который можно было-бы назвать въ собственномъ смыслѣ Тверскою лѣтописью въ первоначально—нормальномъ смыслѣ этого слова. Такая лѣтопись, конечно, не начиналась-бы съ сотворенія міра и даже не съ начальной Кіевской лѣтописи, а только съ перваго Тверского князя Ярослава Ярославича и кончалась бы послѣднимъ княземъ—Михаиломъ Борисовичемъ, и заключала-бы въ себѣ текстъ, который послѣ всѣхъ критическихъ испытаній могъ-бы представлять изъ себя текстъ несомнѣнно Тверскаго происхожденія, записанный въ Твери, и никакъ непозже 1486 года. Такой лѣтописецъ былъ-бы очень важнымъ пособіемъ для работъ по Тверской исторіи съ самаго ея начала и почти вплоть до конца XV вѣка. Вотъ во время этихъ-то работъ намъ и пришлось прочесть ново-открытый памятникъ Тверской письменности XV вѣка: „Инока Ѳомы похвальное слово о Тверскомъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ". Впечатлѣніе, которое оно произвело на насъ, было громадное. Первая мысль,

которую оно произвело, была та, что это — вовсе не слово, а — таже лѣтопись, но только видъ имѣетъ чего-то другого. Второю мыслію было необычайное сходство, и во многихъ отношеніяхъ, съ тѣми частями Тверской лѣтописи, которыя составляютъ несомнѣнное заимствованіе изъ „Лѣтописца княженія Тферскаго“. Впечатлѣніе сходства было до такой степени сильнымъ, что мы никакъ не могли отъ него отдѣлаться. Это обстоятельство и побудило насъ сдѣлать сравненіе обоихъ текстовъ съ возможныхъ точекъ зрѣнія. И вотъ результатъ, къ которому мы пришли: оба текста несомнѣнно однородны и близко родственны между собою, такъ что возникаетъ даже мысль если не о тожественности авторовъ того и другого, то о единствѣ ихъ общаго первоисточника, каковымъ только и можетъ быть „Лѣтописецъ княженія Тферскаго“, т. е. первоначальная Тверская лѣтопись болѣе или менѣе древняго, неповрежденнаго состава. Основанія, приведшія насъ къ такому результату, мы и имѣемъ честь предложить просвѣщенному вниманію г.г. Членовъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи. [1])

I.

1. Прежде всего наше вниманіе обращаетъ общій тонъ обоихъ текстовъ. Тверская лѣтопись (въ той своей части, которая представляетъ заимствованіе изъ „Лѣтописца кн. Тф.“), „съ начала и до конца остается вѣрна одному княжескому роду, всегда относится сочувственно къ Тверскимъ князьямъ; мы не находимъ въ ней ни одного извѣстія, которое было бы не въ пользу ихъ. При описаніи тѣхъ событій, въ которыхъ дѣятельность Тверскихъ князей является

[1]) Читано въ засѣданіи Коммиссіи 14 іюля 1911 года.

не въ выгодномъ свѣтѣ, составитель лѣтописи старается ихъ оправдать и сложить всю вину или на ихъ противниковъ, или на злыхъ людей. Такъ, подъ 6915 годомъ, говоря о бѣгствѣ изъ Твери въ Москву Юрія Всеволодовича, лѣтопись прибавляетъ: подмолви его Романь Скудинь". Такимъ образомъ Юрій представляется человѣкомъ, котораго „зліи человѣцы извидиша отъ предѣла его". Не смотря на то, что Юрій виноватъ предъ Иваномъ Михайловичемъ, послѣдній желаетъ примириться съ нимъ и для этого „многажды" посылаетъ въ Москву къ Юрію съ убѣдительными словами; но Юрій поддается рѣчамъ злыхъ совѣтниковъ и упорствуетъ. Подъ 6911 годомъ говорится, что Иванъ Михайловичъ вступилъ въ распрю съ Василіемъ Кашинскимъ, потому что послѣдній не почалъ слушати брата своего старшаго". Замѣчательно, что только въ двухъ извѣстіяхъ говорится довольно подробно о внутреннихъ распряхъ Тверскихъ князей; остальные же извѣстія объ этомъ весьма кратки. Такъ, напримѣръ, „въ Рождество Христово приславь ис Кашина съ матерью, князь Михайло Василіевичъ цѣлованіе сложилъ, и поихалъ на Москву, а оттолѣ къ Ордѣ", или: „того же лѣта князь Иванъ Всеволодовичъ отъихалъ на Москву со Твери", или подъ 6882 годомъ: „Кашинскій князь Васко ступи на Москву" и. т. п. Зачѣмъ тотъ или другой князь убѣжалъ въ Москву, что его побудило слагать крестное цѣлованіе къ Тверскому князю и бѣжать изъ отчины, этого Тверская лѣтопись не объясняетъ, а если и объясняетъ, то, какъ мы видѣли, въ пользу Тверскихъ князей. Вообще лѣтописецъ, при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшитъ высказать свою любовь и привязанность къ князю; ѣдетъ-ли князь въ Орду, онъ дѣлаетъ это „хотя

потрудится за христіаны"; побѣду-ли онъ одержитъ— лѣтописецъ приписываетъ это помощи Божіей: пособѣ Богъ великому князю"; въ Ордѣ Тверскаго князя принимаютъ ласково, исполняютъ его желанія; съ особеннымъ чувствомъ описывается иногда возвращеніе Тверскихъ князей изъ Орды; часто при имени Тверскаго князя стоитъ эпитетъ: „православный", „благовѣрный", однажды: „Богомъ почтенный господинъ самодрьжецъ" и всегда „великій князь". [1])

Тотъ же самый тонъ и тоже самое отношеніе къ Тверскому княжескому дому мы встрѣчаемъ и въ изложеніи инока Ѳомы, только это сочувствіе выражено у него въ болѣе интенсивныхъ формахъ, мѣстами поэтично художественныхъ, мѣстами риторически вычурныхъ. Объясняется это тѣмъ, что авторъ не только историкъ, но и ораторъ—поэтъ и кромѣ того еще лице духовное, очевидно лице близкое, а можетъ быть и родственное своему государю, котораго онъ такъ же, какъ и Тверской лѣтописецъ, называетъ „благочестивымъ" „самодержцемъ" „великимъ княземъ". Тогда какъ, въ иномъ мѣстѣ авторъ Тверской лѣтописи прямо заявляетъ, что онъ ненаучился „дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имутъ ритори", Ѳома инокъ слагаетъ свои словеса какъ прирожденный риторъ, мѣстами художественно прекрасно, мѣстами витіевато напыщенно, даже безтолково—безграмотно, если только не относить послѣдняго обстоятельства на счетъ порчи его текста позднѣйшими переписчиками. Въ общемъ же онъ производитъ впечатлѣніе человѣка умнаго, начитаннаго и безгранично преданнаго своему князю. Для него

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1876. Декабрь, стр. 304—305. Вышецитов. статья г. Тихомірова.

весь міръ — его Тверское княжество, а его господинъ — его князь, и каждое слово Ѳомы объ этомъ лицѣ, такъ сказать, насквозь проникнуто идеей мѣстной, тверской государственности. Онъ уважаетъ и другихъ князей и между ними также и Московскаго, котораго онъ часто называетъ „братомъ“ его князя и не прочь даже иногда сказать о немъ хорошее слово, но все-таки онъ считаетъ его только равнымъ своему князю. Однимъ словомъ, Тверской князь—всеобъемлющій центръ его міросозерцанія. Приведемъ для примѣра образецъ его краснорѣчія: „Сматряю я и ужасаюся! Мню: велика есть вѣра отца (Бориса Александровича) великаго князя Александра Ивановича! Но отъ благаго корени Богъ производитъ и хорошій плодъ. О, глубина мудрости и строенія великаго князя Бориса Александровича, яко несказанно и неизреченно строеніе его бысть“. [1]) (Рѣчь идетъ по поводу широкой церковно-строительной дѣятельности князя Б. А.). Но да не мнитъ кто изъ васъ: „ласканія быти словеса моя сія, но истинныя вещи посреди насъ предстоятъ“.... Но не си-ли слышали прежнихъ лѣтописцевъ, (яко) кійждо (изъ) нихъ величалъ своего царя? Кольми паче и мы должны величати своего государя князя Бориса Александровича. Сей бо есть нашего града похвала! И несть-ли чли писаннаго: Бога бойтеся, а царя чтите? И азъ иного не имамъ чимъ чтити его, [2]) хотя онъ самъ и не требуетъ отъ насъ похвалы! Да убоимся притчи о лѣнивомъ рабѣ, скрывшемъ талантъ государя своего... Но что можетъ быть дивнѣе и славнѣе, какъ не похвалити

[1]) Рукопись. стр. 27—28. Пропускаемъ изобильно уснащающія текстъ частицы, въ родѣ „но“, „же“, „и“ и пр. возможно попавшія въ него отъ неумѣлыхъ позднѣйшихъ справщиковъ.

[2]) Рукопись, стр. 17. Передаемъ мысли съ пропусками излишнихъ словъ и повтореній.

истиннаго строителя и пастыря великаго князя Б. А. Вижте благолѣпное церковное устроеніе вел. князя Б. А. и вижте градъ его зданія и вижте чудныхъ весей дѣланіе! На небесѣхъ (то) дѣло ангельское есть Бога славити, а на землѣ человѣкомъ князя чтити. Воистинну пастырь бѣ великій князь Б. А., еже пасы и строа новый Израиль, Богомъ спасенный градъ Тѳерь. „И преже бо его мнози пастыри быша. Великій князь Иванъ пастырь бѣ и вел. князь Александръ бѣ. Но не устроиша тако Богомъ спасеннаго града Тѳери, яко же великій князь Борисъ". (Однако) не похуляю тихъ, (а только) другаго строеніе похваляю... Упасе бо Давидъ люди своя рукою Моиссевою и Ааронею. Князь же великій Борисъ А. воистинну реку: новый есть Давидъ пасый и строяй достояніе праотецъ своихъ! Видите-ли какъ (онъ) царскому и праотеческому престолу достоинъ есть! Речемъ же ему вси яко единеми усты: благословенъ великій князь Б. А., яко же храняй законъ Гдень, благословенъ и въ градѣ, благословенъ и на селѣ и благословенъ во всякомъ своемъ строеніи, благословенъ и на всякомъ мѣстѣ и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ". [1])

2) Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее сходство—совпаденіе. „Лѣтописецъ княженія Тферскаго" въ изложеніи Ростовскаго жителя служитъ для насъ единственнымъ источникомъ о такихъ Тверскихъ событіяхъ, о которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ сообщается мало или вовсе не сообщается. Такъ напр. безъ этого лѣтописца мы ничего не знали-бы изъ исторіи Тверскаго княжества послѣ смерти Ивана Михайловича, потому что другіе лѣтописные

1) Рукопись, стр. 28-30. Передаемъ мысли съ пропусками повтореній и излишнихъ словъ.

сборники мало сообщаютъ намъ объ этомъ свѣдѣній; не знали бы также хорошенько смѣны Тверскихъ князей по смерти Ивана Михайловича, потому что другія лѣтописи очень сбивчиво передаютъ объ этомъ. Наконецъ въ немъ есть извѣстія, (до 60), которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ эти извѣстія. „Подъ 6938 г. говорится о женитьбѣ Свидригайла въ Твери на княжнѣ Аннѣ и о постройкѣ моста чрезъ Тмаку; подъ 6946 г.—о постройкѣ и освященіи церкви Бориса и Глѣба, подъ 6950 г.—о голодѣ въ Твери, подъ 6951 г.—о голодѣ по всей русской землѣ и Твери, а также о пожарѣ въ Твери на осенній Николинъ день, на ночь; 6954 г.—объ участіи Бориса Александровича въ возвращеніи московскаго стола Василію Васильевичу. Василій съ Вологды бѣжалъ въ Тверь, куда еще прежде бѣжали его бояре; здѣсь Борисъ А. обручилъ за старшаго сына Василія Васильевича, Ивана, свою дочь. Димитрій Шемяка съ княземъ Иваномъ Можайскимъ пошли къ Твери ратію, но бояри отъ нихъ всѣ отъѣхали въ Тверь къ Василію; Шемяка „видя свое безсиліе и неправду“ бѣжалъ въ Галичь. Василій Васильевичъ съ тверскою ратью пошелъ къ Угличу; Угличане затворились; тогда Борисъ Александровичъ прислалъ пушки, и Угличане должны были сдаться. Василій за услугу далъ Борису Александровичу городъ Ржеву; но Ржевцы также затворились въ городѣ, такъ что и противъ нихъ Борисъ долженъ былъ употребить въ дѣло пушки; только послѣ трехнедѣльной осады города Ржевцы сдались, и Борисъ Александровичъ посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ: Василія Константиновича, да Льва Измайлова. Ржева была взята около великаго заговѣнія. Подъ 6954 г. Борисъ А. раззорилъ монастырь св. Ѳеодора Тирона и на этомъ

мѣстѣ поставилъ городъ. Подъ 6955 годомъ: зимой, въ мясное заговѣнье, въ недѣлю, до обѣда Борисъ А. едва не попался въ руки ляха Станислава, занявшаго Ржеву и захватившаго много Тверичей и намѣстника Измайлова, при переѣздѣ въ Ржеву вмѣстѣ съ княгиней; но Борисъ съ княгиней счастливо спаслись въ Опоку. Подъ 6956 годомъ: выпалъ снѣгъ. Подъ 6957 годомъ: много было „свирцѣлей“: „по городу стада летали велики, садилися по церквамъ, по хоромомъ“; подъ этимъ же годомъ говорится о ранней веснѣ: „о заговѣніи великомъ о молочномъ, тепло стало, до Велика дня учали сѣати, а Волга прошла за недѣлю до Благовѣщеніева дни; а Благовѣщеніевъ день былъ на 5-й недѣлѣ во вторникъ“; потомъ говорится о пожарѣ; пожаръ начался на ранней зорѣ: „а солнце зашло и люди учали ходити по пожарищу, мѣсяца марта 25-го“. Подъ 6959 г. февраля 12 померла жена Бориса, Настасія. Подъ 6950 годомъ: замѣтка о длинной осени: „Волга встала канунь Рождества Христова, и о заложеніи Борисомъ церкви во имя св. Михаила. Подъ 6961 г. о нападеніи Шемяки на Кашинъ, 10 сентября, о женитьбѣ Бориса Александровича на дочери Александра Суздальскаго, Настасьи, о рожденіи у Бориса сына Михаила. Подъ 6963 годомъ говорится объ окончаніи постройки церкви архистратига Михаила и объ освященіи ея, о рожденіи у Бориса сына Александра и смерти его. Подъ 6965 годомъ упоминается о смерти епископа Иліи 30 декабря, а подъ 6966 г., 29-го января,—о постановленіи въ епископы Моисея“. [1])

У Ѳомы мы замѣчаемъ тоже самое явленіе. Мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ извѣстій, совершенно новыхъ, т. е. такихъ, о которыхъ не говорится ни

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1876. 12. стр. 300—301, и 306.

въ какихъ иныхъ доселѣ извѣстныхъ лѣтописныхъ сборникахъ. Таково напримѣръ обращенное къ Твер. в. князю Борису А. приглашеніе Византійского императора Іоанна прислать посла на Флорентійскій соборъ; описаніе самого этого посольства, во главѣ котораго былъ поставленъ Тверскимъ княземъ самъ авторъ нашего памятника боярин̀ъ и можетъ быть онъ же (о чемъ ниже) инокъ Ѳома; описаніе заступничества Тверскаго великаго князя Бориса А. за Зубцовскаго князя Ивана Юрьевича, подвергшагося нападенію московского воеводы боярина Колычева; описаніе посольства Гератскаго хана Шахруха къ этому же великому князю Тверскому Борису А.; описаніе помощи, оказанной Тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ А. Московскому великому князю Василію Васильевичу; описаніе сватовства Московскаго в. князя Василія В. у Твер. в. князя Бориса А., причемъ объ отношеніяхъ Тверского князя къ Московскому здѣсь передано совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ въ московскихъ лѣтописяхъ, но согласно почти во всѣхъ деталяхъ съ Ростовскимъ жителемъ; цѣлый рядъ фактовъ относящихся къ церковной дѣятельности Бориса Александровича. Всего же къ 60 извѣстіямъ Ростовскаго жителя Ѳома, не смотря на ограниченный объемъ его произведенія и цѣль его (похвалу великому князю Тверскому), прибавляетъ еще около 15. Всѣ эти извѣстія совершенно того же характера, т. е. изложены тѣмъ же самымъ стилемъ (если конечно очистить ихъ отъ безобразящей ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коры риторики), какимъ они изложены и у Ростовскаго жителя. Но что всего замѣчательнѣе — эти извѣстія составляютъ продолженіе извѣстій именно съ того хронологическаго пункта, на которомъ они останавливаются въ Тверской лѣтописи и притомъ

такъ, что многія изъ нихъ близко или вполнѣ соотвѣтствуютъ такъ называемымъ „пустымъ“ годамъ въ этой лѣтописи. (Это тѣ годы, которые только обозначены, но подъ которыми нѣтъ никакихъ извѣстій), эти годы слѣдующіе: 6934 (1426), 6935 (1427), 6944 (1436), 6945 (1437), 6952 (1444), 6958 (1450), 6962 (1454), 6967 (1459), 6968 (1460). Подобные пустые годы встрѣчаются и въ другихъ лѣтописяхъ и объясняются изъ предположенія, что писецъ или могъ не имѣть въ данный моментъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что произошло въ данный годъ, или вовсе не имѣлъ ихъ, намѣреваясь современемъ восполнить ихъ, или другими причинами. Могло быть и такъ, что въ тѣхъ источникахъ, которыми пользовался лѣтописецъ—въ данномъ случаѣ: въ томъ спискѣ „Лѣтописца княженія Тферскаго“, который былъ подъ руками у Ростовскаго жителя—также стояли эти незаполненные годы. Такъ, 6934 году княженія Бориса А. соотвѣтствуетъ извѣстіе о заступничествѣ его за Зубцовскаго князя Ивана Юрьевича, 6944—6945 соотвѣтствуетъ описаніе посольства Ѳомы на Флорентійскій соборъ (бывшій въ концѣ 1438 и нач. 1439 г.). (Замѣтимъ въ скобкахъ какъ о значительной вещи: въ текстѣ дошедшаго до насъ „Слова“ Ѳомы въ этомъ мѣстѣ выдрано или потерялось важное мѣсто, именно текстъ собственноручнаго письма Византійскаго Императора Іоанна къ Тверскому великому князю Борису А. съ приглашеніемъ послѣдняго прислать посла на соборъ. Отъ этого письма сохранились въ рукописи только послѣднія строки). Годамъ съ 6952 по 6958 соотвѣтствуетъ описаніе церковно-строительной дѣятельности Бориса Александровича. Къ этому же періоду нужно относить извѣстіе о посольствѣ Шахруха—точнаго года у Ѳомы нѣтъ,—но

нужно полагать, что этотъ восточный государь умеръ въ 1447 году, такъ какъ въ этотъ именно годъ на Гератскій престолъ вступилъ его сынъ, знаменитый впослѣдствіи астрономъ востока Улугъ—бекъ. Годамъ 6962—8 соотвѣтствуетъ описаніе—лучшая часть текста у Ѳомы—отношеній Тверского князя Бориса А-ча къ Московскому князю Василію В-чу.

Правда у Ѳомы мы находимъ годы, гдѣ хронологія не вполнѣ соотвѣтствуетъ хронологіи Тверской лѣтописи и другимъ лѣтописямъ, но это—вопросъ, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія, котораго мы по существу не касаемся и не будемъ касаться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Считаемъ только необходимымъ здѣсь констатировать самый фактъ нѣкотораго различія въ отношеніи къ хронологическимъ даннымъ Тверской лѣтописи и „Слова" Ѳомы. Ростовскій житель—авторъ Тверской лѣтописи—является въ отношеніи хронологіи весьма разборчивымъ критикомъ, какъ это можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ его труда. „Пишетъ же въ Новгородскомъ лѣтописци, говоритъ онъ, лѣто весною починаетъ, а осень и зиму глаголетъ: тоя же осени и зими; азъ же пишу по индикту начало, и сего ради не согажается лѣты съ инѣми лѣтописци, точію времена мѣсяцемъ въ лѣтѣ изсматряй, и послѣ коего начала лѣту пишетъ, того и лѣта." И дѣйствительно хронологія его не сходится съ Новгородскими и Суздальскими лѣтописями, и самъ составитель нѣсколько разъ указываетъ на эту разницу; такъ подъ 6694 г. разсказывается о знамени; разсказъ этотъ взятъ изъ Новгородской лѣтописи, въ которой помѣщенъ подъ 6693 г.; составитель противъ этого мѣста написалъ: „нов. 693"; точно также—о прибытіи Алексѣя Мануиловича въ Новгородъ въ Новгородской лѣтописи сообщается подъ

6693 г., а у нашего автора подъ 6694 г.; эту разность также отмѣтилъ составитель. Нѣкоторыя событія, записанныя въ Новгородской лѣтописи подъ однимъ годомъ, у Ростовскаго жителя (въ Тверскомъ сборникѣ) записаны подъ разными годами. Такъ, объ избраніи Мартирія въ епископы разсказывается подъ 1193 г., а о прибытіи его изъ Кіева въ Новгородъ подъ 1194 г., такъ какъ прибытіе это было 16 января и въ сентябрьскомъ году—слѣдующаго года.“ [1]) Вслѣдствіе такого отношенія къ хронологіи у автора Тверской лѣтописи и могла явиться разность съ указаніями другихъ лѣтописей о тѣхъ же самыхъ событіяхъ. У Ѳомы же, какъ преимущественно оратора и витіи, не только не могло, но и не должно было быть такого отношенія къ хронологическимъ вопросамъ. Годы повидимому онъ ставилъ случайно, списывая ихъ съ своего источника безъ обращенія на нихъ особеннаго вниманія.

Впрочемъ это должно быть сказано только относительно первой части „Слова“, имѣющаго болѣе литературный характеръ, чѣмъ лѣтописный или историческій, тогда какъ со второй части его оно имѣетъ только этотъ послѣдній характеръ. Вообще же нужно сказать, что онъ скупъ на годы, въ особенности въ первой половинѣ своего труда. Кромѣ сего, въ объясненіе разницы между хронологіей Тверской лѣтописи и инока Ѳомы можетъ быть сказано и то, что подъ руками авторовъ того и другого можетъ быть были различные списки одного и того же предполагаемаго ихъ источника „Лѣтописца княженія Тферскаго“. Не забудемъ также и вышеприведеннаго замѣчанія г. Тихомірова, что Тверская лѣтопись подверглась измѣненіямъ, и что въ своемъ первоначаль-

[1]) Изъ статьи г. Тихомірова. Ж. М. Н. Пр. 1876. 12. стр. 266.

номъ видѣ она не дошла до насъ. Такъ что, можетъ быть то отличное, что мы встрѣчаемъ въ текстѣ Ѳомы, можетъ быть ближе къ своему первоначальному источнику, чѣмъ то, что сохранилось въ той редакціи Тверской лѣтописи, которая дошла до насъ. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, вопросъ о хронологіи памятника требуетъ еще особаго спеціальнаго изслѣдованія.

3) Сравнивая далѣе мѣста изъ Тверской лѣтописи несомнѣнно Тверского происхожденія и текстъ инока Ѳомы, мы замѣчаемъ одинаковую манеру составителей ихъ предварять или сопровождать нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ извѣстій тѣми или другими благочестивыми сентенціями, сравненіями или цитатами, заимствованными изъ священной исторіи. Такъ напримѣръ, Ростовскій житель, сообщивъ о неудачной битвѣ Новгородцевъ съ Тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ лѣто 6880-ое, заключаетъ ее слѣдующей тирадой: „сіа вся наводитъ Богъ грѣхъ ради нашихъ; самъ же рече: обратитеся ко мнѣ, и азъ къ вамъ обращуся; отступите отъ злобъ вашихъ, и пріимите благаа. Разумѣйте, братіа, силу Божію. Кый градъ бысть тверже, ли силнѣе Ерусалима? бяше имѣа велики 4 стѣны каменны, и единъ изъ него исхождаше на 100, и безъ раны хождаше; и единою Титъ обьступиша градъ, и выидоша 7 храбрыхъ, и просѣкоша 7 улиць до самаго Тита, и взвратишася невредженніи, и въ 2-е лѣто взя Титъ Іерусалимъ, и поплѣни весь градъ и стоа пустъ 60 лѣтъ. Разумѣйте, братіа, аще бо ти побѣженіи, то есть мужество еже уповати на Бога; а человѣческаа помощь ничтоже есть, еже сіи сътвориша собѣ Новогородци за высокоуміе“! [1]) Туже самую

[1]) Тверская лѣтопись, П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 432.

манеру замѣчаемъ и у Ѳомы, съ тою только разницею, что у послѣдняго подобныхъ украшеній текста встрѣчается больше. Приведемъ примѣръ. Вотъ напримѣръ предисловіе къ описанію великаго пожара, случившагося въ Твери въ 6957 году. „Любяй же Богъ великаго князя Бориса Александровича, попусти на него скорьбь, да бы ся не превозносилъ. О семъ бо рече моляся великій Павелъ: да дас ми ся томитель, да ся не превознощу. Но понеже увеличися власть его и возвысися слава имени его въ страны далечія, и понеже бо таковая скорбь отъ многыхъ лѣтъ на мнозѣхъ градѣхъ не бывала, но на великаго же моужа и искоуси великый рку и якоже пишетъ въ церковныхъ лѣтописцехъ при великомъ цари Оустіанѣ и при великомъ цари Феодосіи таковыя и незабвенныя пожары быша. Тако же и при семъ великомъ князѣ Борисѣ А. великій незабвенный пожаръ бысть въ лѣто 6957". [1]) Не будемъ еще приводить примѣровъ, потому что со многими изъ нихъ встрѣтимся ниже по другимъ поводамъ.

4) Затѣмъ мы замѣчаемъ единство источника свѣдѣній у составителя того и другаго памятника. Несомнѣннымъ источникомъ свѣдѣній о тверскихъ событіяхъ для Ростовскаго жителя служила „Лѣтопись княженія Тферскаго", ведшаяся при дворѣ Тверскаго князя. Тотъ же источникъ несомнѣнно нужно предполагать и у инока Ѳомы, только несравненно болѣе полнаго и совершеннаго вида, такъ какъ онъ жилъ въ самомъ мѣстѣ его составленія. Вотъ причина, между прочимъ, почему въ его „Слово" попали факты, недошедшіе по тѣмъ или другимъ причинамъ до Ростовскаго жителя. И въ самомъ „Словѣ" инока Ѳомы есть прямое указаніе на пользованіе этимъ

[1]) Рукопись, стр. 32, 33.

источникомъ. Такъ, на 283 листѣ его рукописи (39 страница, по изданію г. Лихачева) мы читаемъ: „о томъ же великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ слово отъ лѣтописца вкратцѣ. Лѣта ѕц҃нг (1445)“. — Вникая въ характеръ текста Ѳомы, мы замѣчаемъ, что съ этого пункта и самая рѣчь его принимаетъ значительно иной характеръ: витіеватость и риторика почти отпадаютъ, онъ дѣлается кратокъ, хотя и плавенъ и поэтиченъ, несмотря на свой общій лѣтописный стиль. А если мы вникнемъ въ содержаніе разсказываемаго такимъ образомъ, то сейчасъ же откроемъ и причину этого. Дѣло въ томъ, что авторъ начинаетъ говорить объ отношеніяхъ Тверскаго князя къ Московскому. Приходится совмѣстно говорить о двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно—Московскій князь —для него лицо постороннее, которое онъ почитаетъ, но къ которому онъ совершенно равнодушенъ и, слѣдовательно, панегирическій тонъ по отношенію къ этому лицу встрѣчаетъ препятствія къ своему выраженію. А можетъ быть причина сего лежала и въ дѣйствительномъ характерѣ тогдашнихъ дѣлъ московскихъ, не заключавшихъ въ себѣ ничего симпатичнаго. Время княженія Москов. князя Василія Василіевича почти изъ года въ годъ соотвѣтствуетъ годамъ княженія Тв. князя Бориса Александровича (разница равняется всего одному году: Борисъ А. умеръ въ 1461 г. а Вас. Вас. въ 1462 г., и оба начали княжить въ 1425 г.) и весь этотъ почти сорокалѣтній промежутокъ у Московскаго князя былъ наполненъ междоусобною, кровавою распрею сначала съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ, а затѣмъ съ его сыновьями Василіемъ и Димитріемъ Юрьевичами, тогда какъ тотъ же періодъ времени въ Твер. княжествѣ при Борисѣ Александровичѣ былъ

посвященъ мирному, культурному развитію его народа. И только по окончаніи описанія московскихъ событій нашъ авторъ – Ѳома—возвращается снова къ своему риторическому стилю, хотя и въ меньшей степени.

5) Въ Тверской лѣтописи встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же разсказовъ. Напримѣръ: „о смерти Кипріана митрополита и войнѣ Нѣмцевъ съ Псковичами сообщается два раза: въ первый разъ подъ 6912 г., причемъ поставлено число и во второй разъ—подъ 6914 г., безъ числа; точно также дважды сообщается о возвращеніи Ивана Михайловича изъ Орды подъ 6915 г., о мирѣ Москвичей съ Литовцами на Угрѣ 14 сентября 6916 г. (при второмъ извѣстіи сообщается о силѣ и составѣ непріятельскихъ войскъ: „зловѣрній Витовтъ“ былъ „съ силою Литовскою, и Нѣмецкою и Ляхцкою; князь же великій Василій Дмитріевичъ поиде противу ему со своею братіею и со всѣми силами Рускыми, и съ своею силою Рускою“...); точно также два раза говорится о возвращеніи Ивана Михайловича изъ Орды подъ тѣмъ же годомъ. Подъ 6908 г., два раза, почти дословно повторяется одно и тоже [1]). Такія повторенія, о причинахъ которыхъ могутъ быть высказаны различныя сужденія, встрѣчаются и въ изложеніи инока Ѳомы. Такъ, о нашествіи на Тверь Казиміра авторъ говоритъ въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ очень подробно, въ другомъ очень кратко. Въ первомъ рѣчь разукрашенная, подробная и какъ бы рѣчь очевидца, въ другомъ—въ той части своего сочиненія, которая носитъ заглавіе: „отъ лѣтописца вкратцѣ“, рѣчь лѣтописная, краткая и сухая. Объ Иванѣ Юрьевичѣ Зубцовскомъ

[1]) Тихоміровъ. О сборникѣ, именуемомъ Тверскою Лѣтописью. Ж. М. Н. Пр. 1876. XII. стр. 296.

и нашествіи на него московскаго боярина Колычева также говорится дважды: въ первый разъ въ самомъ началѣ „Слова“, во второй—въ самомъ концѣ его, точнѣе: въ самомъ дошедшемъ до насъ концѣ его, (въ изданіи г. Лихачева) потому что оно здѣсь обрывается на полусловѣ и очевидно—дошло до насъ не въ полномъ видѣ. Повидимому также два раза разсказывается и о нападеніи польскаго короля Казиміра на Ржевъ.

6) Наконецъ, слова и выраженія и вообще языкъ „Слова“ Ѳомы и тверскихъ частей Тверской лѣтописи близко напоминаютъ другъ друга, указывая вѣроятно на единство источника, которому они принадлежатъ, именно все тому же „Лѣтописцу княженія Тферскаго“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Текстъ „Лѣтописца княженія Тферскаго.	Текстъ инока Ѳомы.
„Что же глаголю: кто-бо можетъ исчести мужа того (Михаила Александровича). Многаа бо и прославнаа съдѣяшеся въ дни благовъ-здравства его, елма же не мога вѣдущимъ“. Твер. Лѣт. стр. 464.	„И аще же і иная съ—троенія великаго князя Бориса Александровича и кто ихъ изъчтетъ“. Стр. 26. „И иная же его мужества кто изочтетъ?“ Стр. 17.
„Богу наставляющу наставляющу худость нашу“... Стр. 464.	„Но языкъ ми косенъ и худословесенъ и такое величество исповѣдати“. Стр. 29.
„Мы же елико многа безъ лѣности речемь зряще Рускаго гранографа по великому изложенію предръжаща“... Стр. 460.	„Но точію мы убоимься притчи лениваго оного раба, скрывъшаго таланътъ государя своего“. Стр. 29.

„Да всѣмъ будетъ вѣдомо отъ котораго (то) богосаднаго корени таковаа доброплоднаа отрасль или реку вѣтвь израсте и разумъ же даетъ“... Стр. 464.

„Съ вѣти“. Стр. 477.

„Рушаа, прохлаждаашеся (стр. 269), въдворяася“. Стр. 267.

Употребляется слово: елма—въ значеніи: „чѣмъ“, еще въ формѣ: „елми“. Стр. 464 и 465.

„Но и еще же и новая промышляаше отъ благаго корени то и вѣтвь процвете блага... Стр. 28.

„Съ вѣти“. Стр. 24.

„Дааніемъ“, стр. 10; „созидаа“, стр. 12; „нѣкаа“, стр. 20.

Два раза употреблено это слово и у Ѳомы и повидимому въ томъ же значеніи. Имъ 1) начинается его „Слово“ и 2) въ фразѣ: елма ихъ отриваше, той болмаихъпребываше(чѣмъ больше ихъ убивали, тѣмъ больше ихъ прибывало).

Нерѣдко встрѣчается у обоихъ авторовъ замѣна буквы „ѣ“ въ тѣхъ словахъ, гдѣ она должна писаться, буквою „и“—впрочемъ у Ѳомы чаще, чѣмъ у автора „Лѣтописца княженія Тферскаго“—напр. вмѣсто „ѣздиша“ употребляется: „издиша“ вм. „пріѣхаша“—пріихаша, добродитель, вира, всимъ и пр., по разу встрѣтилось у обоихъ слово „несъвратную“ (Лѣт. 468 и Ѳома 25) въ значеніи „непоколебимую“—что заставило г. Лихачева высказать предположеніе: не знакомъ-ли былъ Ѳома съ Сербомъ Пахоміемъ Логоѳетомъ? Но какихъ-либо выводовъ изъ этого предположенія онъ не дѣлаетъ. Не будемъ дѣлать и мы, потому что совершенно не знаемъ, на что это можетъ быть полезно.

Такое близкое родство двухъ памятниковъ даетъ основаніе предполагать, что одинъ изъ нихъ могъ быть источникомъ для другого, т. е. что „Похвальное Слово“ Ѳомы могло имѣть своимъ источникомъ „Лѣтописецъ княженія Тферскаго“, составленный въ Твери въ княженіе великаго князя Бориса Александровича, которымъ инокъ Ѳома и пользуется, какъ историческимъ матеріаломъ. Вслѣдствіе такого родства съ своимъ источникомъ оно и само дѣлается для насъ такимъ же первоисточникомъ, какъ и этотъ послѣдній. Но, такъ какъ въ „Словѣ“ Ѳомы мы встрѣчаемъ упоминаніе о такихъ фактахъ и событіяхъ, о которыхъ нѣтъ упоминанія въ его источникѣ—„Лѣтописцѣ кн. Тферскаго“,—по крайней мѣрѣ такіе, относительно которыхъ намъ неизвѣстно—находились они тамъ или нѣтъ, потому что они не попали туда, то слѣдуетъ предположить, что подъ руками обоихъ авторовъ, т. е. автора „Слова“ и автора „Тверской лѣтописи или точнѣе „Сборника, именуемаго Тверскою лѣтописью“, были экземпляры одного и того же Лѣтописца княженія Тферскаго“, но различной полноты, или быть можетъ даже различныхъ редакцій, если принять во вниманіе замѣчаемыя между ними нѣкоторыя незначительныя разницы.

Въ виду этого понятно, какъ драгоцѣнна для насъ находка этого „Слова“, 400 лѣтъ скрывавшагося отъ насъ въ тайникахъ московскихъ старообрядческихъ книгохранилищъ! Оно „unicum“ и другихъ списковъ его пока не найдено. Такъ что повидимому справедливы послѣднія слова предисловія издателя его г. Лихачева, что „московскіе книжники позаботились, чтобы твореніе Тверского публициста стало рѣдкостію!“.

Оно даетъ намъ возможность, покрайней мѣрѣ приближетъ къ этой возможности, возстановить „Лѣтопи-

сецъ княженія Тферскаго“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ во время своего возникновенія, т. е. въ первой четверти XV вѣка. Оно важно для насъ какъ историческій источникъ, дающій намъ весьма весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Тверского княжества въ эпоху его самостоятельнаго политическаго существованія, и какъ памятникъ литературный, заключающій въ себѣ важный матеріалъ для изученія понятій, взглядовъ и идеаловъ, и вообще всего внутренняго міросозерцанія Тверскихъ людей XV столѣтія.

Что же касается самаго названія „Похвальнаго Слова“, то оно не должно насъ смущать. Оно не есть только реторическое произведеніе, составленное съ искусственною цѣлію восхваленія какого-либо лица во что-бы ни стало, (т. е. не смотря на отсутствіе для того фактовъ или даже на факты явно противорѣчащіе, каковы напримѣръ многія оды нашей позднѣйшей эпохи), но это—таже лѣтопись, или точнѣе выражаясь: біографическая повѣсть лѣтописнаго вида, разбавленная значительной дозой реторики, и то только въ одной своей части. Похвальное Слово—это обыкновенная литературная форма, свойственная многимъ литературнымъ произведеніямъ того времени, прилагавшаяся нерѣдко и къ чисто историческимъ сочиненіямъ. Такова напр. повѣсть объ Андреѣ Боголюбскомъ, находящаяся въ Лаврентьевской лѣтописи и состоящая вся изъ похвалъ этому лицу. [1]) Таково, напр. Слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ царемъ Темиръ—Кутлуемъ, помѣщенное въ IV Новгородской лѣтописи [2]) и др. Коротко говоря, „Слово“ въ первой своей части есть ничное иное, какъ литературныя

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1876. № 12. Стр. 269.

[2]) Тамъ же. Стр. 279.

варіаціи на лѣтописныя темы, а во второй—чистая лѣтопись, въ обычномъ смыслѣ этого слова. Къ спеціальной характеристикѣ ея слѣдуетъ еще добавить, что эта лѣтопись—повѣсть о дѣлахъ Бориса А—ча, вылилась непосредственно изъ сердца преданнаго ему человѣка, и, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующаго, человѣка честнаго, правдиваго и безпристрастнаго, умѣющаго сказать доброе слово не только о любимомъ человѣкѣ, но и о другихъ лицахъ.

Кто же такой этотъ инокъ Ѳома и въ какомъ отношеніи его личность находится къ личности посла Ѳомы, бывшаго представителемъ Тверского князя на Флорентійскомъ Соборѣ въ 1439 году, а также какое ближайшее его отношеніе къ „Лѣтописцу княженія Тферскаго", т. е. былъ-ли онъ только просто заимствователемъ изъ него или быть можетъ онъ и самъ принималъ участіе въ его составленіи, и, если послѣднее допустимо, то въ какой именно части этого „Лѣтописца кн. Тф."?—все это ближайшіе вопросы, подлежащіе нашему разсмотрѣнію прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію значенія „Похвальнаго Слова" какъ историческаго памятника.

II.

Вопросъ о личности Ѳомы съ перваго разу какъ-то странно двоится 1) на вопросъ - Тверской-ли это посолъ, посланный Тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ А—чемъ на Флорентійскій соборъ или же это посолъ Московскаго князя и только названъ Тверскимъ по ошибкѣ или по чему либо иному и 2) на вопросъ о тожествѣ или раздѣльности означеннаго посла (отъ кого-бы онъ ни былъ посланъ) отъ личности инока Ѳомы, автора „Похвальнаго Слова" Борису Александровичу.

Первый вопросъ, возникшій совершенно случайно,— благодаря ошибочному его истолкованію проф. Голубинскимъ, [1]) введшему въ заблужденіе и другихъ изслѣдователей [2]),—какъ утратившій въ настоящее время, т. е. со времени открытія нашего памятника, всякій свой raison d' être, долженъ быть сданъ въ архивъ.

Второй же вопросъ—о тожествѣ или различіи лицъ инока Ѳомы и посла Тверскаго князя боярина Ѳомы будетъ предметомъ предстоящаго разсмотрѣнія.

Г. Лихачевъ уже сдѣлалъ нѣкоторую попытку къ разъясненію его. Изъ книги Пирлинга: La Russie et le Saint-Siège (t. I. Paris. 1896) онъ узналъ, что отчество Ѳомы было „Михайловичъ", но справляясь съ источниками, откуда Пирлингъ заимствовалъ это свѣдѣніе, онъ нашелъ тамъ слово: Math, что можетъ значить только Матвѣевичъ, такъ что, можетъ быть, что Пирлингъ и не досмотрѣлъ, и написалъ „Михайловичъ", вм. „Матвѣевичъ". Что же касается личности самого Ѳомы, то она у него какъ-то двоится: съ одной стороны, онъ какъ будто хочетъ признать, что инокъ Ѳома—тоже самое лицо, что и Тверской посолъ на Флорентійскомъ соборѣ, бояринъ Ѳома, впослѣдствіи принявшій монашество, съ другой—встрѣчаетъ препятствія къ таковому отожествленію въ самомъ текстѣ его произведенія. Дѣйствительно, таковаго рода препятствія повидимому существуютъ. Въ „Словѣ" мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: „сіа же похвала святыхъ отецъ о великомъ князѣ Борисѣ слышавъ Ѳома, посолъ Тфѣрскій, егда о немъ святымъ отцемъ глаголющимъ, единъ по единому,

---

[1]) Исторія Русской Церкви. М. 1900. Т. II. стр. 433. Пр. 1.

[2]) Гг. Шпакова и Делекторскаго. Сочиненія ихъ указаны у г. Лихачева.

и тогда онъ вся глаголы повелѣ писати и принесе на Русь. И мы же почтохомъ такова писаніа и удивихомься, якоже они, ни видѣша, ни знаша великого государя, токмо слышаша, и написаша таковая похваленія; *а мы же повсегда трапезе его съпричастници бихомъ,* и его здравіемъ въ велицей тишинѣ пребываемъ, какъ умолчимъ изрядныя его добродители?... Тако же *и азъ почетшу онѣхъ отецъ похваленіа* о великомъ князѣ Борисѣ.... и азъ похвалу великому князю Борису Александровичю во [1]) весь умъ изступаю, помышляя онѣхъ высокое похваленіе". [2]) Подчеркнутыя слова, по мнѣнію г. Лихачева, служатъ препятствіемъ къ отожествленію посла Ѳомы и инока Ѳомы, автора „Слова".

Вотъ его собственныя слова: „Прежде всего напрашивается мысль, не бояринъ-ли Тверской Ѳома, бывшій посломъ Тверскаго князя на Флорентинскомъ соборѣ, принялъ монашество и написалъ „Слово"?

Однако авторъ опредѣленно говоритъ, что посолъ Ѳома велѣлъ записать рѣчи митрополитовъ и принесъ на Русь—„мы же почтохомъ такова писаніа и удивихомся".

Вмѣстѣ съ этимъ инокъ Ѳома указываетъ, что былъ постоянный сопричастникъ трапезѣ великаго князя, самовидецъ дѣлъ его и былъ почтенъ отъ него великаго государя.

Противополагая себя боярамъ, исполняющимъ „поручныя" службы, инокъ Ѳома какъ бы подчеркиваетъ, что онъ не одно лице съ бояриномъ, посылаемымъ на соборъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ: „но", вѣроятно по ошибкѣ.

[2]) Рукопись, стр. 9.

Кто такой этотъ придворный и приближенный инокъ, оставившій намъ столь замѣчательный памятникъ, вопросъ остается открытымъ“ [1]).

Намъ кажется, что существуетъ точка зрѣнія, съ которой вопросъ могъ-бы быть разрѣшенъ въ пользу отожествленія того и другого лица. Нерѣшаясь высказывать этого болѣе или менѣе положительно, мы приведемъ только свои соображенія по этому поводу. Прежде всего, не нужно забывать, что списокъ дошедшаго до насъ „Слова“, съ чѣмъ и г. Лихачевъ согласенъ, написанъ довольно поздно, именно въ XVI вѣкѣ, и имѣетъ немало неисправностей въ текстѣ. Слова г. Лихачева объ этомъ слѣдующія: „списокъ относится ко времени начала второй половины XVI вѣка и является сравнительно съ оригиналомъ позднѣйшимъ на цѣлое столѣтіе. Можетъ быть, за это время было сдѣлано послѣдовательно нѣсколько дурныхъ списковъ, можетъ быть самъ оригиналъ былъ написанъ неразборчиво, во всякомъ случаѣ текстъ дошелъ до насъ испорченнымъ. И порча эта была замѣчена старыми владѣльцами рукописи, вносившими подправки и измѣненія отдѣльныхъ словъ“. [2]) Эти слова, конечно, справедливы, и вотъ они-то и даютъ намъ основаніе предположить, что фразы: *азъ почетшу* тѣхъ отецъ похваленія и пр. можетъ быть и не было въ подлинной рукописи Ѳомы, или, если она и была, то въ началѣ своемъ была выражена какъ нибудь иначе. Это, конечно, одно только предположеніе, недостаточно доказательное, но оно можетъ быть и болѣе доказательнымъ при другихъ аргументахъ. Дѣло могло обстоять такъ: Ѳома посолъ (вѣроятно, что въ этомъ званіи онъ былъ еще свѣт-

---

[1]) Предисловіе, стр. LV, LVI.

[2]) Предисловіе, стр. XI.

скимъ лицемъ, почему и имѣлъ отчество) началъ свои путевыя записки писать самъ, и потому, когда онъ достигъ Флоренціи, онъ и говоритъ: „и ту нашѣхалъ есми папу Римьскаго Евгеніа и святого царя Цариградскаго Іоанна“; [1]) затѣмъ, могъ даже о себѣ выразиться въ третьемъ лицѣ, когда онъ заноситъ въ свой дневникъ фразу: „Ѳома же посолъ великаго князя Бориса Александровичя подаде царю писаніе, еже имѣ въ руцѣ своей“. [2]) Но когда начался соборъ, и когда пришелъ чередъ ему самому говорить рѣчь, то уже записывать ему самому сдѣлалось неудобно, и онъ отдалъ приказъ кому либо изъ своей свиты записать, что будетъ въ это время сказано, что̀ тотъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ тоже время въ свою запись замѣтку, что всѣ эти рѣчи „слышавъ Ѳома, посолъ Тферскій.... повелѣ писати, и пренесе на Русь.“ [3]) Можетъ быть посолъ Ѳома первоначально и не имѣлъ намѣренія предавать ихъ гласности, но когда онъ услышалъ отъ собравшихся іерарховъ неожиданно для него лестныя рѣчи о величіи и могуществѣ своего князя, которыхъ (т. е. величія и могущества) быть можетъ онъ и не сознавалъ раньше, находясь въ обыденной обстановкѣ царедворца и сотрапезника своего господина, то послѣ рѣчей, услышанныхъ на соборѣ, онъ такъ воодушевился, что возымѣлъ желаніе подробно описать всѣ его дѣянія въ особомъ произведеніи, которое онъ и назвалъ „Похвальнымъ Словомъ“. Тогда онъ потребовалъ къ себѣ тѣ записки, которыя онъ велѣлъ сдѣлать и, не отнесшись къ нимъ съ достаточною внимательностію, присоединилъ ихъ къ своимъ собственнымъ записямъ. Оттого и

---

[1]) Рукопись стр. 5.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Рукопись, стр. 9.

случилось, что въ его записки попали три фразы чужихъ („Ѳома слышавъ", „повелѣ писати" и „принесе"), которыя пошли за его собственныя. Это называется lapsus, но не lingvae и не memoriae (очень лукавый lapsus), а lapsus occasionis, или, если угодно точнѣе:—писательской болѣзни своего времени. [1]).

Затѣмъ, есть и фактическое, лѣтописное указаніе, что посолъ Ѳома и инокъ Ѳома могутъ быть принимаемы за одно и то же лицо, и мы удивляемся, почему никто имъ не воспользовался. Въ Тверской лѣтописи подъ 7004 годомъ говорится о сватовствѣ Литовскаго князя Александра Казиміровича за дочь Московскаго князя Ивана Васильевича Елену. Елена уѣхала въ Литву въ сопровожденіи свиты изъ Московскихъ бояръ, которые, по минованіи торжества, были отосланы Еленой обратно въ Москву. И вотъ въ числѣ этихъ-то возвращенныхъ бояръ упоминается, между прочимъ, и *попъ Ѳома Легатосъ*. Вотъ это мѣсто въ подлинникѣ: „той же осени (7004) пріихаша на Москву отъ великіа княгины Елены изъ Литвы выслани

---

[1]) Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ подобныхъ lapsus—овъ которые встрѣчаются хоть бы у того же Ростовскаго жителя. Въ первой половинѣ своего труда, „выписывая новгородскія извѣстія изъ новгородскихъ лѣтописей, онъ какъ будто забываетъ, что онъ не Новгородецъ, а житель Ростовской области и говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Напр., подъ 1229 г., при описаніи распрей Ярослава съ Новгородцами, когда послѣдніе цѣловали крестъ Михаилу Черниговскому и послали за нимъ, и когда пословъ ихъ задержалъ князь Смоленскій „по наученью Ярославлю", лѣтописецъ Новгородскій, а вслѣдъ за нимъ и Ростовскій житель говоритъ: „но еже Богъ по насъ, то кто на ны"? Или далѣе, подъ 1231 годомъ, при описаніи бѣдствій отъ голода, когда люди за неимѣніемъ хлѣба ѣли собакъ, кошекъ, лошадей, мохъ, листья и пр.; когда трупы валялись по всему городу, изъѣденные собаками, потому что ихъ некому было прибирать, Ростовскій житель, слѣдуя Новгородскому лѣтописцу, говоритъ: „тоже бы намъ все видяще предъ очима лучшими быти, мы же бѣхомъ пуще... не бысть милости межи нами и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ". Вотъ и еще характерный lapsus. Выписавъ изъ Новгородской лѣтописи извѣстіе о смерти Ефрема, онъ далѣе написалъ: „иже ны учаше". (Тихоміровъ. Ж. М. Н. Пр. 1876. 12. стр. 263 и 267).

останочные бояре, князь Василей Ромодановьскый, да Прокофей Скуратъ Зиновьевъ, да Дмитрей Пѣшковь, да попь Фома Легатосъ, и инѣ мнози". [1]) Легатосъ это—полонизированное латинское legatus и значитъ посолъ. Итакъ одно и тоже лицо называется одновременно и попомъ и посломъ, что служитъ, повидимому яснымъ доказательствомъ, что посолъ Ѳома былъ въ тоже время и духовное лицо. (До различенія „попа" и „инока", конечно, польско-литовское вниманіе не простиралось.) Неизвѣстно, что сталось съ нимъ по смерти его любимца Бориса Александровича, только при сынѣ послѣдняго Михаилѣ Борисовичѣ, въ 1486 произошло уничтоженіе самостоятельности Тверского княжества, а въ 1496 г. онъ очутился въ свитѣ посольства Московскаго князя Ивана Васильевича. Измѣнилъ-ли онъ своему повелителю Михаилу Борисовичу, подобно многимъ другимъ боярамъ—какъ это утверждаютъ нѣкоторые—или бѣжалъ, какъ другъ, вмѣстѣ съ нимъ въ Литву, гдѣ и оставался до женитьбы Литовскаго князя на Еленѣ Ивановнѣ,—тоже неизвѣстно. Фактъ только тотъ, (если конечно приведенное лѣтописное указаніе вѣрно, [2]) что онъ былъ въ числѣ лицъ, пріѣхавшихъ въ Москву послѣ этой свадьбы). Въ IV Новгородской лѣтописи есть еще указаніе, что онъ даже принималъ участіе въ самомъ обрядѣ вѣнчанія молодыхъ по греческому обряду совмѣстно съ бискупами, совершавшими его по латинскому обряду. [3]) На основаніи

[1]) П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 502.

[2]) Оно московскаго происхожденія. См. Тихоміровъ. Ж. М. Н. Пр. 1876. XII. Стр. 291.

[3]) „Въ лѣто 7003... пріиде княжна великая Елена въ Вилну февраля 15, въ недѣлю о блудномъ сыну, и пръвое пріиде княжна Елена къ церкви пречистыя Бца нашего греческаго закона, и ту молебны пѣша, и поиде оттуду къ вѣнчанію: и вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ Римскаго закона церкви бискупъ Виленскій по Латынски, а великаго князя попъ Ѳома по греческому закону единъ". П. С. Р. Л. Т. IV Стр. 165.

высказанныхъ соображеній мы полагаемъ, что тожество лицъ—инока Ѳомы и посла Ѳомы—весьма вѣроятно, хотя и не можетъ быть утверждаемо съ рѣшительностію.

Хронологія событій не препятствуетъ подобному заключенію. Свадьба короля Александра происходила въ 7004 г. т. е. въ 1496 году. Слѣдовательно, допуская самый почтенный возрастъ, какой нашъ посолъ Ѳома могъ имѣть въ этомъ году, напр. 80 лѣтъ, мы находимъ, что въ 1439 году, на Флорентинскомъ соборѣ онъ былъ 24-лѣтнимъ юношей, что вполнѣ возможно, если имѣть въ виду его высокое происхожденіе и можетъ быть даже родство съ Тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ. Послѣднее непремѣнно нужно предполагать, если имѣть въ виду слова Ѳомы: „мы же повсегда трапезѣ его сопричастницы быхомъ," чего, конечно, не могъ-бы сказать про себя простой монахъ или лицо, постороннее великому князю [1]).

Теперь переходимъ ко второму, поставленному нами себѣ вопросу: не имѣлъ-ли нашъ инокъ Ѳома какого-либо отношенія къ „Лѣтописцу княженія Тферскаго", кромѣ отношенія использователя его, напримѣръ: не могъ-ли онъ принимать участія въ составленіи и веденіи этого „Лѣтописца", разъ онъ былъ такъ близокъ къ придворнымъ сферамъ? (Этотъ вопросъ естественно вытекаетъ изъ той близости его текста къ тексту „Лѣтописца княженія Тферскаго", на которую мы выше указывали, и которая допускаетъ возможность и такой точки зрѣнія). И, если онъ къ этому причастенъ, то какого объема былъ въ его

[1]) Для полноты справокъ позволимъ себѣ указать еще на одного боярина Ѳому, сына Ивана Кумганца, упоминаемаго подъ 1421 годомъ, о которомъ сказано только, что онъ былъ, Новоторжецъ и что его вел. князь Тверской Иванъ Михайловичъ „бивъ" заточилъ въ Новый городокъ и больше о немъ ничего неизвѣстно. Карамзинъ. И. Г. Р. V. Прим. 254.

время этотъ „Лѣтописецъ“? Теоретическія основанія въ пользу положительнаго рѣшенія этого вопроса, конечно всѣ въ пользу него. Въ самомъ дѣлѣ, эта близость къ князю, а слѣдовательно, къ государственному архиву Тверского княжества и ко всѣмъ прочимъ, нужнымъ документамъ, давали ему болѣе, чѣмъ кому бы то ни было другому, полную возможность заняться этимъ дѣломъ.... Онъ былъ современникъ и очевидецъ многихъ дѣлъ Бориса Александровича, онъ былъ его посломъ на Флорентійскомъ соборѣ и онъ же, безъ сомнѣнія, составилъ отчетъ о томъ, что тамъ дѣлалось... Отчего же бы ему не заняться и лѣтописаніемъ? Но это только теоретическія возможности, каковыхъ можетъ быть множество. Попробуемъ разобраться въ области фактовъ и мнѣній.

При томъ или другомъ отвѣтѣ на поставленный вопросъ, намъ приходится считаться съ результатами новѣйшихъ работъ въ области изслѣдованій о составѣ русскихъ лѣтописей, именно съ данными, къ которымъ приходитъ академикъ Шахматовъ. Путемъ сопоставленій различныхъ лѣтописныхъ текстовъ, онъ, между прочимъ, относительно источника Тверской лѣтописи,—„Лѣтописца княженія Тферскаго“, пришелъ къ заключенію, что этотъ первоисточникъ начинался не съ 1285 года, какъ думалъ помянутый выше г. Тихоміровъ, а съ 1255 года, и оканчивался 1409 или 1410 годомъ, когда и былъ составленъ. Кѣмъ же? Основываясь на одномъ мѣстѣ сохраненнаго для насъ Ростовскимъ жителемъ „Предисловія лѣтописца княженія Тферскаго“ и въ частности на одномъ выраженіи изъ начала этого „Предисловія“, помѣщеннаго въ IV Новгородской лѣтописи, которою несомнѣнно пользовался и Ростовскій житель, акад. Шахматовъ полагаетъ, что „Лѣтописецъ княженія

Тферскаго" „составленъ по приказанію какого-то важнаго лица, имя котораго скрыто въ своеобразной тайнописи, понять которую—это слова Шахматова—весьма трудно: „яко же и се въ томъ подобное вещи, отче отцемъ Кириллъ г̃. с̃. р̃. ч̃. ее. г̃, иже повелѣлъ ми еси написати отъ житіа премудраго Михаила боголюбца князя". [1]) Думаю, говоритъ онъ, что вмѣсто Кириллъ слѣдуетъ читать Киръ и что слѣдующія за тѣмъ буквы скрываютъ имя Тверского епископа Арсенія: кого другого можно было назвать въ началѣ XV вѣка отцемъ отцовъ и ниже: „боголюбствомъ", „честною главою", наконецъ „освященнымъ верхомъ"? [2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Лѣтописецъ княженія Тферскаго" составленъ въ 1409 и 1410 году, задуманъ можетъ быть и раньше епископомъ Арсеніемъ, извѣстнымъ любителемъ просвѣщенія". [3]).

Но, высказывая такое мнѣніе, Шахматовъ становится въ противорѣчіе съ указаніемъ текста труда Ростовскаго жителя, гдѣ на мѣстѣ вышеприведенной тайнописи находится имя Тверского князя Бориса. Противорѣчіе это онъ пытается устранить тѣмъ соображеніемъ, что у Ростовскаго жителя упоминается о какомъ-то другаго рода и характера произведеніи. Вотъ его собственныя слова: „въ началѣ XV вѣка, по распоряженію епископа Арсенія составлено было житіе Михаила, въ срединѣ же этого вѣка по распоряженію Бориса Александровича составлена Тверская лѣтопись, существенную часть которой составило житіе Михаила Александровича: изъ этого житія заимствовано предисловіе, нѣсколько измѣненное,

[1]) П. С. Р. Л. Томъ IV. Стр. 359.
[2]) Записки Имп. Акад. Наукъ, Т. IV, № 2. Сиб. 1899. Стр. 219.
[3]) Тамъ же. Стр. 215.

т. е. обращеніе къ Борису Александровичу „твое боголюбіе“, „честнаа главо“, заимствованныя изъ житія, гдѣ они относились къ епископу, и другія части—историческая и риторическая, содержащія похвалу князю“ [1]).

Мнѣніе почтеннаго академика, переданное нами его собственными словами, кажется намъ разноцѣннымъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Что касается его ссылки на просвѣщенный умъ епископа Арсенія, на его любовь къ просвѣщенію, то она выше всякаго сомнѣнія. Дѣйствительно, этотъ Святитель, привезенный къ намъ митрополитомъ Кипріаномъ и поставленный на Тверскую каѳедру, явился на ней въ всеоружіи своего духовнаго просвѣщенія. Онъ занимался литературными трудами, и редактированный имъ въ 1406 году Патерикъ Печерскій представляетъ древнѣйшую и лучшую по своему составу редакцію этого произведенія. [2]) Дѣйствительно, такой Святитель могъ интересоваться и Тверскою лѣтописью; можетъ быть и самъ принималъ участіе въ ея составленіи; можетъ быть приглашалъ и сотрудниковъ себѣ въ этомъ дѣлѣ, а такимъ могъ быть и нашъ инокъ- Ѳома, какъ непосредственно ему подчиненный и образованный человѣкъ въ Твери въ то время. Все это такъ естественно и понятно, что почти приближается къ доказательству. Но что далѣе утверждаетъ г. Шахматовъ, далеко не представляетъ такой же ясности и вѣроятности. Что „Лѣтописецъ княженія Тферскаго“ начинался съ 1255 года, а не съ 1285, какъ утверждалъ г. Тихомировъ, съ этимъ еще временно (до болѣе точнаго изслѣдованія вопроса) мы согласились-бы, а также представляетъ нѣкоторую вѣроятность

[1]) Тамъ же. Стр. 220—221.

[2]) Кубаревъ. Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго. 1848. Стр. 81.

и то утвержденіе, что онъ оканчивался 1410 годомъ. Что же касается его дешифровки тайнописи и замѣны слова „Кириллъ“ словомъ „киръ“ и затѣмъ имени Арсенія именемъ Бориса, то они представляются намъ довольно искусственными и произвольными. Тайнопись, если найденъ ей ключъ, и есть то, что она есть, т. е. должна быть прочитана такъ, какъ она только и можетъ быть прочитана и недопускать никакого измѣненія. Между тѣмъ авторъ именно и допускаетъ таковое измѣненіе, какъ сейчасъ увидимъ ниже, чѣмъ показываетъ, что онъ и самъ не вполнѣ увѣренъ въ правильности своего истолкованія надписи.

Вотъ что онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „этотъ лѣтописецъ по всѣмъ соображеніямъ состоялъ изъ двухъ частей: первой—житія вел. кн. Михаила Александровича и второй—описанія первыхъ лѣтъ княженія Ивана Михайловича со слѣдующимъ затѣмъ краткимъ хронологическимъ перечнемъ тверскихъ и далѣе московскихъ событій XV вѣка. Очевидно памятникъ этотъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ внесенъ въ Тверской сборникъ, испыталъ уже сложную литературную исторію. Та редакція его, которая отразилась полнѣе всего въ Новгородской IV лѣтописи, даетъ намъ возможность возстановить существенные моменты въ развитіи этого памятника. Изъ предисловія къ нему, помѣщеннаго въ IV Новгородской лѣтописи подъ 1399 г., выясняется, что сочинитель имѣлъ первоначально мысль написать только отъ житія премудраго Михаила боголюбца князя, при чемъ, работая надъ этимъ житіемъ, онъ исполнялъ порученіе, данное ему Тверскимъ епископомъ Антоніемъ (поставленнымъ въ 1410 г.). [1]) Но

[1]) „Я думаю, что слова „киръ Антоніе“ скрыты въ той тайнописи, которую согласно передаютъ всѣ списки Новгородской IV лѣтописи:

въ княженіе Бориса Александровича была задумана лѣтопись о Тверскихъ князьяхъ: сочинитель ея, говорящій о себѣ въ предисловіи и замѣнившій имя Антонія именемъ князя Бориса, положилъ въ основаніе житіе Михаила Александровича, но дополнилъ его и разсказомъ о княженіи Ивана Михайловича, едва-ли не доведеннымъ до 1425 г. и составленнымъ съ явнымъ подражаніемъ житію Михаила; этотъ лѣтописецъ былъ затѣмъ, въ части отъ 1425 г., дополненъ перечнемъ болѣе или менѣе значительныхъ тверскихъ событій и въ такомъ видѣ сдѣлался извѣстенъ составителю Тверского сборника (Ростовскому жителю), который и внесъ его въ свой трудъ въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, исказивъ между прочимъ предисловіе“ [1]).

Въ этомъ, довольно рѣшительномъ, приговорѣ академика Шахматова важны для насъ слѣдующіе тезисы: 1., что „Лѣтописецъ княженія Тферскаго“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, значительно видоизмѣненъ временемъ и позднѣйшими его поправщиками, что конечно и выражаетъ деликатное выраженіе, а. Шахматова — испыталъ сложную литературную исторію [2]) — и въ первоначальномъ своемъ видѣ не дошелъ до насъ, — въ чемъ авторъ буквально сходится съ взглядомъ г. Тихомірова и съ чѣмъ мы также безусловно согласны, 2., что тайнопись можетъ быть прочитана и „Антоній“, что, слѣдовательно, авторъ еще не имѣетъ ключа къ ней, и, слѣдовательно, предлагаемое имъ чтеніе „Антоній“ имѣетъ

Кириллъ г҃. с҃. р̃. ч҃. є҃. є. г҃. и которая первоначально была записана, вѣроятно въ такомъ видѣ: и҃. л҃. г҃. с҃. р̃. р̃. г҃., при чемъ прочтеніе первыхъ двухъ литорейныхъ буквъ за *и.* вызвало соотвѣтственное увеличеніе числа литорейныхъ буквъ, для чего р̃. (100) разложено на ч҃. (90), є҃. (5). є҃. (5).“ Это примѣчаніе Шахматова.

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1900. IX. Стр. 175.

[2]) Ниже у него это выраженіе замѣнено „развитіемъ памятника“.

характеръ простой догадки, 3., что „Лѣтописецъ княженія Тферскаго“ начатъ въ 1410 году и продолженъ однимъ и тѣмъ же лицомъ до 1425 г. и затѣмъ неизвѣстно кѣмъ и до какого года продолженъ далѣе, съ чѣмъ, до поры до времени, мы также вынуждены согласиться, такъ какъ въ настоящее время не имѣемъ возможности сказать что-либо противъ сего и, наконецъ, 4., что Ростовскій житель внесъ этотъ „Лѣтописецъ кн. Тф.“ въ свой трудъ въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, къ чему и мы также пришли путемъ сравненія его съ данными, представляемыми „Словомъ“ Ѳомы.

Вотъ результатъ исторической критики текста лѣтописей, съ которымъ намъ приходится считаться. Прилагая его къ поставленному нами себѣ вопросу — могъ-ли инокъ Ѳома принимать участіе въ составленіи „Лѣтописца княженія Тферскаго“? — находимъ, что для этого участія остается время отъ 1425 года, съ неизвѣстнаго года: допустимъ съ 1445 года, т. е. съ того самаго, съ котораго начинается у него вторая половина „Слова“, озаглавленная; „О томъ же великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ слово отъ лѣтописца вкратцѣ. Лѣто ҂ѕцн҃г,“ когда ему было, согласно вышеприведенному разсчету, около 30 лѣтъ. Къ этому же времени, какъ видно изъ данныхъ Ѳомы, относится наиболѣе усиленная церковно-строительная дѣятельность Бориса Александровича и его живое участіе въ событіяхъ Московскаго княжества, т. е. главное содержаніе его произведенія. Итакъ, мы приходимъ къ тому результату, что инокъ Ѳома могъ быть и авторомъ „Лѣтописца княженія Тферскаго“ въ той части, которая можетъ принадлежать ему по времени.

III.

Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію нашего памятника, какъ источника историческаго. Мы много думали относительно наиболѣе цѣлесообразнаго плана изложенія, и наконецъ пришли къ заключенію, что всякій современный литературный планъ только повредилъ-бы непосредственности впечатлѣнія, производимаго подлинникомъ, и что для нашей цѣли— по возможности ближе передать самый духъ его— полезнѣе будетъ пожертвовать выработаннымъ планомъ и системою въ пользу наиболѣе близкаго къ подлиннику изложенія, т. е. передать характерное его историческое содержаніе по возможности въ томъ порядкѣ, какого держится самъ авторъ новооткрытаго памятника.

Планъ автора повидимому слѣдующій: 1. Внѣшняя церковная политика Тверского великаго князя Бориса Александровича 2. Внутренняя его церковная дѣятельность и отчасти свѣтская, потому что и на нее авторъ смотритъ съ церковной точки зрѣнія, 3. Внѣшняя свѣтская, гражданская политика, т. е. отношенія его къ князьямъ подручнымъ и къ Московскому князю и 4. Внѣшняя окраинная политика, т. е. отношенія къ Литвѣ, Новгороду и восточнымъ странамъ. Конечно онъ не строго держится этого плана и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяется, или говоритъ о какомъ либо эпизодическомъ событіи, имѣющемъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ только связь хронологическую. Нашею обязанностію будетъ, по мѣрѣ возможности, придерживаясь его плана въ общемъ, въ частности соединять сходные элементы, хотя-бы они были помѣщены въ разныхъ мѣстахъ.

1. Послѣ нѣсколькихъ страницъ риторическаго, витіеватаго и цвѣтистаго предисловія, написаннаго на тему: сколь похвально и достойно есть славить и ублажать столь великаго, благороднаго и благовѣрнаго, и отъ чрева матери Богомъ обѣтованнаго, преблагословеннаго самодержца, истиннаго Христолюбца и Богомъ на отчемъ престолѣ утверждаемаго и т. д. и т. д. великаго князя Тверского Бориса Александровича, авторъ приступаетъ къ исторіи участія этого князя на восьмомъ вселенскомъ соборѣ чрезъ своего представителя, боярина, потомъ инока, Ѳому.

Оказывается, что Тверской князь Борисъ Александровичъ представительствовалъ на Флорентійскомъ соборѣ не самъ по себѣ, а по приглашенію Византійскаго императора Іоанна. Замѣчательный и удивительный фактъ! Невольно возникаетъ вопросъ: почему это такъ? Почему никакой другой русскій князь и прежде всего Московскій, въ стольномъ городѣ котораго была митрополія, не былъ приглашенъ? Неужели Московскіе лѣтописцы забыли-бы записать столь знаменательный и лестный для ихъ самолюбія фактъ? Но, очевидно, такого факта не было, а выдумать его въ позднѣйшее время было трудно, потому что этому противится вся исторія появленія у насъ митрополита Исидора. Московскому князю Василію Васильевичу по смерти митрополита Фотія хотѣлось, чтобы преемникомъ его былъ митрополитъ изъ природныхъ русскихъ, [1]) и вотъ онъ, въ 1434 году, отправляетъ въ Константинополь русскаго человѣка Іону, съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ былъ поставленъ въ митро-

---

[1]) Благотворная идея, принадлежащая по первоначальному своему возникновенію генію Тверского великаго князя Михаила Ярославича и впослѣдствіи времени только предвосхищенная Москвой. См. Голубинскій. Ист. Р. Ц. Т. II. Стр. 100—101.

политы. Но въ Константинополѣ не исполнили желанія Московскаго князя, и, прежде чѣмъ Іона прибылъ въ Константинополь, тамъ уже назначили митрополитомъ Грека Исидора, такъ что Іона вынужденъ былъ только вернуться вмѣстѣ съ послѣднимъ въ Москву въ качествѣ простого его спутника. Василію Васильевичу это не понравилось; первымъ его намѣреніемъ было не принимать къ себѣ Исидора, но потомъ онъ раздумалъ и, перемѣнивъ гнѣвъ на милость, принялъ его. [1]) По объясненію проф. Е. Голубинскаго Греки будто-бы потому не поставили митрополита изъ природныхъ русскихъ, что „никакъ нельзя было положиться, чтобы онъ захотѣлъ прибыть на соборъ". [2]) На чемъ основана такая мысль— намъ неизвѣстно. При такомъ положеніи дѣла, какое же особое, нарочитое посольство могло быть отправлено въ Москву? Дальнѣйшая исторія —тоже противъ подобнаго предположенія. Первымъ дѣломъ Исидора по прибытіи въ Москву было начать немедленно готовиться къ отъѣзду въ Италію. Василій Васильевичъ заявилъ протестъ, говоря, что св. отцы запечатлѣвъ святую вѣру православія на седми вселенскихъ соборахъ, „о осмомъ соборѣ составляющихъ проклятію предаша, и анаѳема ихъ нарекоша, и съ еретики ихъ отлучиша, единогласно Богу сопротивная дѣлающихъ", и еще: „при нашихъ прародителѣхъ и родителѣхъ соединеніе закона не бывало съ Римляны, и азъ не хощу, понеже не пріяхомъ мы отъ Грекъ въ соединеніи закона быти съ ними". [3]) Итакъ

[1]) Голубинскій Е. Ист. Рус. Церкви. М. 1900. Т. II. Стр. 419 и слѣд.

[2]) Тамъ же. Стр. 427.

[3]) Тамъ же Стр. 430. Хотя Голубинскій и не согласенъ съ указанными свидѣтельствами изъ лѣтописей, но это несогласіе у него дов. слабо мотивировано и находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что самъ Вас. Васильевичъ говоритъ позднѣе, въ 1441 г. въ посланіи къ патріарху—

и сочинить исторію о посольствѣ въ позднѣйшее время для московскаго лѣтописца не было возможности. Объясненіе факту остается единственно возможное. Тверской князь Борисъ Александровичъ въ то время пользовался особеннымъ почетомъ и уваженіемъ, среди другихъ русскихъ князей, въ глазахъ Византійскаго императора и Константинопольскаго патріарха, и пользовался ими конечно не безъ достаточныхъ основаній, только не исключительно денежныхъ—какъ ни жадны были тогдашніе Греки до денегъ,—потому что Московскій князь куда богаче былъ въ этомъ отношеніи Тверского князя. [1]).

Почему же однако разсматриваемый фактъ все-таки представляется удивительнымъ и притомъ, не одному лицу, а нѣсколькимъ, таковы вышеупомянутые гг. Шпаковъ, Делекторскій и акад. Голубинскій? Намъ кажется, что причина сего заключается въ неправильной точкѣ зрѣнія на предметъ. Мы часто поддаемся соблазну смотрѣть на событія прошлаго въ перспективѣ современныхъ историческихъ взглядовъ. Но такъ конечно не могли смотрѣть на дѣло современники этихъ событій. Дѣло въ томъ, что для Визант. императора и патріарха въ то время еще не существовало Русскаго государства, во главѣ котораго стояло бы Московское княжество, а существовали только отдѣльные княжества и отдѣльные русскіе князья,

---

уніату. Ср. стр. 473. Впрочемъ это утвержденіе не таково, чтобы могло быть признано твердо исповѣдуемымъ авторомъ. Такъ, въ одномъ примѣчаніи, онъ прямо заявляетъ, что онъ не вѣритъ и самому Василію Васильевичу. См. прим. 1, на стр. 433.

[1]) Патріархъ Константинопольскій говорилъ: „если бы потребовалось и до 100,000 аспровъ (на устройство собора въ Константинополѣ), можно собрать съ епископовъ: русскій митрополитъ одинъ привезетъ такую сумму.“ См. статью: „Очеркъ участія Русской церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII вѣка“, въ Правосл. Собесѣдникѣ, за 1867 г. Т. I. Стр. 219.

да два митрополита, поставленные ими для всего подвластнаго этимъ князьямъ населенія. Существовали для нихъ князья Тверской, Московскій, Литовскій и государства — республики Новгородъ и Псковъ, ведшіе съ ними совершенно сомостоятельные и независимые другъ отъ друга сношенія, ссорившіеся и мирившіеся между собой, и нерѣдко, въ особенности по церковнымъ дѣламъ, жаловавшіеся другъ на друга въ Константинополь. Изъ числа таковыхъ князей въ XV вѣкѣ въ особенности выдѣлялся своею славой Тверской князь Борисъ Александровичъ, долголѣтнее управленіе котораго, посвященное дѣлу мира и внутренняго развитія своей области, въ противоположность полному разстройству дѣлъ въ Московскомъ княжествѣ, вслѣдствіе происходившей тамъ многолѣтней и кровавой междуусобной распри, конечно не могло быть неизвѣстно въ Константинополѣ. Литовскій князь и сѣверныя республики, какъ представители окрайнныхъ частей русскаго населенія, конечно не могли идти въ сравненіе съ представителями его центральной группы, и вотъ Византійскій императоръ, конечно посовѣтовавшись съ патріархомъ, обращается съ письмомъ именно къ выдающемуся въ то время на Руси правителю, къ Тверскому князю Борису Александровичу. Удивительнаго, такимъ образомъ, въ этомъ фактѣ ничего нѣтъ, и напротивъ было бы удивительно, если бы онъ обратился къ Московскому князю, первенство котораго еще не было засвидѣтельствовано исторіей. Московскіе князья въ то время еще не были общепризнанными властителями всей Русской земли.

И дѣйствительно, какъ показываетъ исторія, 36 лѣтнее княженіе Тверскаго князя Бориса Александровича представляетъ изъ себя выдающееся

явленіе въ удѣльновѣчевой періодъ Русской исторіи. Сдержанный, спокойный и благоразумный, онъ, подобно своему предшественнику Ивану Михайловичу, понималъ, что историческія задачи его княжества и его насущные интересы требуютъ не борьбы, и въ особенности не борьбы изъ за эфемернаго великокняжескаго титула, только разоряющей и ослабляющей силы населенія, а спокойной и продолжительной внутренней культурной работы на поприщѣ труда промышленнаго, сельско-хозяйственнаго и литературнаго. „И бысть же княженіе его, говоритъ инокъ Ѳома, тихо и безмятежно, и увеличися власть его на отчимъ престолѣ Богомъ утверждаемъ. И преспѣваемъ во всякомъ дѣлѣ совершенъ, яко же и во многыхъ странахъ со завистію имъ глаголати о преспѣваніи его". [1]) Помимо внутреннаго благоустройства своей области онъ посвятилъ свое вниманіе еще пріобрѣтенію прочныхъ связей съ могущественными въ то время своими сосѣдями—Новгородомъ и Литовскимъ государствомъ. Съ Москвою все время своего княженія онъ находился не только въ наилучшихъ отношеніяхъ, но и искренно дружескихъ, какъ видно изъ многочисленныхъ и добровольныхъ его услугъ Московскому князю и договоровъ, еще болѣе укрѣплявшихъ эти дружескія отношенія. Съ Москвой и Литвой онъ, кромѣ того, былъ въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Подвластныхъ ему князей, такъ называемыхъ подручныхъ, онъ умѣлъ держать въ предѣлахъ строгой, но въ тоже время совершенно корректной субординаціи. Право свободнаго отъѣзда князей строго соблюдалось, не вызывая не нужныхъ жестокостей. Молодшая братія, потому, уважала и любила его. Два кратковременныхъ его похода на

[1]) Рукопись, стр. 32.

Новгородъ и помощь, оказанная Литовскому князю Свидригайлу, не могутъ служить нарушеніемъ общей мирной картины его княженія. Благодаря такой выдержанной политикѣ въ теченіе почти 40 лѣтняго періода времени, а вмѣстѣ съ подобнаго же характера 25 лѣтнимъ промежуткомъ времени княженія его предшественника Ивана Михайловича, Тверское княжество окрѣпло, разбогатѣло, благоустроилось и сдѣлалось политическимъ факторомъ значительной силы и вліянія. Слава его мудраго правленія распространилась такъ далеко, (и возвысися слава имени его въ страны далечіа) что не только на ближнемъ востокѣ, въ Византіи, хорошо знали о Тверскомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ, но и на дальномъ востокѣ. Такъ, Ѳома разсказываетъ намъ о совершенно неизвѣстномъ доселѣ фактѣ, — о торжественномъ посольствѣ къ нему, минуя Москву, Гератскаго хана Шахруха, съ богатыми подарками. Несомнѣнно, благодаря этой мудрой политикѣ въ Тверскомъ княжествѣ развились промышленность и торговля, поддерживаемыя непрерывными сношеніями съ богатымъ Новгородомъ и Литовскимъ государствомъ, находившимися подъ вліяніемъ западнаго просвѣщенія, а также широкая строительная дѣятельность, преимущественно, церковная, въ связи съ таковою же въ области искусствъ, а также и литературная. [1]) Такъ что, и по существу дѣла, совер-

[1]) Послѣдняя представляетъ собою въ особености выдающееся явленіе сравнительно съ другими княжествами. Такъ въ Твери епископъ Арсеній интересуется Печерскимъ Патерикомъ, въ Ѳедоровскомъ монастырѣ пишутъ монахи Іерусалимскій уставъ, вѣроятно тамъ же инокъ Ѳома пишетъ Тверскую лѣтопись, дьякъ Андрей пишетъ въ Желтиковскомъ монастырѣ церковный уставъ (Ключевскій. Древне—русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871. Стр. 183); здѣсь же, въ Твери, простой купецъ Аѳанасій Никитинъ приводитъ въ порядокъ свои впечатлѣнія о своемъ путешествіи въ Индію, куда онъ проникъ на 25 лѣтъ раньше, чѣмъ туда проникъ кто либо изъ остальныхъ европейцевъ.

шенно неудивительно, что Тверской князь Борисъ А. „отъ всѣхъ земель честь велику пріемляше“, и „славимо имя его отъ Востока и до Запада и до самого царствующаго града рку же и до Рима“ [1]),—какъ выражается Ѳома,—и что Византійскій императоръ счелъ для себя почетнымъ обратиться съ приглашеніемъ посла для представительства на соборѣ не къ кому либо другому изъ русскихъ князей, какъ только именно къ Тверскому.

Посольство отъ Византійскаго императора Іоанна прибыло въ Тверь вѣроятно въ концѣ 1437 г., (соборъ открылся 9 апрѣля 1438 года) и привезло письмо императора къ князю Борису А—чу Тверскому. Къ величайшему нашему сожалѣнію, листъ съ этимъ письмомъ въ рукописи Ѳомы выдранъ, и отъ письма императора судьба намъ сохранила только послѣднюю строку: „и здравствуй возлюбленный братъ о Христѣ!“, —какъ бы доказательство того, что оно дѣйствительно существовало.

Князь Борисъ Александровичъ принялъ царское посланіе, прочелъ его предъ своими приближенными („предъ всѣмъ народомъ“, по выраженію Ѳомы), былъ очень доволенъ (многія радости душою и тѣломъ исполнися), и сказалъ: „Боже великій! Сподоби меня пріобщнику быти святому сему и вселенскому собору и еще же и по отеческой вѣрѣ поборнику быти!“ Затѣмъ устроилъ празднество, пригласивъ къ нему своего боголюбиваго епископа Илію со священнымъ клиромъ и другихъ князей и вельможъ. На этомъ празднествѣ царскимъ посламъ былъ оказанъ большой почётъ, и они, награжденные, кромѣ того, богатыми подарками, были отпущены обратно къ императору.

---

[1]) Рукопись, Стр. 32 и 3.

Вскорѣ затѣмъ изготовился въ путь и нашъ посолъ Ѳома. Ему было строго наказано княземъ смотрѣть, чтобы не принимать ничего такого, что не было-бы принято и утверждено семью бывшими вселенскими соборами. „И повели ему прилѣжно смотрити, аще ли что отъ седмаго собора пріимутъ, или приложатъ, того и слышати не хотимъ“ [1]).

Отвѣтное же письмо Тверского князя Бориса А. Византійскому императору, отправленное вмѣстѣ съ этимъ посломъ, было слѣдующаго содержанія:

„Преславнейшему и свѣтлийшему и Богомъ вѣнчанному самодрьжцу Греческіа земли царю Іоанну, князь великій Борисъ Александровичъ всея державы Тверскіа о Христѣ радоватися намъ со честною державою царствіа твоего. Писаніа же твоя, еже еси прислалъ къ намъ, азъ сіа любовно пріахъ. И въ немъ же добрѣ вимы, что же писано о соединеніи святыя Божіа Христовы церкви: яко да будетъ святый и вселеньскій соборъ по первому преданію святыхъ правилъ и по чину святыхъ седми соборъ. Мы же о семъ добрѣ [2]) радуемься, и колика сила, по толику чтимься поборати по христіаньской вирѣ. И того ради послахомъ, яко свое лице ко святому вселеньскому собору и къ честнѣй державѣ твоей. (И) прочее все извѣститись отъ нашихъ посланныхъ. И о всемъ да здравьствуетъ святое ти царствіе“. [3])

Съ этимъ письмомъ Ѳома отправился изъ Твери на Новгородъ и затѣмъ чрезъ Псковъ и Нѣмецкія земли—слѣдуетъ подробное обозначеніе его маршрута—во Флоренцію, гдѣ, говоритъ онъ, я засталъ (наѣ-

---

[1]) Рукопись, стр. 4.

[2]) У г. Лихачева это слово въ обоихъ случаяхъ написано ошибочно: „добре“, см. предисл. стр. XIV и XV, тогда какъ въ рукописи Ѳомы стоитъ въ обоихъ случаяхъ „добрѣ“. Рукопись, стр. 4.

[3]) Рукопись, стр. 4, 5.

халъ=встрѣтился) Римскаго папу Евгенія, царя Цареградскаго Іоанна, вселенскаго патріарха Іосифа и весь святый вселенскій соборъ, на которомъ вмѣстѣ съ патріархомъ было 22 митрополита.

Письмо Тверского князя Бориса Александровича посолъ Ѳома передалъ самому императору Іоанну, который, приказавъ его прочесть публично, (предо-всимъ народомъ, сущимъ окрестъ его) благодарилъ великаго князя и прославилъ Бога, даровавшаго такого князя русской земли, а ему такого пособника по вѣрѣ христіанской. [1]) Затѣмъ говорили рѣчи члены собора, начиная съ патріарха, восхваляя Тверского князя и его посла за участіе на соборѣ, которыя Ѳома, или другіе по его приказанію, потомъ и записали.

Далѣе, въ текстѣ рукописи опять пропускъ: недостаетъ второй половинки того листка, на первой половинкѣ котораго, какъ выше указано, содержалось письмо царя Іоанна Борису Александровичу. „Листка этого особенно жаль, замѣчаетъ г. Лихачевъ, потому что на немъ заключались привѣтствія Марка Ефесскаго, Исидора Русскаго и Досиѳея Монемвасійскаго“, причемъ имя Исидора Русскаго подчеркиваетъ. Дѣйствительно, чрезвычайно любопытно было-бы прочесть, какъ привѣтствуетъ митрополитъ русскій—и именно Исидоръ—посла великаго князя Тверскаго!...

Рѣчи патріарха и другихъ членовъ собора въ болѣе или менѣе цвѣтистой и риторической формѣ содержатъ въ себѣ то или другое привѣтствіе, удивленіе или благодарность Тверскому великому князю за честь, которую онъ сдѣлалъ собору отправленіемъ на него своего высокаго посла. На сколько въ этихъ рѣчахъ заключаются подлинныя слова говорившихъ

[1]) Тамъ же стр. 5.

и на сколько къ нимъ примѣшанъ риторическій элементъ записавшаго ихъ лица—конечно невозможно рѣшить. [1]) Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе характерныя. Патріархъ Іосифъ сказалъ: „Ветхое прошло, а новое вамъ возвѣщаю: вѣра наша благодатная отъ нашей земли Греческой до Русской земли простреся, наводивъ евангельскій источникъ! И лѣпо намъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Борисомъ славить святую Троицу, потому что о таковомъ князѣ на Руси мы еще не слыхали! [2]) Никейскій митрополитъ Виссаріонъ, котораго проф. Голубинскій по совершенно иному случаю и поводу называетъ „краснорѣчиво—неудержимымъ болтуномъ“, [3]) сказалъ: „аще бы здѣ былъ самъ великій князь Борисъ Александровичъ. то быхъ вопросилъ его: какъ внидѣ въ него страхъ Божій и како разгорися въ немъ любовь Христова, и како возлюби Христа выше земныхъ мудрецъ? Есть бо мнозіи велиціи князи на Руси, но недоспѣша такового тщанія и труда, еже видѣти святый соборъ сей, якоже же сей великій князь Борисъ“. [4]) Митрополитъ Никомидійскій какъ бы продолжаетъ ее: „Брате Виссаріоне, сказалъ онъ, аще и нѣсть здѣсь самого великаго князя Бориса, съ кымъ-бы намъ побесѣдовати о его мужествѣ и смыслѣ, но мы вопросимъ посла великаго князя Бориса. И рече: повиждь намъ Θомо, после великаго самодержавнаго (князя)! Откуду се припахну благоуханіе на великаго князя Бориса? И откуду сій испи (памяти жизнь?) сладкую чашу и

[1]) Мы думаемъ, что онѣ представляютъ только резюмэ дѣйствительныхъ рѣчей.

[2]) Эту рѣчь, какъ и слѣдующія, мы передаемъ только въ приблизительно точномъ изложеніи, чтобы избѣжать необходимости употребленія совершенно ненужныхъ частицъ, повтореній и неправильной пунктуаціи, затемняющихъ ихъ смыслъ.

[3]) Цитов, соч. Стр. 440.

[4]) Рукопись, стр. 7.

толики труды показа, ихъ же инъ никто не показа въ Руси?“ [1]) Иверскій митрополитъ Іоаннъ сказалъ: „Азъ мню великаго князя Бориса: подобенъ есть великому царю Константину: онъ бо со святыми отцы на 7-мъ соборѣ былъ, а князь великій Борисъ съ нынѣшними отцы въ Феррарѣ присла своего боярина, а самому ему не бывше за то, долготы ради путныя“. [2])

Въ этомъ родѣ всѣ остальныя рѣчи. Какъ бы онѣ ни были слабы съ современной точки зрѣнія, но на посла Ѳому онѣ произвели громадное впечатлѣніе. Онъ изумился, что эти лица, никогда невидавшія и совершенно незнавшія его великаго князя, а только слышавшія о немъ, могли такъ восторженно отзываться о его князѣ, тогда какъ онъ, близко его знавшій и постоянный сопричастникъ его трапезъ, даже и не подумалъ воздать ему долгъ признательности, увѣковѣчивъ въ письмени его дѣянія? Онъ какъ бы почувствовалъ укоръ совѣсти, и вотъ, когда вернулся на родину, то, перечитавши всѣ записи, которыя велѣлъ сдѣлать, онъ рѣшился записать все, что ему извѣстно изъ дѣятельности своего любимаго господина. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ самъ авторъ происхожденіе своего труда. И нѣтъ причинъ ему не вѣрить, потому что онѣ и психологически понятны. Чужая земля, чужая обстановка жизни, чужія лица и вдругъ—они знаютъ и весьма цѣнятъ его „любимѣйшаго“ (стр. 12) князя? А онъ, близкій другъ его, не выразилъ своего уваженія къ нему, и вотъ на лицо идея: написать ему похвальное слово. Задумано и сдѣлано, и явилось литературное произведеніе! Поэтому, намъ кажется, не будетъ большою ошибкою

[1]) Рукопись, стр. 7.
[2]) Тамъ же, ст. 8—9.

на все это описаніе Флорентійскаго собора смотрѣть только какъ на фактическій приступъ къ той болѣе широкой задачѣ, которую поставилъ себѣ бояринъ Ѳома, т. е. описать жизнь и дѣятельность Бориса Алекс. въ видѣ господствовавшей въ то время литературной формы „Похвальнаго Слова“, имѣя въ виду можетъ быть и дидактическую цѣль—создать образецъ для подражанія, что тоже было въ духѣ времени.

О концѣ собора Флорентійскаго Ѳома ничего не говоритъ, но изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что онъ окончился тѣмъ, что Московскій митрополитъ, принимавшій въ немъ самое главное и самое дѣятельное участіе [1]), измѣнилъ православію, принявъ унію. Посолъ же Тверской Ѳома, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно оставилъ соборъ и убѣжалъ, боясь мести со стороны своего митрополита [2]).

2) Затѣмъ авторъ переходитъ къ внутренней, церковной дѣятельности князя Бориса А. Какъ лицо духовное, понятно, что авторъ эту дѣятельность ставитъ на первомъ планѣ. По требованіямъ тогдашней литературной манеры онъ начинаетъ свою рѣчь съ нѣкотораго приступа. „Хощу вамъ, говоритъ онъ, внести, слово, но и молю вы, да протягнете ми своя слухи“.... [3]) „Хощу вамъ повѣдати повѣсть дивну о великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ“, а „вы убо сотворите себя достойны бисеру пріятіа и послушайте истины.“ [4]) Сей убо славноимянитый, благородный, Богомъ вѣнчанный, самодержавный и Богомъ воз-

---

[1]) См. цит. статью: „Очеркъ участія Русской церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII вѣка“. Въ Правосл. Собесѣд, за 1867 г. т. I. стр. 201—203.

[2]) См. „Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію“ въ „Сказаніяхъ русс. народа, Сахарова. Спб. 1849. Т. 2. стр. 86—87.

[3]) Въ текстѣ стоитъ „слуги“, но мы думаемъ, что это ошибка и нужно читать: слухи, т. е. уши. Рук. стр. 15.

[4]) Тамъ же.

любленный князь Борисъ А. еже сый измлада добрѣ наказанъ бысть родители страху Божію и святая писанія добрѣ вѣды. Цареградъ [1]) Константиномъ хвалится, Кіевъ Владиміромъ, а Тверская земля (тѣхъ ублажающе) Михаиломъ хвалится.... Князь же Борисъ великій Александровичъ стяжалъ и доблесть Константинову и вѣру Владиміра и Ярославово мужество и разумъ Михайловъ. А „надо всими же си миръ и святыню гоняще“.... „А святыню же еже преже всего церкви Божіи любляіаше и о тыхъ попеченіемъ сердце свое боляіаше...“ [2])

„Въ дни же благочестиваго великаго князя Бориса Александровича многы церкви поставлены бысть [3]). Авторъ перечисляетъ храмы, которые построилъ Борисъ А., вспоминая при этомъ и труды его предшественниковъ въ той же дѣятельности, причемъ замѣчаетъ, что дѣятельность Бориса Александровича служитъ какъ бы естественнымъ ихъ дополненіемъ или продолженіемъ: „сій же великій князь, говоритъ онъ, еже что видѣ у праотецъ своихъ, то все творяаше, но еще и наполъняіаше“ [4]) Такъ напримѣръ, Иванъ Михайловичъ „устрои монастырь близу Богомъ спасеннаго града Тфѣри, на рѣцѣ Тмацѣ и нарѣкова церковь Господню святители молебницы Спасу.... Князь же великій Александръ Ивановичъ и иный монастырь устрои на рѣцѣ Перемере и нарече Благовѣщеніе Пресвятыя Богородици, еже есть начатокъ спасенію. Князь же великій Борисъ А., ревнуя праотцемъ своимъ, устрои манастырь на рѣцѣ Въръщинѣ и нарѣковахъ церковь самаго Творьца, начатку тому

---

[1]) Въ текстѣ стоитъ: „Царскій Градъ“; намъ кажется понятнѣе будетъ сказать: „Цареградъ“. Тамъ же.

[2]) Рукопись, стр. 16.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 20.

Спасному Господа нашего Іисуса Христа, еже ему на небеса Възнесенію“.... „Но и инъ храмъ устрои самому Царю Христу на вратѣхъ Богомъ спасеннаго града Тѳѣри и нарекова же имя храму тому еже входъ въ Іерусалимль; тамо бо входъ Гду нашему І. Христу въ градъ Іерусалимль... а здѣ же въсквозѣ той пречестнѣйшій храмъ Входъ сотворенъ въ богоспасенный градъ Тфѣрь, да всякъ человѣкъ входяще и исходяще покланяеться“..., „глаголюще: многа лѣта ти великій князь Борисъ А., яко же таковый „Входъ“ устроилъ еси въ „Богоспасенный градъ Тфѣрь“ [1]) „И слуги же почти Царя Христа святыхъ великихъ мученикъ, тезоименита же себѣ: Бориса и брата его Глѣба и устрои имъ храмъ среди своего двора отъ камени бѣлаго и украси въ немъ иконами, и златомъ и жемъчюгомъ, и каменіемъ драгымъ и паникадилами и свѣщьми“. И наконецъ, „того же лѣта (҂ѕ҃ц҃з҃), поча князь великій Борисъ ставити церковь каменную на своемъ дворѣ св. Михаила на сѣнѣхъ“, [2])

Монастыри и храмы, о которыхъ здѣсь упомянуто, суть слѣдующіе.

а) Монастырь Св. Отецъ, иже въ Никеѣ, мужской, теперь не существующій, находившійся въ одной верстѣ отъ устья Тьмаки, вверхъ по ея теченію, вблизи бывшаго монастыря Трехсвятскаго, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ старое зданіе духовной Консисторіи. Онъ разрушенъ во время Литовскаго разоренія. Было неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ основанъ. Теперь же, благодаря драгоцѣнному указанію инока Ѳомы, мы знаемъ, что онъ основанъ еще при Тверскомъ великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ, приблизительно между 1398 и 1407 гг., такъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 21—22.

[2]) Тамъ же, стр. 52.

какъ къ этому времени преимущественно относится церковно-строительная дѣятельность этого князя. [1])

б) Благовѣщенскій въ „Большихъ Перемѣркахъ“, мужской монастырь, нынѣ церковь приписная къ селу Власьеву, и стоящая при деревнѣ „Большія Перемѣрки“ (въ верстѣ отъ нихъ есть еще „Малыя Перемѣрки“), въ 5 верстахъ отъ Твери, при впаденіи рѣчки Перемѣрки въ Волгу. Въ Тверской лѣтописи подъ 1390 годомъ значится, что Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ встрѣтилъ митрополита Кипріана съ бояры на Перемѣрѣ. [2]) Но былъ-ли тогда здѣсь и монастырь, неизвѣстно. Теперь, благодаря указанію „Слова“ Ѳомы, мы узнаемъ, что монастырь этотъ былъ построенъ не много времени спустя, послѣ описаннаго въ Тверской лѣтописи случая, именно при Тверскомъ вел. князѣ Александрѣ Ивановичѣ, въ 1425 году. Въ 1436 году, уже при Борисѣ Александровичѣ, въ этомъ монастырѣ былъ игуменомъ Іона. [3])

в) Оршинъ—Вознесенскій, въ 18 верстахъ отъ Твери, на лѣвой сторонѣ Волги, при устьѣ рѣчки Орши, существующій и нынѣ. До сихъ поръ только неизвѣстно было, когда и кѣмъ онъ основанъ. Нынѣ

---

[1]) Въ 1392 году Тверской вел. князь Михаилъ Александровичъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ Михаиловичемъ строили каменную церковь во имя св. архистратига Михаила въ Новомъ Городкѣ; въ 1402 г. Иванъ Мих. слилъ колоколъ для каѳедральнаго собора въ Твери; въ 1403 г. построилъ каменную церковь во имя св. Николая Чуд. „на городкѣ“; въ 1407 г. окончилъ постройку церкви во имя св. архистратига Михаила и въ этомъ же году заложилъ каменную колокольню для каѳедральнаго Собора близъ старой деревянной. См. Чередѣевъ. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. Тверь. 1859. Стр. 40. Ср. Звѣринскій. Монастыри закрытые до царствованія Екатерины II. Спб. 1897. Стр. 154. № 2002.

[2]) П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 445.

[3]) Звѣринскій. Цитов. соч. Стр. 22. № 1401. Ср. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви. Спб. 1877. Стр. 482.

же, благодаря указанію инока Ѳомы, мы знаемъ, что онъ основанъ при Тверскомъ вел. князѣ Борисѣ Александровичѣ, только неизвѣстно въ какомъ году. [1])

г) Входо—Іерусалимская церковь надъ воротами городскими; неизвѣстно, гдѣ находилась. На основаніи того, что въ XVII вѣкѣ надъ Владимірскими воротами въ Твери находилась большая каменная проходная башня, называвшаяся также Владимірскою, [2]) можно съ нѣкоторою вѣроятностію предположить: не здѣсь-ли въ древности стояла Входо-Іерусалимская церковь? Преосв. Іоасафъ, построившій эту башню въ XVII в., можетъ быть только не успѣлъ построить такую же и церковь, которая здѣсь въ древности находилась, но потомъ за ветхостію была разрушена. Кромѣ сего, эти ворота составляли главное сообщеніе города Твери съ его пригородомъ. Когда построена Входо—Іерусалимская церковь—неизвѣстно, но судя по тому, что о ней Ѳома говоритъ раньше нижеслѣдующей, Борисоглѣбской церкви, построенной въ 1438 году, нужно погалать, что она построена раньше этого года.

д) Борисоглѣбская церковь—не та, которая въ настоящее время существуетъ за Тьмакой, на берегу рѣки Волги, а которая находилась вблизи великокняжескаго терема въ Тверскомъ кремлѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь разбитъ цвѣтникъ между дворцомъ

---

[1]) Строевъ. Цитов. соч. стр. 477. Звѣринскій. Цитов. соч. Т. II. стр. 101. Другіе выводы, которые отсюда слѣдуютъ, см. въ вышеупомянутой статьѣ г. Виноградова. Твер. Епар. Вѣд. 1908. № 29. Стр. II.

[2]) „Она находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ на нашей еще памяти былъ Владимірскій мостъ“, пишетъ прот. Чередѣевъ въ 1859 г. „Владимірской она называлась потому, что стояла на дорогѣ Владимірской, нынѣ называющейся московскою. Мѣсто ея прямо противъ нынѣшнихъ воротъ мимо дома Дворянскаго Собранія, ведущихъ въ рыбный рядъ“. Чередѣевъ. Біогр. іерарховъ. Стр. 89. Отъ Владимірскаго моста шла Владимірская улица, нынѣ Милліонная.

и Соборомъ. Разбирая планъ Пальмквиста 1674 года, мы говорили, что Аѳанасьевскій монастырь и Борисоглѣбская церковь, упоминаемыя въ писцовыхъ книгахъ, должны были быть ближайшими строеніями около Собора съ восточной и сѣверо—восточной стороны. [1]) Въ писцовой же книгѣ Потапа Нарбекова прямо сказано: „да на Государевѣ Царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руси дворѣ бывалъ храмъ каменъ Бориса и Глѣба, завалился.“ [2]) Вѣроятно онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится военная гауптвахта. По Тверской лѣтописи эта церковь построена въ 1438 году. Здѣсь написано: „въ лѣто 6946 кончана бысть и священа церковь каменная въ Твери св. Борисъ и Глѣбъ епископомъ Иліею, при благовѣрномъ, великомъ князѣ Борисѣ А—чи: а ставили 3 года“. [3])

е) Храмъ архистратига Михаила находился несомнѣнно тамъ же, гдѣ и Борисоглѣбская церковь, т. е. вблизи великокняжескихъ покоевъ. Писцовая книга Потапа Нарбекова упоминаетъ о немъ вслѣдъ же за церковію Бориса и Глѣба. „Да на Государевѣ жъ дворѣ храмъ Архангела Михаила, каменъ, ветхи и паперть сгорѣла въ пожаръ въ 120 (1612) году“. По Тверской лѣтописи храмъ этотъ былъ построенъ въ 1455 г. [4]), слѣдовательно, указываемый Ѳомою 1452 г. (6960) относится къ году *начала* постройки.

ж) Далѣе у инока Ѳомы идетъ рѣчь о постройкѣ княземъ Борисомъ А. ограды вокругъ Ѳедоровскаго мона-

---

[1]) Рубцовъ М. Тверь въ 1674 году по Пальмквисту. Тверь. 1902 г. На приложенномъ къ этой брашюрѣ планѣ (№ 1) отчетливо можно видѣть, гдѣ стояла Владимірская башня. См. букву р.

[2]) Выпись изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ Потапа Нарбекова, изданная Твер. Учен. Арх. Комм. въ Твери, въ 1901 г. Стр. 12.

[3]) П. С. Р. Л. Т XV. Стр. 490.

[4]) П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 494. Нарбековъ. Тамъ же.

стыря, который стоялъ на островѣ, въ самомъ устьѣ рѣки Тьмаки, а не о построеніи „новаго Тверского кремля“, какъ ошибочно понялъ текстъ Ѳомы г. Лихачевъ. [1]) Построеніе этой ограды описано Ѳомою очень подробно и непріятно—вычурно, но, такъ какъ здѣсь есть всетаки и бытовыя черты, то мы считаемъ нелишнимъ передать его разсказъ болѣе или менѣе подробно. [2])

„И нача князь собѣ помышляти, дабы гдѣ градъ создалъ, по собѣ памяти достоинъ, якоже и праотцы его. И нача смотрити мѣста пригодныя [3]) для таковаго сооруженія. И усмотри мѣсто близъ града Тѳѣри: оно оказалось въ самомъ устьѣ рѣки Тьмаки. Въ этомъ устьѣ находился островокъ, [4]) на которомъ издавна стоялъ храмъ св. Христова мученика Ѳео-

---

[1]) Цитов. соч. стр. XXVIII.—Что рѣчь идетъ не о Тверскомъ кремлѣ подтверждается слѣдующими выраженіями текста Ѳомы: а) „вожделѣхъ оградити святаго мученика твоего Феодора“ и сейчасъ же затѣмъ: „повелѣ рубити“ и „самъ нача рубити“ б) „а сего же града *городню* двѣма или тремя дньми созидаху“. Первое выраженіе понятно безъ объясненія: князь захотѣлъ сдѣлать ограду около храма св. муч. Ѳедора Стратилата и самъ первый началъ ее рубить. Смыслъ второго будетъ понятенъ, если мы вспомнимъ, что слово „городня“ означаетъ: „бревно“, „свая“, такъ называемыя „лѣса“, употребляемыя при постройкахъ. Это ясно изъ слѣдующаго выраженія лѣтописи: „иде ледъ силенъ изъ озера (въ Новгородѣ) и вышибе изъ Великаго мосту городни“. Карамзинъ. И. Г. Р. V. пр. 254. Кромѣ того, ограду вокругъ церкви на небольшомъ Тьмацкомъ островѣ легко сдѣлать въ 2, 3 дня, тогда какъ вокругъ всего города Твери—невозможно въ столь краткій срокъ.

[2]) Передаемъ текстъ не буквально, а съ необходимыми подправками мѣстъ темныхъ или испорченныхъ, какъ поступаетъ и г. Лихачевъ. (См. прим. 1. на стр. XII) Однако важныя измѣненія вездѣ оговариваемъ или объясняемъ подъ строкой. Кромѣ сего, считаемъ необходимымъ замѣтить, что слова: „градъ“, „ограда“ и „сооруженіе“ мы употребляемъ здѣсь безразлично.

[3]) Въ текстѣ стоитъ; „приходно“; намъ кажется вѣрнѣе прочесть: „пригодныя“, какъ и ниже, чрезъ 5 строкъ. Рукопись, стр. 23.

[4]) Въ новѣйшее время (въ XIX в.) лѣвый рукавъ р. Тьмаки, при самомъ впаденіи его въ Волгу, засыпанъ землею, взятою по сосѣдству съ лѣвой стороны этого рукава, такъ что образовалась гавань, которою и пользуется до сихъ поръ пароходное общество „Самолетъ“.

дора. Мѣсто было дивное, и вполнѣ соотвѣтствовало вкусамъ великаго князя. Оно было ни копано, ни сыпано, а просто какъ бы самимъ Богомъ устроено. Мѣсто таково, что давно-бы слѣдовало его укрѣпить (яко бы искони пригодно граду быти), но для этого не наступило еще время. И нача великій князь помощію Божіею и совѣтомъ всѣхъ людей вельми любити мѣсто тое. Борисъ Александровичъ призываетъ тогдашняго (ту суща) святителя своего (епископа Илію), съ архимандритами и игуменами, и приказываетъ имъ въ этомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ отслужить божественную литургію. Когда она окончилась, князь Борисъ А. велѣлъ всѣмъ идти на то мѣсто, на которомъ онъ задумалъ поставить ограду. Потянулась изъ храма длинная процессія съ крестами, свѣчами и кадилами и, когда всѣ пришли на назначенное мѣсто, князь обратился къ собравшемуся народу съ рѣчью: „Мужи и братія всего роду Тверскаго! Къ вамъ слово реку: съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ поручилъ Богъ престолъ отца моего – великое княженіе Тверское—съ тѣхъ поръ и донынѣ я сильно желалъ, гдѣ-бы градъ создать, какъ это дѣлали праотцы наши, поставляя грады собѣ памяти достойны. Но не приспѣ ми время. Нынѣ же, съ помощію Божіею и святого великаго мученика Христова Ѳеодора, излюбися ми мѣсто сіе и на немъ хощу основати градъ. Но хощу сдѣлать это съ вашего совѣта и одобренія. И отвѣща народъ: [1]) нынѣ же Богъ мира и молитвами св. мученика Ѳеодора да утвердитъ [2]) мысль твою, князь, совершити градъ сій. И когда народъ это сказалъ, тогда великій князь Борисъ А. повелѣлъ святителю молитву сотворити на основаніе

---

[1]) Судя по контексту слова: „и отвѣща народъ“ здѣсь пропущены.
[2]) Въ текстѣ „уединитъ“, что мало понятно.

града. И когда началъ эту молитву святитель Илія, князь сталъ также молиться въ себѣ такъ: Господи, владыко, предвѣчный Христе, Царю, сотворивый небо и землю, безъ кого ничтоже не совершается, ни слово, ни дѣло, нынѣ молитвою святого твоего мученика Ѳедора призри на мене раба своего и на новое мѣсто сіе и дай ми Господи совершити градъ сей, понеже Ты вѣдаешь всякое помышленіе, [1]) и знаешь, что я сильно желаю оградити святого мученика Твоего Ѳеодора; утверди меня Господи „праведнѣ и несвратнѣ [2]) молитвою его и помози ми совершити градъ сій. И когда это сказалъ, повелѣлъ приступить къ работамъ (рубити) [3]). Первый началъ рубить святитель Илія.

Послѣ сего великій князь сдѣлалъ надлежащія разъясненія лучшимъ мастерамъ, которые были призваны производить работу и передалъ ее въ ихъ руки. Это событіе было 23 апрѣля 1447 года. Затѣмъ началось пиршество, которое князь устроилъ на самомъ мѣстѣ празднества и въ этомъ пиршествѣ приняли участіе не только всѣ приглашенные гости, но и всѣ случившіеся тутъ люди (и сотвори пиръ веселъ не токмо на то позваннымъ, но и прилучившимся).

Такъ, съ Божіей помощью и по молитвамъ св. мученика Ѳеодора начато это дѣло, и такъ же оно закончено въ 2 или 3 дня, къ великому удивленію всѣхъ свидѣтелей его.

Видя успѣхъ начатаго дѣла, князь началъ часто пріѣзжать во вновь основанный имъ градъ. И вотъ, въ одну изъ такихъ поѣздокъ, когда онъ былъ въ

---

[1]) Употребляемъ слово „помышленіе“ вм. „совеси“, въ качествѣ предполагаемой поправки. „Совеси“ можетъ быть искаженіе „словеса“?

[2]) „Несвратнѣ“ мы понимаемъ въ смыслѣ: неизмѣнно, неуклонно, непоколебимо.

[3]) Ниже слово „градъ“ Ѳома замѣняетъ еще словомъ: „городню“.

особенно хорошемъ расположеніи духа, ему пришло на умъ—какъ назвать вновь построенный градъ? Одинъ премудрый и разумный старецъ, украшенный сѣдинами, подалъ князю мысль назвать его „Ѳедоровымъ градомъ“, но князь „упремудри старца“, говоритъ Ѳома, т. е. перемудрилъ совѣтчика, и сказалъ, что, такъ какъ градъ созданъ по любви его къ св. мученику Ѳедору, то лучше его назвать „Люблинъ“ или „Любовенъ“.

Почему, спрашивается, инокъ Ѳома такъ подробно остановился на благоустроеніи Борисомъ Александровичемъ церкви или монастыря св. Ѳедора Стратилата?

Намъ подозрѣвается, что причиною сего было какое-либо личное, намъ неизвѣстное, его отношеніе къ описываемому имъ торжеству. Нужно предположить, что послѣднее состояло не въ одной только постройкѣ ограды вокругъ Ѳедоровскаго монастыря, а можетъ быть въ реставраціи его самаго, причемъ инокъ Ѳома былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, или быть можетъ иниціаторомъ этого дѣла. Вообще, намъ кажется, что Ѳома здѣсь что-то умалчиваетъ, потому что постройка ограды не такая важная вещь, чтобы ее стоило такъ восторженно описывать. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что рѣчь Ѳомы въ этомъ мѣстѣ страдаетъ значительнымъ преувеличеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ, такъ какъ оказывается, что онъ слышитъ не только тѣ рѣчи, которыя произносились во всеуслышаніе, но и которыя князь произносилъ про себя.

Итакъ, собственно о Ѳедоровскомъ монастырѣ инокъ Ѳома ничего не сказалъ: онъ только описалъ торжество постройки и освященія построенной около него ограды. Думается, что мы имѣемъ право вос-

полнить его свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, и, хотя это будетъ небольшимъ отступленіемъ отъ предмета, но, надѣемся, намъ извинитъ это читатель, въ виду нѣкоторой неясности, которая получается при сравненіи текста Ѳомы съ текстомъ Тверской лѣтописи.

Ѳедоровскій монастырь въ Твери существовалъ уже въ началѣ XIV вѣка, а можетъ быть и раньше. Первое документальное о немъ извѣстіе мы находимъ въ замѣткѣ, сдѣланной архимандритомъ Сергіемъ относительно одной рукописи, которую онъ нашелъ въ Ватиканской библіотекѣ. Эта рукопись носила заглавіе: „Греческій Іерусалимскій Уставъ“ и на ней была надпись, что она написана Сирійцемъ Ѳомою въ 1317 году, въ городѣ Твери, въ Ѳедоровскомъ монастырѣ (Τήφρει τῇ χώρα Ρωσίας) [1]. Въ Тверской лѣтописи подъ 6831 (1323 г.) читаемъ: „заложена бысть церковь каменна Святый Ѳеодоръ на Твери“, а подъ 6833 (1325) годомъ сказано: „съвршена бысть церковь Святаго Ѳеодора“ [2]. Такимъ образомъ лѣтописное извѣстіе разнится съ указаніемъ случайной надписи на 6 лѣтъ. Возникающее нѣкоторое недоразумѣніе относительно возможности писанія рукописи въ монастырѣ въ 1317 году, когда онъ заложенъ былъ въ 1323 году, устраняется предположеніемъ (имѣющимъ всетаки за себя много подтвержденій въ другихъ случаяхъ), что въ 1323 г. заложенъ былъ именно каменный храмъ, на мѣстѣ существовавшаго ранѣе деревяннаго, о чемъ лѣтописецъ забылъ упомянуть, или быть можетъ и упомянулъ, но эта маленькая подробность пропущена кѣмъ либо изъ позднѣйшихъ переписчиковъ лѣтописи. Лишнюю подробность, но довольно для насъ

[1] Полный мѣсяцесловъ Востока. М. 1875. Т. 1. стр. 135—136.
[2] П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 414 и 415.

важную, занесла на свои страницы Никоновская лѣтопись. Здѣсь мы читаемъ: „того же лѣта, 6831 (1323), совершена бысть и свѣщена церковь камена въ Твери во имя св. Ѳеодора, юже соверши и украси игуменъ нѣкій именемъ Иванъ Цареградецъ“ [1]). Изъ дальнѣйшей судьбы этого монастыря извѣстно, что при Иванѣ Михайловичѣ онъ потребовалъ капитальнаго ремонта. Такъ, подъ 1421 годомъ въ Тверской лѣтописи есть слѣдующее извѣстіе: „въ лѣто 6929, мѣсяца іюня, въ 1 день заложена бысть церковь каменна святаго Ѳедора Тирона [2]) въ градѣ Твери, а ветхую разориша при благовѣрномъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ и при епископѣ Антоніи. Той же осени, мѣсяца октября въ 5 день священна бысть церковь каменнаа св. Ѳедора въ градѣ Твери епископомъ Антоніемъ при благовѣрномъ вел. князи Иванѣ Михайловичѣ, архимандрію тогда держащу Ѳеодосію того монастыря“ [3]). При великомъ же князѣ Борисѣ Александровичѣ, въ 1447 году, она была окружена деревянною оградою, на подобіе тѣхъ, какими окружались города, почему и названа имъ „градомъ“ [4]). Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ здѣсь текстъ Тверской лѣтописи въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно отъ инока Ѳомы. Подъ 6954 г. (1446) здѣсь сообщается слѣдующее: „той же весны князь великый Борисъ Александровичъ Тверскый разорилъ мона-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. X. Стр. 189.

[2]) Названіе „Тирона“ по всей вѣроятности стоитъ здѣсь ошибочно въ текстѣ, такъ какъ въ „Словѣ“ Ѳомы опредѣленно говорится, что рѣчь идетъ о церкви великаго Христова мученика *и воина* т. е. Ѳедора Стратилата. См. рукопись, стр. 23—24. Этихъ святыхъ смѣшивали и на иконахъ, замѣчаетъ г. Лихачевъ. См. прим. 3, на стр. XXX.

[3]) П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 488.

[4]) Можетъ быть это укрѣпленіе имѣло и военное значеніе, такъ какъ островъ, на которомъ стоялъ Ѳедоровскій монастырь, былъ форпостомъ въ сторону Новгорода.

стырь святаго великаго страстотрьпца Феодора Тирона и поставилъ городъ, архимандрію же перевелъ къ святому Григорію Богослову и церковь поставилъ святаго Феодора“ [1]). Недоумѣніе вызываютъ здѣсь выраженія: „разорилъ монастырь Тирона“ и „поставилъ церковь святаго Ѳеодора“, могущія быть понятыми такъ, что монастырь, и при томъ во имя св. Тирона, Борисъ А. уничтожилъ, а на его мѣстѣ поставилъ церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата. Г. Лихачевъ толкуетъ это такъ, что „монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, а не то, чтобы церковь была разрушена и выстроена на другомъ мѣстѣ“ [2]) Что касается имени „Тирона“, то мы должны опять повторить, что слово это внесено въ текстъ Тверской лѣтописи по ошибкѣ, такъ какъ у Ѳомы опредѣленно говорится, что рѣчь идетъ о церкви Ѳеодора воина и, кромѣ того, намъ ни откуда неизвѣстно о существованіи въ Твери въ то время еще церкви Ѳеодора Тирона. Что же касается „разоренія монастыря“, то и на это обстоятельство нѣтъ ни малѣйшаго намека у инока Ѳомы. Ясно, что въ данномъ мѣстѣ въ Тверской лѣтописи мы имѣетъ дѣло или съ неточнымъ обозначеніемъ дѣла, или же съ порчею его кѣмъ либо изъ позднѣйшихъ переписчиковъ. Дѣло по всей вѣроятности нужно понимать такъ, что церковь, построенная при Иванѣ Михайловичѣ, потребовала значительнаго ремонта, что, вмѣстѣ съ построеніемъ ограды вокругъ нея, и послужило поводомъ для торжества, описаннаго у Ѳомы. Переводъ же архимандріи изъ этого монастыря въ Іоанно-Богословскій монастырь—стоявшій въ древности гдѣ-то по близости нынѣшней Покровской

---

[1]) Тамъ же, стр. 423.

[2]) „Похвально Слово“. Предисловіе, стр. XXX.

церкви Затьмакой, и существовавшій безъ сомнѣнія также въ XIV столѣтіи, [1]) — весьма трудно объяснимое мѣсто въ Тверской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что по справкамъ, оказывается, что архимандрія продолжала существовать въ Ѳедоровскомъ монастырѣ и въ позднѣйшее время. Такъ, въ 1567 году, по спискамъ Строева, упоминается архимандритъ Ефремъ, въ 1626 году — Гермогенъ [2]). Вопросъ объ этомъ мы оставляемъ открытымъ.

Сверхъ перечисленныхъ церквей и монастырей, инокъ Ѳома къ церковно-строительной дѣятельности Бориса Александровича причисляетъ еще постройку имъ городовъ: Кашина, какого то града въ области Клинской и города Троки. Хотя подобная строительная дѣятельность вовсе не относится къ области церковной, но Ѳома смотритъ на нее именно съ церковной точки зрѣнія и даже мотивируетъ это. Онъ ссылается на слова св. I. Златоустаго въ его „епистоліи“ къ Коринѳянамъ: „есть хитрость создательная, есть хитрость зиждительная и есть хитрость дѣлательная, но князь же великій Борисъ А. всякія хитрости навыкъ, якоже инъ никто. Создательная хитрость — это церкви Божіи строити, зиждительная — еже запустѣвшія грады созидати и дѣятельная — еже селы и веси добрѣ строити.“ И кромѣ того: Св. Діонисій Ареопагитъ сказалъ: „яко полезно есть всякое зданіе градское человѣкамъ“. И Борисъ Александровичъ „не собѣ единому грады созидааше въ потѣшеніе, но и всѣмъ человѣкомъ въ великое прибѣжище и во упокоеніе. А собѣ же на великую память творяаше, понеже писано есть: въ память вѣчную будетъ праведникъ! Во-

[1]) Въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1405 годомъ, а не 1446, какъ сказано въ статьѣ г. Виноградова. Тв. Еп. Вѣд. № 30 стр. 22. См. Карамзинъ. И. Г. Р. Изд. 5. Т. V. Прим. 254.

[2]) Списки іерарховъ и пр. Спб. 1877, стр. 470.

истинну реку: въ память вѣчную!.... Строеніе великаго князя облиставаетъ якоже нѣкая денница или яко нѣкій вѣнецъ благолѣпенъ. Воистинну достоинъ есть великій князь Борисъ Александровичъ вѣнцу царскому!“ [1]).

Послѣ такого какъ бы вступленія авторъ продолжаетъ: „Не токмо сей градъ [2]) Любовенъ постави себѣ на утѣшеніе, но и иныя мнози грады созда“. Такъ напримѣръ,—великій, но запустѣвшій градъ, именемъ Кашинъ. Онъ столько лѣтъ запустѣлъ, „яко неудобь памяти человѣческой достигнуть“. Безъ сомнѣнія это „созданіе“ нужно понимать въ смыслѣ возобновленія, потому что Кашинъ существовалъ уже въ очень древнее время. Какой градъ построилъ Борисъ А. въ области Клинской—неизвѣстно, такъ какъ Ѳома не упоминаетъ его имени. Относительно же Клина и его области намъ извѣстно, что до 1486 г. они входили въ составъ Тверскаго княжества, а съ этого года перешли во власть Москвы. Что за городъ Троки? Литовскій городъ Троки, построенный Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ, конечно здѣсь разумѣться не можетъ, а другого города съ такимъ именемъ въ Тверскомъ княжествѣ мы не знаемъ. Думается, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ ошибкою переписчика, написавшаго Троки вм. Опоки? [3]) А

---

[1]) Рукопись, стр. 27, 28.

[2]) Въ текстѣ стоитъ: „драгъ“, вѣроятно ошибочно, что мы измѣняемъ въ слово: „градъ“.

[3]) Рукопись, стр. 55. О городѣ Троки у Ѳомы сказано: „той же зимы (т. е. въ 1453 г.) заложилъ князь великій Борисъ городъ среди езера и нарекы имя ему Трокъ и соверши его въ едину недѣлю“. Впрочемъ удивительное совпаденіе! Г. Н. Барсовъ въ „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“ говоритъ о Литовскомъ городѣ „Новые Трокы“ на озерѣ, двѣ стѣны камены, а верхній древянъ, а во островѣ каменъ“. Сходство топографическихъ условій заставляетъ задумываться, не объ одномъ-ли и томъ же городѣ идетъ рѣчь и у нашего Ѳомы? Вопросъ оставляемъ открытымъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій. Вильна. 1865 г. стр. 201.

этотъ городъ дѣйствительно былъ въ Тверскомъ княжествѣ и находился какъ разъ между Клиномъ и Зубцовомъ, т. е. на линіи границъ Тверскаго княжества. Онъ также упомянутъ въ числѣ городовъ, отошедшихъ къ Москвѣ въ 1486 году [1]).

3) Покончивъ съ строительною дѣятельностью Бориса Александровича, инокъ Ѳома переходитъ къ описанію его внѣшней политики, т. е. его отношеній къ другимъ князьямъ и его окраинной политики. Прежде всего Ѳома говоритъ объ отношеніяхъ его къ своимъ подручнымъ князьямъ. Придерживаясь его порядка, и мы прежде всего начнемъ свою рѣчь съ нихъ.

Подручными князьями назывались князья зависимые отъ князя стольнаго города, таковыми напр. у Твер. князя были князья: Зубцовскій, Кашинскій, Микулинскій, Городенскій и др. У инока Ѳомы рѣчь только о первыхъ двухъ. Почему о другихъ князьяхъ онъ умалчиваетъ—неизвѣстно. Рѣчь свою Ѳома на-

---

[1]) Относительно внутренняго смысла широкой строительной дѣятельности Бориса Александровича не лишне сдѣлать примѣчаніе, что она не была проявленіемъ каприза или тщеславія со стороны Тверскаго князя, а вызывалась измѣнявшимися соціально-экономическими условіями положенія Твери и вообще Тверской области въ его время. Въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній мы указывали, что не менѣе широкую строительную дѣятельность проявилъ и его предшественникъ—Тверской вел. кн. Иванъ Михайловичъ. Дѣло въ томъ, что Тверь росла и увеличивалась въ своемъ народонаселеніи съ чрезвычайной быстротою. Благодаря тишинѣ и спокойствію во время этихъ двухъ княженій, въ Тверскую область стекались люди изо всѣхъ окрестныхъ земель, гдѣ было жить болѣе или менѣе безпокойно. Благодаря этому обстоятельству, а не чему либо другому, увеличивалась потребность и въ новыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ и въ новыхъ мѣстахъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей. Одного стараго св. Спаса, Отроча монастыря и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ церквей и монастырей уже не достаточно было для вмѣщенія всего населенія г. Твери и его области. И вотъ выступаетъ на сцену, такъ сказать, государственная необходимость для ея правителей позаботиться объ удовлетвореніи этой вновь народившейся соціальной нужды.

чинаетъ довольно загадочнымъ вступленіемъ: „князю же великому Борису Александровичу власть пріимше Тѳ̀рскаго чиноначальства, гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престолѣ съ собою посади... И иная власти, непокоряющаяся ему, покорна сотвори“.

Дальнѣйшее изложеніе объясняетъ, хотя и не съ достаточною полнотою, въ чемъ дѣло. „Яко же бысть въ дни Авраама, говоритъ онъ, егда бѣ плѣненъ бысть Лотъ, сынъ брата его и погна Авраамъ вслѣдъ ихъ до Дана [1]) съ треми сты и осмнадцатью (людьми) и порази ихъ, и отъятъ вся стада ихъ и возврати сыновница своего,—тако же бысть и въ дни великаго князя Бориса Александровича: нѣкто отъ предѣлъ московскихъ, именемъ Колычевъ, пріиде въ силѣ тяжцѣ, хотя плѣнити сына брата его князя Юрія Александровича. Сіе же слышавъ князь великій Борисъ Александровичъ—яко плѣнитъ Колычевъ сына брата его– посла своихъ воеводъ крѣпчайшихъ и біаша ихъ и гнаша до Сижескы, еже есть ошую Ржевы. И яко же онъ побѣди ошую Дамаска, такоже великій князь Борисъ Александровичъ побѣди москвичь ошуюю Ржевы и возврати вся стада ихъ и вся имѣнія ихъ. Обой съ треми сты и 18 человѣкъ, а воеводы жъ великаго князя Бориса А. съ единымъ стомъ и приведоша къ великому князю Б. А. болѣе 500 человѣкъ, кромѣ мертвыхъ и язвенныхъ“ [2]).

Фактъ, о которомъ здѣсь говорится, неизвѣстенъ изъ лѣтописей. Дѣло идетъ о походѣ великаго князя Бориса А—ча на защиту своего брата Юрія Александровича, удѣльнаго князя Зубцовскаго, на котораго сдѣлалъ набѣгъ какой-то московскій воевода

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ „до Дона“, но г. Лихачевъ совершенно правильно поправляетъ до Дана.

[2]) Рукопись, стр. 16—17.

Колычевъ. Князь отстоялъ его и возвратился домой съ большимъ полономъ. Дѣло происходило по близости города Ржева, на рѣкѣ Сижкѣ и нынѣ извѣстной. Къ какому времени относится это событіе и какой смыслъ оно имѣетъ въ общей исторіи междукняжескихъ отношеній того времени, конечно трудно опредѣлить съ точностію. Но дѣло нѣсколько разъяснится, если мы припомнимъ обстоятельства вступленія на великокняжескій престолъ Бориса Александровича.

Въ началѣ XV столѣтія, къ каковому времени относится начало княженія Бориса Александровича, почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ шла сильная борьба между старымъ порядкомъ престолонаслѣдія — отъ отца къ слѣдующему за нимъ брату — и новымъ — отъ отца къ сыну. Примѣромъ можетъ служить Москва, гдѣ въ это время шла упорная борьба между племянникомъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, и его дядею Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ. Тверскому великому князю Ивану Михайловичу по старому порядку престолонаслѣдія долженъ бы былъ наслѣдовать его братъ Василій Михайловичъ III Кашинскій, почти всю жизнь проведшій въ борьбѣ со своимъ старшимъ братомъ Ив. Михайловичемъ княземъ Тверскимъ, тѣснившимъ его; но этого не случилось: Тверской столъ наслѣдовалъ его племянникъ—Александръ Ивановичъ - сынъ Ивана Михайловича — по новому порядку престолонаслѣдія.

Этому послѣднему въ свою очередь наслѣдовалъ его сынъ, Юрій Александровичъ. Казалось-бы, что новый порядокъ достаточно уже укоренился въ сознаніи тверскихъ людей того времени; но дѣло въ томъ, что княженіе этихъ двухъ послѣднихъ князей было слишкомъ кратковременно (первый княжилъ

всего 5 мѣсяцевъ, а второй только 4 недѣли, потому что оба умерли отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы), каковымъ обстоятельствомъ и воспользовался дядя послѣдняго Борисъ Александровичъ, занявши Тверской столъ вопреки правъ на него своего племяника, сына Юрія Александровича, Ивана Юрьевича, а также и вопреки правъ на него своего двоюроднаго дяди Василія Михайловича Кашинскаго, по старому порядку престолонаслѣдія. Спрашивается, какимъ же образомъ онъ избавился отъ затрудненій, вдвойнѣ угрожавшихъ ему, какъ отъ племянника, такъ и отъ дяди? Борзаковскій, ставя тотъ же вопросъ, рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что дѣло вѣроятно обошлось не безъ борьбы и въ примѣръ указываетъ на короткую расправу Бориса Александровича съ своимъ дядей: онъ приказалъ его взять подъ стражу, и съ тѣхъ поръ о немъ въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій [1]). Такимъ объясненіемъ косвенно дается понять, что и по отношенію къ племяннику дѣло могло-бы обстоять подобнымъ же образомъ, если-бы онъ засвидѣтельствовалъ себя со стороны своей строптивости такъ же, какъ это засвидѣтельствовалъ Василій Михайловичъ. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь дѣло обстояло иначе, что и разъясняетъ намъ инокъ Ѳома. Изъ разсказаннаго имъ факта заступничества дяди за племянника ясно видно, что отношенія между ними были самыя дружественныя, иначе совершенно непонятно, какъ-бы могъ Борисъ А. посылать ему помощь противъ московскаго воеводы Колычева? Такимъ образомъ, въ объясненіе того, по какому праву Борисъ Александровичъ занялъ свой столъ,

---

[1]) Исторія Тверскаго княжества. Спб. 1876. Стр. 191 и Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ Татарскій періодъ. Томъ II. Стр. 536.

а также и нѣкотораго разногласія замѣчаемаго по этому поводу между историками, [1]) отъ инока Ѳомы мы узнаемъ, что при вступленіи на престолъ Бориса А—ча у него никакихъ столкновеній съ племянникомъ не было. По всему видно, что Иванъ Юрьевичъ былъ человѣкъ тихій и смирный, и былъ доволенъ даннымъ ему дядею Зубцовомъ; и нѣтъ ни одного лѣтописнаго указанія, изъ котораго-бы было видно, что дружескія отношенія когда-либо между ними нарушились. Что же касается крутаго поступка Бориса Александровича съ своимъ дядей Василіемъ Михайловичемъ, то мы знаемъ, что это былъ человѣкъ безпокойный и что великій князь, лишивъ его свободы, только предупредилъ неминуемую съ нимъ войну. Теперь мы поймемъ и загадочно-риторическое вступленіе, которымъ инокъ Ѳома предваряетъ свой разсказъ о помощи, оказанной Борисомъ Александровичемъ своему племяннику: „Гордыя съ власти сверже, т. е. Василія Михайловича, а смиренныя на престолѣ съ собою посади“, т. е. Ивана Юрьевича на Зубцовскомъ столѣ.

Упоминаемый Ѳомою московскій воевода Колычевъ—можетъ быть одинъ изъ предковъ фамиліи, изъ которой происходилъ знаменитый впослѣдствіи обличитель тиранніи Ивана IV—московскій митрополитъ Филиппъ II.

Описаніе отношеній Бориса Александровича къ Москвѣ и Московскому князю Василію Васильевичу—наиболѣе цѣнная и любопытная часть повѣствованія инока Ѳомы, потому что здѣсь мы находимъ такія подробности, какія не вошли въ другія лѣтописи, а если которыя и вошли, то представлены совсѣмъ не

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Спб. 1872. Т. 1. стр. 423, прим. 40. Экземплярскій. Цит. соч. стр. 506. Соловьевъ. Ист. Россіи съ др. вр. Т. IV. Стр. 1084. 2 изд.

въ томъ освѣщеніи, въ какомъ мы ихъ находимъ въ изложеніи инока Ѳомы.

Въ то время, какъ Борисъ Александровичъ занимался внутренними дѣлами въ своемъ княжествѣ, строилъ церкви, монастыри, принималъ участіе въ иностранной политикѣ церковной и свѣтской, въ Москвѣ шла упорная и ожесточенная борьба между дядей и племянникомъ—между Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ и Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ. Смыслъ этой борьбы тотъ же, что и въ Тверскомъ княжествѣ: это была борьба изъ-за новаго порядка престолонаслѣдія,—только въ Москвѣ этотъ процессъ совершался несравненно острѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ.

Не смотря на то, что Василій Дмитріевичъ, умирая, завѣщалъ свое княженіе своему сыну Василію Васильевичу, его дядя Юрій Димитріевичъ не хотѣлъ признать законнымъ этого завѣщанія, потому что по старому порядку престолонаслѣдія считалъ себя, какъ старшаго, законнымъ наслѣдникомъ своего брата. Старые и новые порядки имѣли за себя, вѣроятно, одинаковое число приверженцевъ, такъ что соперники никакъ не могли между собою поладить, и передали дѣло на судъ хана, еще признававшагося верховнымъ повелителемъ надъ русскими князьями. Московскій бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, въ надеждѣ, что Василій Васильевичъ женится на его дочери, оказалъ содѣйствіе передъ ханомъ въ пользу Василія Васильевича своею льстивою рѣчью, послѣдствіемъ которой было то, что ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу племянника. Юрій Дмитріевичъ съ неудовольствіемъ, конечно, долженъ былъ смириться.

Между тѣмъ Василій Васильевичъ, давшій въ Ордѣ слово жениться на дочери Всеволожскаго, по

пріѣздѣ въ Москву не сдержалъ его, потому что въ дѣло вмѣшалась его мать—Софья Витовтовна, которая нашла для него другую невѣсту и заставила сына жениться на ней. Всеволожскій, конечно, послѣ этого сдѣлался врагомъ Василію Васильевичу, и отъѣхалъ отъ него къ своему родственнику, Тверскому князю Борису Александровичу, который принялъ его по родственному, но и только. До какого либо вмѣшательства въ пользу своего родственника дѣло не доходило.

Между тѣмъ московскія дѣла складывались такъ, что опять призывали Юрія Димитріевича къ дѣятельности. На свадьбѣ Василія Васильевича мать его допустила безтактность: она публично, при всѣхъ гостяхъ, сняла съ сына Юрія Дмитріевича—Василія Юріевича—драгоцѣнный поясъ, объявивъ, что онъ когда-то принадлежалъ московскому князю, но былъ украденъ у него. Оскорбленный Василій Юрьевичъ, а также и братъ его, тутъ же бывшій, Димитрій Юріевичъ, тотчасъ же уѣхали со свадьбы, пылая мщеніемъ. Послѣ этого и отецъ ихъ не могъ спокойно сидѣть въ Твери, и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы снова принять участіе въ борьбѣ съ Московскимъ княземъ.

Борисъ Александровичъ не принималъ участія въ этой борьбѣ, не смотря на то, что представлялись случаи, которыми онъ могъ бы выгодно воспользоваться въ интересахъ своихъ собственныхъ и своего княжества. Такъ, въ 1433 году, Московскій князь, разбитый своимъ соперникомъ Юріемъ, вынужденъ былъ спасаться и бѣжать въ Тверь, взявши съ собою мать и жену. Казалось бы сама судьба отдавала его въ руки одного изъ потомковъ давнишнихъ соперниковъ своихъ—Тверскихъ князей. Но Борисъ

Александровичъ, ставившій нравственные принципы выше всякихъ политическихъ соображеній, не пожелалъ вспомнить, какъ когда-то, не въ очень давнее время, поступили въ Москвѣ съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, пріѣхавшимъ туда въ качествѣ гостя, (его схватили, бросили въ тюрьму и только опасеніе мести со стороны татаръ заставило Московскаго князя освободить Тверского князя), и мирно отпустилъ его въ Кострому, куда онъ отправился, чтобы снова набирать войска противъ Юрія. Личное благородство, и унаслѣдованный отъ своихъ предковъ рыцарскій характеръ не позволили Борису Александровичу рѣшиться на какое-либо насильственное дѣйствіе противъ гостя, искавшаго у него пристанища и пріюта.

Борьба Василія Васильевича съ Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ окончилась неожиданною смертію послѣдняго, въ слѣдующемъ 1434 году, вслѣдъ за которою Василій Васильевичъ вернулся въ Москву. Но сыновья умершаго—Василій и Димитрій—не хотѣли успокоиться,—и теперь уже не по праву, а по чувству мести—и продолжали войну. Борьба шла съ перемѣннымъ счастіемъ во все послѣдующее время, то усиливаясь, то ослабляясь, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ.

Въ 1445 году она вспыхнула съ новою силою, и вотъ по какому поводу. Въ этомъ году на Москву сдѣлалъ набѣгъ Татарскій ханъ Улу-Махметъ, и столь удачный, что захватилъ въ плѣнъ Василія Васильевича. Ханъ впрочемъ скоро согласился отпустить его, запросивъ съ него громадный выкупъ въ 200,000 р., что, при тогдашней цѣнности денегъ, составляло безпримѣрную контрибуцію [1]). Василій Василье-

[1]) Соловьевъ С. Ист. Россіи съ древн. вр. Т. IV, стр. 1066. 2 изд.

вичъ обѣщалъ уплатить ее по возвращеніи въ Москву. Послѣ чего онъ былъ отпущенъ и, отправляясь въ Москву, захватилъ съ собою цѣлую ватагу татарскихъ царевичей и князьковъ, которые ѣхали, конечно, за тѣмъ, чтобы поживиться въ Москвѣ. Москвитяне и ранѣе недовольные подобными приглашеніями своихъ князей разныхъ инородцевъ, содержаніе которыхъ ложилось на нихъ въ видѣ громадныхъ и непосильныхъ налоговъ, начали волноваться. Этими волненіями поспѣшилъ воспользоваться князь Димитрій Юрьевичъ, по прозванію Шемяка. Онъ вошелъ въ сношеніе съ Татарами, съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ и, будто бы, даже съ Тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ во вредъ князю Московскому.

На самомъ же дѣлѣ, дѣло по отношенію къ послѣднему князю обстояло совсѣмъ иначе. Князь Димитрій Юрьевичъ отправилъ къ Тверскому князю посольство, съ цѣлію привлечь его къ себѣ въ союзники. Побудительною причиною, которая могла заставить Тверского князя склониться на его предложеніе, Шемяка выставилъ то обстоятельство, будтобы князь Василій Васильевичъ условился съ Улу-Махметомъ передать ему все княженіе Московское, а самому удовольствоваться только его Тверскимъ княженіемъ. Неизвѣстно, самъ-ли Шемяка выдумалъ такую глупость, или подобный слухъ ходилъ въ недовольномъ московскомъ народѣ—послѣднее вѣроятнѣе—только по словамъ историковъ, напр. Карамзина, Тверской князь повѣрилъ ему, боясь лишиться своего княженія [1]). С. М. Соловьевъ, хотя немножко иначе, но въ сущности говоритъ тоже самое, что и Карамзинъ. По нему: „шла молва будто великій

[1]) Ист. Гос. Росс. Т. V. стр. 184. Изд. 5.

князь обѣщалъ отдать хану все московское княжество, а самъ удовольствовался Тверью. Князья Тверской и Можайскій повѣрили, или сочли полезнымъ для себя повѣрить, и согласились дѣйствовать заодно съ Шемякою и московскими недовольными, во главѣ которыхъ были бояре, гости и даже чернецы Троицкіе и т. д.“ [1]). По словамъ же инока Ѳомы, Борисъ Александровичъ не повѣрилъ Шемякѣ, приказалъ разслѣдовать дѣло; очень жалѣлъ Василія Васильевича, что онъ находится въ такомъ затруднительномъ положеніи и обѣщалъ оказать помощь, но не Шемякѣ, а ему Василію Васильевичу. Вотъ подлинныя слова инока Ѳомы: „Той же зимы (т. е. 1446 г.) князь Дмитрей послалъ посла своего къ великому князю Борису Александровичу, а ркучи такъ: и сталося брате въ нашей земли, что братъ нашъ князь великій Василей целовал Тотаромъ, что ж твою отчину великое княженіе Тферьское, да и наши отчины хощетъ предати Тотаромъ; и мы ж то обдумавъ со всею братіею и со всею землею, великаго же князя Василіа поимали и того ради и тобѣ възвѣщаемъ, да и ты бы еси намъ способьствовалъ по христіанствѣ, и еще же и по своей отчинѣ. И князь же великій Борисъ Александровичъ въ той часъ посла своего воеводу князя Ондрѣя Дмитреевича, а веля ему извѣстно опытать о великомъ князѣ Василіи; и отъ очію же слезы испущаше, а вдохновенъ бысть милостію Спасителя Бога, и восхотѣ ж стати по своемъ братѣ, по великомъ князѣ Василіи, якоже Іарославъ, тако же и сотвори“ [2]).

И въ дальнѣйшемъ разсказѣ объ ослѣпленіи Василія Васильевича всюду мы видимъ дѣйствую-

[1]) Ист. Рос. съ др. вр. Т. IV. Стр. 1066. 2 изд.
[2]) Рукопись, стр. 41—42.

щимъ лицомъ только Шемяку и князя Можайскаго, а о Тверскомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ и помину нѣтъ. Разсказъ инока Ѳомы объ этомъ очень кратокъ—что и понятно, такъ какъ онъ о московскихъ событіяхъ говоритъ только по стольку, по скольку они касаются тверскихъ. Для насъ непонятно только, почему онъ разсказъ объ этомъ событіи относитъ къ 1445 году, тогда какъ почти по всѣмъ лѣтописямъ ослѣпленіе московскаго князя совершилось въ 1446 году (16 февраля). Текстъ рѣчи инока Ѳомы объ этомъ событіи слѣдующій: „нѣкто отъ прироженіа великыхъ князей московъскыхъ, зовомый князь Дмитрей, а прозваны отъ людій Шемяка, сынъ князя Юріа Дмитреевича, и той бѣ въ докончаніе с великымъ княземъ Василіемъ Московьскымъ, но реку же и съ вел. княземъ Борисомъ съ Тферскымъ; честь велику и дары многы отъ нихъ взимааше. Но понеже бо ни помяну о томъ, и еже нихъ к нему любы; но аки нѣкая ехидна гнѣвомъ дыша, хотя убити брата своего старійшаго вел. князя Василіа, еже и сотвори. Пріиде отъ града Углеча и [1]) градъ Москву изгониша безвѣстно, и възяша его, а с нимъ братъ его князь Иванъ Можайскій. А великому же князю Василію тогда бывшу в монастыре святыя Троіца еже зоветься Маковець въ обители старца Сергіа. И князь Дмитрей ни крестного цѣлованіа убояся, ни любвѣ великого князя Василіа к себѣ не воспомяну, но посла тамо брата своего князя Івана и повели его изымати; а преже того таковымъ крестнымъ цѣлованіемъ укрѣпишася, яко и грамоту проклятую межи собя написаша и старца Сергіа в поруку вписаша, іакоже не помыслити никоего ж зла брату на брата. Князь же Димитрей крестное цѣлованіе забылъ и поручника старца Сергіа выдалъ

[1]) Здѣсь что-то непонятное: или пропускъ, или порча текста.

и изымавъ великаго князя Василіа без вины и приведе его на Москву и ослепі, и посла его в заточеніе иже в прежреченый градъ Угличе и съ его великою княгинею Маріею, а самъ сѣдилъ на великомъ княженіе“ [1]).

И въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое бы то ни было участіе Бориса Александровича въ дѣйствіяхъ противъ Московскаго князя Василія Васильевича. Напротивъ, говорится, что оба князя—и Московскій и Тверской—были въ докончаніи съ Шемякой, пока послѣдній, какъ человѣкъ жестокосердый и легкомысленный—по словамъ Карамзина [2])—не вздумалъ нарушить вѣрность своему князю и клятвенныя обѣщанія, данныя предъ гробомъ преподобнаго Сергія. Исполнителемъ же велѣній Шемяки, какъ видимъ, называется одинъ только князь Иванъ Можайскій, человѣкъ безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, дружившій и ссорившійся съ князьями смотря по тому, какъ ему въ данный моментъ было выгоднѣе [3]). (Неучастіе Бориса Александровича въ преступныхъ дѣйствіяхъ противъ Московскаго князя, будто бы въ союзѣ съ Шемякой, будетъ видно и изъ дальнѣйшаго изложенія).

Тѣмъ удивительнѣе, что нѣкоторые историки, напр., тотъ же Карамзинъ, на основаніи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій [4]) (вѣроятно испорченныхъ) находитъ возможнымъ допустить участіе Бориса Александровича даже въ этомъ послѣднемъ злодѣйскомъ дѣяніи. Такъ, у него находимъ фразу, что Василія Васильевича „ослѣпили отъ имени Дмитрія Юрье-

[1]) Рукопись, стр. 39—40.
[2]) Ист. Гос. Росс. Т. V. Стр. 188 и 184. Изд. 5.
[3]) Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. Т. IV. Стр. 1058. 2 изд.
[4]) 2 Новгор. Стр. 141. 4 Новгор. стр. 125.

вича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго“ [1]). С. М. Соловьевъ уже не высказываетъ подобной мысли, потому что нелѣпость и тенденціозность ея уже слишкомъ бьютъ въ глаза. Борзаковскій же рѣшительно протестуетъ противъ нея [2]). Въ большинствѣ другихъ лѣтописей на участіе Б. А. въ ослѣпленіи Московскаго князя нѣтъ ни малѣйшаго намека; остается допустить, что извѣстіе Новгородской лѣтописи есть выдумка, внесенная въ нее позднѣйшими московскими справщиками, что́ вполнѣ согласуется съ тѣми данными, къ которымъ пришелъ г. Янишъ въ вышецитированномъ изслѣдованіи: „Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки“. Мы уже не говоримъ о томъ, что подобное дѣяніе стоитъ въ полномъ противорѣчіи со всею дѣятельностію Бориса Александровича, какъ предыдущею, такъ и послѣдующею.

Сейчасъ мы будемъ свидѣтелями умилительныхъ, дружескихъ, чисто родственныхъ сценъ, которыя происходили между Борисомъ Александровичемъ и Василіемъ Васильевичемъ, пріѣхавшимъ изъ Вологды въ гости къ Тверскому князю, по приглашенію послѣдняго,—сценъ, изложенныхъ инокомъ Ѳомою съ чисто эпической красотой и съ подробностями, обличающими въ авторѣ не только непосредственнаго очевидца, но можетъ быть даже участника событія.

Но предварительно передадимъ то, что намъ Ѳома считаетъ нужнымъ сообщить изъ событій предшествовавшихъ этому свиданію. Онъ излагаетъ ихъ очень кратко и совершенно согласно съ установившимися нынѣ взглядами историковъ и лишь съ незначительными дополненіями. Рѣчь начинается съ

[1]) П. Г. Р. т. V. стр. 186. Изд. 5.

[2]) Ист. Твер. княж. Спб. 1876. стр. 196.

того, какъ поступилъ Шемяка съ дѣтьми Василія Васильевича Иваномъ и Юріемъ. „Той же зимы княгиню великую Софію послалъ въ Галичъ (у Карамзина и Соловьева почему-то значится въ Чухлому), а дѣти же великаго (князя) [1]) Василіа князь Иванъ, да князь Юрій побѣгоша въ Муромъ, а с ними же князей и бояръ много, и сѣдоша въ Муромѣ. Той же зимы побѣже князь Василей Ярославичъ (Боровскій), шуринъ князя великаго Василіа в Литву, бояше бо ся той того же убійства. Той же зимы по малѣхъ днехъ посла князь Дмитрей владыку Рязанского Іону, да Коломенскаго владыку Варламіа (о послѣднемъ лѣтописи умалчиваютъ) в Муромъ к дѣтемъ великого князя Василіа, зовы ихъ на Москву къ своему отцу, а что ся стало, ино того уже не воротить. Азъ отца вашего хощу жаловать, а вамъ удѣлы подаю по вашей волѣ. А въ томъ въ всемъ вамъ имаються владыкы, ихъ же есми к вамъ послалъ. Они же подумавъ, вѣру имше его словесемъ, но наипаче ж святительскимъ и рекоша въ собѣ: аще ли си единъ восхощетъ княжити, и приложитъ зло ко злу, и аще ли и насъ побіетъ, то воля Господня да буди, и поидоша въ Москву по крестному его к нимъ целованію и надѣющеся отъ него обѣщанное имъ пріати. Онъ же ни во умъ сего пріа таковаго обѣщанія, ни крестнаго целованіа убояся, ни святительскыхъ глаголъ усрамися, ни писаннаго въспомяну: аще ли весь миръ приобрѣсти, а душу погубити—какая есть полза?... И егда же тѣ дѣти великого князя пріидоша, онъ [2]) же поимавъ их, яко незлобивыхъ младенець,

---

[1]) Слова: „князя“ нѣтъ въ подлинникѣ, почему мы и поставили его въ скобкахъ.

[2]) Въ текстѣ стоитъ очевидно по опискѣ: „инь“.

и пославъ и в той же прежереченый градъ Углече, в заточеніе. И въсхотѣ быти единъ самодерьжецъ“ [1]).

О свиданіи Московскаго князя Василія Васильевича съ Тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ московскія лѣтописи пишутъ очень сухо и кратко, но всетаки замѣчаютъ, что будто-бы Василій Васильевичъ самъ захотѣлъ поѣхать въ Тверь. Но это - неправда. Ѳома говоритъ, что Борисъ Александровичъ первый послалъ за нимъ нарочитаго боярина —своего намѣстника въ Кашинѣ—князя Ѳеодора Шуйскаго [2]). „Той же зимы послалъ князь великій Борисъ на Вологду намѣстника своего, Кашинскаго князя Феодора Шуйскаго по своего брата, по великого князя по Василіа. А слово ж свое рекъ въ слухъ всѣмъ человѣкомъ: буди вамъ вѣдомо, оже намъ Богъ дастъ, хощемъ быти за единъ: Борисъ—Василей, а Василей и Борисъ! И промчіся слово то и до московскіа земли. Слышав же людіе –князѣ и боляре (т. е. всѣ приверженцы Василія Васильевича) отъ великихъ даже и до простыхъ, иже сих два воеводы, но совокупляються, и полѣтѣша ж яко высокопарніи орли, или яко пчелы на собраніе цвѣтовно: отъ всѣхъ странъ стицахусть людіе в домъ святого Спаса, и къ великому князю Борису Александровичу. Онъ же пріимаа и успокоиваа ихъ, и утѣшая ихъ. И подмагаше, иже кто чимъ скуденъ“.

„Княз же Феодоръ прежереченый Шуйскій пріиде на Вологду к великому князю Василію, рекый: братъ твой князь великій Борисъ Александровичъ повѣствуетъ: брате, князь великій Василей! Сталося в на-

---

[1]) Рукопись, стр. 40—41.

[2]) Что въ Кашинѣ при Борисѣ А—чѣ былъ намѣстникъ князя Тверского князь Ѳедоръ Шуйскій—фактъ неизвѣстный доселѣ. По справкѣ г. Лихачева, здѣсь нужно разумѣть Ѳедора Юрьевича Шуйскаго. „Слово“, предисловіе, стр. XXXIX.

шей земли таково, паче же над тобою, над нашимъ братомъ, что ж і отъ начала [1]) вѣка и донынѣ такова бѣда не бывала! Нынѣ милостію Божіею и твоею любовію ко мънѣ моего брата, послахомъ къ тобѣ яко свое лице, чтобы еси шелъ въ домъ святого Спаса и въ мою отчину. Мы же помощію Божіею, какова сила, по толику потщимъся по тобѣ поборствовати".

„И сіе слышавъ князь великій Василей, вздохнувъ из глубины сердца своего, прослезися и рече: похвалю убо всещедраго и милостиваго Бога и Его Пречистую Матерь и [2]) добродители своего брата великаго князя Бориса, яко не остави мене въ скорбі сей пребывать. Но понеже бо нѣкогда пришедшу на меня дядѣ моему князю Юрію с тымъ жъ съ своимъ сыномъ, со княземъ съ Дмитреемъ, изгонивъ мене со стола моего и отечества. И азъ же необрѣтохъ обителища ни у кого же, развѣе въ дому у святого Спаса и у сѣвоего брата у великого князя Бориса Александровича и онъ же преупокоил мя".

Василій Васильевичъ прибылъ въ Тверь. Произошла въ высшей степени трогательная сцена: „князь же великій Борисъ плакашеся о своемъ брате о великомъ князѣ Василіи и о отпаденіи государства его, и князь ж великій Василій плакашеся о милосердіи и о любвѣ брата своего великого князя Бориса еже къ нему. Князь же великій Борисъ плакаше (и потому, что) прежде бо видѣша брата своего великого князя Василіа добролѣпна и добровидна и государевымъ саномъ почтена, нынѣ же—уничижинна і нищевидна и отъ своей братіи поруганна" [3]).

---

[1]) Въ подлинникѣ вм. слова „начала" стоитъ: „статіа",—отъ слова „стать", въ смыслѣ „начаться".

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ „отъ", которое очевидно нужно замѣнить словомъ: „и".

[3]) Рукопись, стр. 43. Въ словѣ „пищевидна" въ подлинникѣ пропущена буква: „д".

На послѣдней фразѣ г. Лихачевъ останавливается и дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: очевидно, что московскимъ лѣтописямъ не подходили такія упоминанія „нищевидности“ и въ нихъ нѣтъ описанія свиданія великихъ князей, а просто сказано: „далъ ему у себя опочинути и честь велику воздаде“ [1].

Ѳома дальше пишетъ: „князь же великій Василей ко слезамъ слезы прикладаше, поминая жъ отъ всей братіи ему поруганіе, и отъ государства своего отпаденіе, и еже великого князя Бориса к нему любественное (отношеніе), и плакастася оба на многочасіи“.

„Великая же княгиня Анастасія (жена Бориса Александровича) с великою княгинею Маріею обымастася и плакастася неутѣшно, яко многимъ человѣкомъ зрящимъ такихъ государей плачущеся и отъ очію источникы слезъ ронящу“.

Наплакавшись оба князя, взявши другъ друга за руку, равнымъ образомъ и обѣ княгини, отправились къ обѣденному столу (поидоста вечеряти). И во время обѣда оба князя и княгини часто обнимались и плакали „и не бѣ утѣшающаго ихъ, но развѣе рече пророкъ Давидъ: обратилъ еси плачь мой в радость мнѣ“... [2].

Какъ это обыкновенно бываетъ и въ настоящее время, свиданія высокопоставленныхъ лицъ, а въ особенности народныхъ правителей, сопровождаются обсужденіемъ политическихъ дѣлъ и принятіемъ тѣхъ или другихъ важныхъ рѣшеній. Такъ и на тогдашнемъ княжескомъ пиршествѣ въ Твери были приняты важныя рѣшенія. Во первыхъ, князь Борисъ Александровичъ обѣщался оказать Василію Васильевичу помощь противъ Шемяки, во вторыхъ, была

[1] Предисловіе къ „Слову“, стр. XLI.

[2] Рукопись, стр. 44.

помолвлена дочь Бориса Александровича, Марія Борисовна, за сына Василія Васильевича Ивана Васильевича, въ то время еще только семилѣтняго ребенка.

Русскіе историки, на этотъ разъ и Карамзинъ и Соловьевъ согласно, [1]) ставятъ оба эти рѣшенія во взаимную, условную связь, т. е. совершеніе втораго дѣла ставятъ въ зависимость отъ исполненія перваго, и такимъ образомъ поведеніе Бориса Александровича выставляютъ далеко не въ безкорыстномъ и, слѣдовательно, не безупречномъ видѣ. Но подобное представленіе дѣла, благодаря новымъ даннымъ, представляемымъ сообщеніями инока Ѳомы, должно быть оставлено. Только что изложенное у инока Ѳомы описаніе этого свиданія, его иниціатива, процессъ и цѣль прямо не допускаютъ какого либо иного его толкованія, кромѣ того, которое непосредственно вытекаетъ изъ прямого его смысла. Мало того: текстъ инока Ѳомы такого рода, что даетъ положительное опроверженіе и вышеупомянутаго обвиненія Бориса Александровича въ участіи въ ослѣпленіи Московскаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ возможно допустить, чтобы Василій Васильевичъ, (находясь въ какомъ угодно положеніи, а въ данномъ случаѣ его положеніе: любезно приглашеннаго и принимаемаго гостя) рѣшился согласиться на помолвку своего сына съ дочерью человѣка, участвовавшаго въ его ослѣпленіи, когда еще быть можетъ не успѣли зажить язвы отъ вырѣзанныхъ у него глазъ! Ясно, что вышеозначенные историки находились подъ гипнозомъ извѣстій ложныхъ, исходив-

[1]) П. Г. Р. Изд. 5. Т. V. стр. 191. Карамзинъ выражается: „князь Б. А. оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ сына своего семилѣтняго Іоанна на его дочери Маріи". Карамзину не слѣдовало-бы говорить: „оставивъ свою злобу", потому что таковой вовсе не существовало. Ист. Россіи. Т. IV. Стр. 1070. 2 изд.

шихъ изъ источниковъ явно интерполированныхъ [1]). Такимъ образомъ, инокъ Ѳома, какъ бы изъ могилы встаетъ, чтобы обличить неправду.

Обрученіе тверской княжны Маріи Борисовны съ сыномъ Московскаго князя Василія Васильевича Иваномъ Васильевичемъ совершилось въ Твери весьма торжественно, весною 1447 года. Объ этомъ событіи инокъ-Ѳома записалъ такимъ образомъ: „той же зимы (т. е. вѣроятно въ октябрѣ или ноябрѣ 1446 г.) князь великій Василей обручал дщерь у великого князя Бориса княжну великую Марію за своего сына, за князя Ивана. И был на обручаніе томъ боголюбивый епископъ Тфѣрскый Иліа и вси князи и велможіи и елико их подъ областію великого князя Бориса; а з другіа страны--самъ князь великій Василей, а с ним князей и боаръ множество, и таковѣй бо тѣснотѣ сущи, яко ж граду их не вместити. И бысть радость велія, яко же и прежде рекохомъ, и обрати Богъ плачь на радость. И Москвичи ж радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а Тѳеричи радовашеся, яко ж Тьфѣрь Москва бысть, и два государя во едино совокупишася“ [2]).

Засимъ начались военныя приготовленія обоихъ князей. „Той же зимы послалъ князь великій Борисъ своего посла Івана Давидовича на Москву ко князю Дмитрею, а веля ему отступити великого княженія и великому князю Василію отдати, да сыну его князю Івану, а великую княгиню Софію веля ему выпустити и казнь (т. е. казну) отдати. [3]) Князь же Дмитрей

[1]) Борзаковскій того же мнѣнія. См. его 933 примѣчаніе.

[2]) Рукопись, стр. 51.

[3]) Уходя изъ Москвы Шемяка захватилъ съ собою мать Василія Васильевича, княгиню Софью, которую теперь Борисъ Александровичъ и приказываетъ выпустить. Карамз. И. Г. Р. V. 192.

княгиню великую хотя выпустити и казнь отдати, а великого княженіа отступитися не хотя. Той же зимы по малехъ днехъ князь Дмитрей Юріевичъ, зовомый Шемяка, собравъ въя (т. е. воиновъ) своя многіи поиде с Москвы на Волокъ (т. е. въ Волокъ Ламскій), а ркучи тако людемъ: иду на великого князя Василіа, и аще ли станетъ за него князь Борисъ, то и на Борису иду!“ [1]).

Между тѣмъ князь Борисъ, все еще не теряя надежды уговорить заносчиваго врага, снова посылаетъ къ нему своего посла Александра Садыка съ приказаніемъ передать ему: „что стоишь въ отчинѣ брата моего великаго князя Василіа, а мою пустошишь? Ты бы пошелъ въ свою отчину и да оттоле билъ челомъ брату моему? А не пойдешь прочь, ино азъ готовъ со своимъ братомъ на тобя! А срокъ ему положилъ: недѣлю“.

Московскія лѣтописи обо всей этой дѣятельности князя Бориса также умалчиваютъ, какъ будто ея и не было, и говорятъ только о дѣятельности Василія. „Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ слова инока-Ѳомы“, замѣчаетъ г. Лихачевъ и,—совершенно кстати и правильно.

Дмитрей же Юрьевичъ продолжаетъ Ѳома, срока не ждалъ, и поспѣшно убѣжалъ, (не готовыми дорогами), захвативъ съ собою посла великаго князя Бориса, котораго впрочемъ скоро отпустилъ съ честію и съ просьбою ходатайствовать за него предъ княземъ.

Спустя немного времени, тою же зимою великіе князья послали своихъ воеводъ къ Москвѣ. Борисъ Александровичъ—воеводу Льва (Измайлова), а Василій Васильевичъ—воеводу Плещеева [2]). Съ не-

[1]) Рукопись, стр. 44.

[2]) Московскія лѣтописи говорятъ только объ одной рати московской, замѣчаетъ г. Лихачевъ. Стр. XLIII.

большимъ усиліемъ Москва была взята, намѣстникъ князя Димитрія схваченъ; отрядъ, взявшій городъ, укрѣпился въ немъ, потому что тамъ было не мало еще Дмитріевыхъ войскъ, но ни одинъ солдатъ не осмѣлился поднять рукъ противъ таковыхъ двухъ государей (но никто же смѣшаяше (sic) руки подняти противу такыхъ дву государей). Въ 30 верстахъ отъ Твери, около городка Редена [1]) князья получили вѣсть, что Шемяка бѣжалъ (показа плещи свои).

Исполнивъ свою задачу, Борису Александровичу оставалось только вернуться съ своими войсками обратно, но онъ, вѣроятно опасаясь дальнѣйшихъ осложненій, хотѣлъ проводить Василія Васильевича до самой Москвы, чтобы, такъ сказать, окончательно водворить его на отчемъ престолѣ, но Василій Васильевичъ, конечно изъ вѣжливости, просилъ его больше небезпокоиться. Борисъ Александровичъ оставилъ Василія Васильевича, однако далъ ему двухъ лучшихъ своихъ воеводъ (сильныхъ своихъ и крѣпчайшихъ) Бориса и Семена Захарьевичей [2]) съ войскомъ, чтобы дальше преслѣдовать Шемяку.

„Той же зимы пріиде князь Василей со Тфѣри на Москву и седе на великое княженіе Владимерское поможеніемъ и любовію брата своего великаго князя Бориса“—заключаетъ свою рѣчь Ѳома объ этихъ событіяхъ.

Этимъ, однако, злоключенія Московскаго князя Василія не кончились. Событія показали, что Василій Васильевичъ поспѣшилъ разстаться съ Тверскимъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: „за Л поприщь до градака зовомаго Редена“. Въ 30 верстахъ отъ Твери по дорогѣ къ Москвѣ находится мѣстечко Рѣдькино, которое, судя по разстоянію и мѣстоположенію, вѣроятно и есть Реденъ инока Ѳомы. У г. Виноградова—село Родня, Зубцовскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Твери, что̀ далеко не подходитъ къ тексту. Твер. Епар. Вѣдомости. 1908 г. № 31, стр. 31.

[2]) Бороздиныхъ, по справкѣ г. Лихачева, Предисловіе, стр. XLVI.

княземъ Борисомъ Александровичемъ. Василій Васильевичъ не могъ взять Углича, въ которомъ заперся Димитрій Юрьевичъ и великій князь Московскій вынужденъ былъ снова просить помощи у Тверскаго князя. Послѣдній прислалъ къ нему лучшаго своего артиллериста Микулу Кречетникова, съ помощію котораго и взятъ былъ городъ Угличъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

Обо всѣхъ этихъ подробностяхъ московскія лѣтописи также умалчиваютъ: о помощи Бориса Александровича Василію Васильевичу подъ Угличемъ, о выдающемся искусствѣ Тверского артиллериста, и о храбрости Тверитянъ они не говорятъ ни слова... Приходится снова сказать: тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ повѣствованіе Ѳомы! Въ виду такого значенія словъ инока Ѳомы, мы считаемъ своимъ долгомъ привести ихъ здѣсь буквально. Московскій князь, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми двумя лучшими Тверскими воеводами „преидоша малыми днями и пріидоша подъ градъ, прежреченный Углече, и гражане же не восхотѣша града отворити. Князь же великій Василій посла къ великому князю Борису, а рекый: безъ тебѣ брате и малый градъ не отворится мнѣ. Князь же великій Борисъ посла къ нему своего сына боярскаго и съ нимъ пушечника съ пушками именемъ Микулу Кречетникова. Таковъ бѣяше той мастеръ, яко и среди нѣмецъ необрѣсти такова. И егда же привезоша пушки, тогда воеводы великаго князя Бориса Александровича Борисъ, да Семенъ, яко добріи и храбріи воини служаху государю своему великому князю Борису Александровичу. И начаша вооружатися въ мѣстныя браня, а пушки жъ поставиша подъ самымъ градомъ и повелѣша бити. А сами начаша приступати, яко всѣмъ Москвичамъ

дивитися храборьству ихъ и дерзности ихъ, и великому ихъ умѣнью! И гражане видѣвше дерзность сыновъ Тферскихъ и великаго князя Василія крѣпость, убояшася и градъ отвориша. И князь великій Василій ничто жъ зла граду тому не сотвориша, и омири ихъ, и занялъ градъ“ [1]).

Нельзя не обратить вниманія въ этомъ мѣстѣ на то обстоятельство, что Ѳома, хваля храбрость и умѣлость Тверитянъ, не забываетъ въ тоже время сказать хорошее слово и о Московскомъ князѣ (видѣвше крѣпость князя Василія, ничтожъ зла граду тому не сотвориша), что указываетъ на чуждую ревниваго недружелюбія правдивость его, проявляющуюся во всѣхъ частяхъ его повѣствованія. Имя же знаменитаго Тверского артиллериста того времени Микулы Кречетникова, о которомъ доселѣ никто не слыхивалъ, сдѣлается безсмертнымъ въ лѣтописяхъ Тверской исторіи.

Затѣмъ князь Василій Васильевичъ съ Тверскими воеводами Борисомъ и Семеномъ Захарьевичами Бороздиными двинулись далѣе, къ Ярославлю, преслѣдуя врага своего князя Димитрія. Но тутъ инокъ Ѳома прерываетъ свой разказъ о дѣлахъ Московскаго князя и обращается снова къ дѣятельности Тверского князя Бориса А-ча. Причину этого нужно понимать такъ, что съ этого момента прерывается совмѣстная дѣятельность князей. Василій Васильевичъ будетъ дѣйствовать у себя въ Москвѣ, какъ ему угодно, пользуясь совѣтомъ и силами двухъ воеводъ, которыхъ оставилъ ему Борисъ Тверской, а послѣдній—у себя дома.

---

[1]) Въ подлинникѣ вмѣсто „занялъ“ стоитъ „осади“ вѣроятно по ошибкѣ, а можетъ быть и „осади“, тогда тоже значило. Рукоп. стр. 46.

4. Рѣчь объ окраинной политикѣ Бориса Александровича начинается у Ѳомы съ разсказа о взятіи Борисомъ Александровичемъ г. Ржева, подареннаго ему княземъ Василіемъ Васильевичемъ, по словамъ Тверской лѣтописи, въ благодарность за оказанную ему помощь подъ Угличемъ [1]). Ѳома же объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ почему-то умалчиваетъ, и говоритъ только просто о движеніи Тверского князя подъ Ржевъ. Но указаніе Тверской лѣтописи ни сколько не противорѣчитъ общему ходу дѣла; на оборотъ оно служитъ ему хорошимъ дополненіемъ и поясненіемъ.

Въ Тверской лѣтописи объ этомъ походѣ записано очень немного: „въ лѣто 6954—(1446) князь великій Василей оттолѣ пошолъ на свою отчину на Москву, а князю великому Борису Александровичу далъ Ржеву. И князь великій Борисъ Александровичъ послалъ къ Ржевѣ, а Ржевичи въ городѣ ся затворили; и князь великій Борисъ Александровичъ самъ пришелъ ратію ко Ржевѣ и стоялъ подъ городомъ 3 недѣли, да городъ пушками билъ и (о)нѣ ся ему предали и (до)били ему челомъ, и князь великій Борисъ Александровичъ Тверскый пожаловалъ, и городъ Ржеву взялъ, да посадилъ своихъ намѣстниковъ Василія Константиновича да Лва Измайлова; взялъ Ржеву тогды о великомъ заговѣніи“ [2]).

Ѳома же пишетъ объ этомъ гораздо пространнѣе. „Тоя же зимы... (въ 6954—1446 г. [3]) государь нашъ князь великій Борисъ Александровичъ... восхотѣ пойти ко граду Ржевѣ, и бысть тако. И посла прежъ се-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 493.

[2]) Тамъ же.

[3]) Годъ этотъ непосредственно не данъ у Ѳомы, но онъ выводится изъ предыдущаго, поставленнаго у него на 41 стр. его рукописи. Здѣсь стоитъ ҂ѕ҃цн҃д, за тѣмъ 7 разъ повторяется выраженіе: „той же зимы“, т. е. слѣдуетъ разумѣть тотъ же годъ.

бѣ своихъ воеводъ князя Дмитрея Федоровича да Григорія Никитича [1]); гражане жъ Ржавичени нетолько [2]) не восхотѣша отворити (воротъ), но и еще жъ показующе мужество свое: выхожаху изъ града и біахуся съ воеводами великаго князя Бориса. И воеводы жъ великаго князя овихъ [3]) біаху, а иныхъ руками имааху и присылаху къ великому князю Борису Александровичу, а веля ему самому государю подступати подъ градъ, понеже князь великій Борисъ не восхотѣ самъ пойти подъ той малъ градъ. Но градокъ той, аще ли малъ, но твердъ, и велми приправы градскые на немъ вельми много. Князь же великій Борисъ Александровичь восхотѣ на свою утѣху поехати, ниж [4]) есть лѣтнее обиходище, яко ж и преж во свой градъ еже зовомый Опокы [5]). Предстоящу жъ

[1]) Григорія Никитича Бороздина, брата Ивана Жито, по справкѣ г. Лихачева. Стр. XLVI.

[2]) Въ подлинникѣ вм. „не только“ стоитъ: „како же“.

[3]) Въ подлинникѣ поставлено: „овіи“.

[4]) Здѣсь что-то непонятное: или пропускъ, или порча текста.

[5]) Чтобы понять послѣднее выраженіе, нужно объяснить, что такое былъ городъ Опоки въ отношеніи къ городу Ржеву. „Уже съ XIV вѣка, говоритъ мѣстный изслѣдователь Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ, Ржевъ лишился туземныхъ князей и сдѣлался предметомъ спора между Тверью, Литвой и Москвой. Тверскимъ князьямъ онъ былъ всего нужнѣе; на бѣду они—то и были самые слабые изъ соперниковъ. Потому, хотя по временамъ имъ и удавалось овладѣть городомъ, но удержать его на долго они не могли и, наконецъ, принуждены были отступиться отъ него въ пользу Москвы. Но, не имѣя возможности удержать самый городъ, они старались, по крайней мѣрѣ, отрѣзать, что было можно, отъ княжества. Они захватывали волость за волостью, пока не подошли, наконецъ, къ самымъ стѣнамъ. Не имѣя возможности укрѣпиться въ настоящемъ Ржевѣ, они, наконецъ, выстроили свой Тверской Ржевъ, т. е. городъ Опоки, стоявшій, какъ извѣстно, въ самомъ ничтожномъ разстояніи отъ Ржева“. (О Зубцовскихъ и Ржевскихъ переписныхъ книгахъ, какъ источникѣ къ изученію мѣстной исторіи. Тверь. 1891. Стр. 1—2). Этотъ городъ Опоки, былъ построенъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ въ 1403 году (Карамз. И. Г. С. Т. V пр. 254), а теперь—деревня на лѣвомъ берегу р. Волги, въ двухъ верстахъ отъ г. Ржева, и занимаетъ, какъ и Ржевъ, возвышенное мѣстоположеніе, вполнѣ пригодное и для возведенія укрѣпленій, и какъ военный наблюдательный постъ по отношенію къ Ржеву. Названіе же его Ѳомою „лѣтнимъ обиходищемъ“ могло означать то, что эта мѣстность служила дачнымъ, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Тверскихъ князей.

ему близъ того града прежреченаго Ржевы, яко бысть зрѣимо, посла ко Ржевичемъ своего болярина Констянтина Констянтиновича, а веля имъ градъ отворити, а рекый: прадѣдина есть наша, а коими се было дѣлы досягли были наши братіа великіе князи Московскіе, а нынѣча милостію Божіею нашего ся намъ отступаютъ. Но вы на кого держите градъ сій? Они же смердове, аки аспиды глухіи затыкающе уша своя и нехотяаше слушати речей государевыхъ, но наипаче градъ постраиваше и себя укрѣпляаше, и начаше посады зажигати сами. И слышавъ же сіе князь великій Борисъ Александровичъ посла своихъ воеводъ Данила Грігоріевича, да Карпа Феодоровича [1]) и иныхъ многы воеводъ, а веля имъ гасити посады, а гражаномъ претити. И они жъ пришедъ сташа подъ градомъ, и к тому ж не смѣяше никто из града исходити.

А на утріе же князь великій Борисъ въсхотѣ посмотрити града и поехалъ въ малѣ подъ градъ, а мня ся утаити, дабы не познанъ былъ гражаны того града. И поехааше въ тайнѣ. И егда же таяшесь и тогда наипаче являемъ бываше, яко денница предъ солнцемъ или яко заря предъ свѣтомъ. И мнози бо чѣловѣци, видѣвъ государя овіи въ борзе совгоняхутъ противу его, а иніи съ коней метахусь, и елма ихъ отриваше, той болма ихъ пребываше. [2]) Князь же великій Борисъ Александровичъ яко солнце святящесь посреди всѣхъ человѣкъ, по неже бо и писано есть: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, такожъ и сей славный государь великій князь Борисъ Александровичъ не можетъ утаитись въ такой велицей силѣ, но яко жъ луна

---

[1]) Родоначальникъ Карповыхъ-Долматовыхъ, по справкѣ г. Лихачева. Придисловіе, стр. XLVII.

[2]) Туманное мѣсто у Ѳомы: частичный переводъ его (см. стр. 29) сдѣланъ нами только по догадкѣ, предположительно, и мы не ручаемся за его правильность.

въ нощи, тако и онъ свѣтяся посреди всѣхъ человѣкъ. И озрѣвъ той градъ, (возвратися въ) прежреченый Опокы [1]).

На утрій же день въ понеделничной, выступи князь великій Борисъ Александровичъ самъ и съ нимъ князей и боляръ множество и поиде ко граду Ржеве. Но тольми бо видѣти дивно, якожъ всѣмъ человѣкомъ дивитися премудрости и храбрости славнаго того государя, како уставляше полкы, яко же бысть у кого много [2]) учився такой хитрости, но немощи навыкнути. Тако великій князь Борисъ розряди полкы! И видѣти гражаномъ, якоже бысть нѣкая великая рѣка ліющися и аки [3]) море колыблющеся, и такъ блещахуся, яко нѣкіи свѣтилници горяще издалеча зрѣти. И бысть гроза силна, како исполчищася ко граду. И бысть дивъству достойно зрѣніе, таци бо суть храбріи у великого князя Бориса А.: овѣхъ [4]) двѣ или три за единою дскою вратною подъ градъ пріидоша, а иныи за щиты полны до самы стены прискакааху. Съ града же біаху овіи пушками, а иніи пращами, а друзіи каменіе метааху, а овіи стрѣлами, якоже дождемъ пущаху. Но милостію Божіею ничимъ же невреженѣ вои великого князя Бориса Александровича. Наутрій же день суботный повелѣ князь великій Борисъ пушками бить градъ и тол бо грозно, яко же отъ великого того грому многымъ человѣкомъ падати, а иніи начаша туры рядити и пове-

---

[1]) Слова въ скобкахъ вставлены нами, потому что очевидно, что они пропущены здѣсь: рѣчь идетъ о рекогносцировкѣ Ржева, сдѣланной Борисомъ А. изъ Опокъ, куда онъ и вернулся по окончаніи ея.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ: „комоу ногот". Г. Лихачевъ въ примѣчаніи говоритъ: не надо ли читать: „много" или „отъ ноготъ"? Мы не понимаемъ послѣдней поправки и думаемъ, что лучше читать: „у кого много" учився „такой" хитрости. (Въ подлинникѣ опять неправильно написано: „тако", вм. „такой"). Мысль повидимому та, что Борисъ А. искуснѣе и тѣхъ, которые много учились военному искусству, но не выучились.

[3]) Въ подлинникѣ стоитъ ошибочно: „пакы".

[4]) Не слѣдуетъ-ли читать: овіи?

зоша подъ градъ, а иніи воду отъаша у града. И бысть туга во градѣ не мала; но и толь бо дивно видѣти, яко же и [1]) градъ содѣла турами противу града и пушкы поставиша. И Ржевичи жъ видѣвъше храбрость и умѣніе великаго князя Бориса Александровича и дерзость сыновъ Тфѣрскыхъ и убояшася, и начаша присылати и бити челомъ славному государю великому князю Борису Александровичу, дабы сотворилъ милость надъ градомъ. И князь же великій Борисъ обѣщался помиловаті ихъ. Вои же великаго князя Бориса глаголюще: повели намъ приступати ко граду, да предадимъ мы градъ огню. Князь же великій не повели прошенію ихъ быти, но хотяаше милость сотворити на градѣ. Вои же великаго князя Бориса устраивахуся ко граду; гражане жъ беспрестани присылаху и біючи челомъ великому князю Борису Александровичу, дабы ихъ помиловалъ. И князь великій Борисъ пожаловалъ ихъ и сотвори надъ ними милость, и гражане жъ с радостію отвориша градъ въ той же день, въ который день приступилъ князь великій Б. А. подъ градъ и в той день и отвориша [2]). Князь же великій Борисъ не восхотѣ выехати во градъ того дни, но поехалъ во свой градъ прежреченый Опокы" [3]).

[1]) Не слѣдуетъ ли читать вмѣсто „яко же и" „яко бы"?

[2]) Мы понимаемъ послѣднее выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ржевичи отворили свой городъ въ день окончательнаго штурма, произведеннаго на него Борисомъ Александровичемъ, потому что по Тверской лѣтописи вся осада Ржева продолжалась 3 недѣли. Понимать дѣло такъ, что будто бы осада продолжалась всего только одинъ день—на что какъ будто указываетъ послѣднее выраженіе Ѳомы—очевидно невозможно, потому что у самого же у него есть указаніе, что она была гораздо продолжительнѣе. Именно: осада началась въ воскресенье, затѣмъ упоминается понедѣльничный день, а затѣмъ субботній, итакъ: недѣля уже есть на лицо. Остальное время до 3-хъ недѣль вѣроятно ушло на различныя приготовленія къ осадѣ, какъ-то подвозъ и установка пушекъ, устройство туръ и пр. Все недоумѣніе, намъ думается, заключается въ томъ, что послѣднее выраженіе Ѳомы не совсѣмъ точно.

[3]) Рукопись. Стр. 47—50.

Здѣсь явился къ нему отъ Литовскаго князя Казиміра посолъ Даукша (Давъкши) съ великими дарами изъ дорогихъ камокъ, золотыхъ сосудовъ, оружія и коней борзыхъ и иноходыхъ. Борисъ А—чъ велѣлъ окружающимъ его лицамъ все это принять, а самъ не бралъ; когда же ему посолъ подалъ мечъ, то онъ велѣлъ сказать королю Казиміру: мечемъ онъ непокорныхъ казнитъ, а покорнымъ воздастъ честь— и послѣ сего взялъ мечъ. Ржевичи видѣли это и удивлялись храбрости князя.

Во Ржевъ князь отправился въ воскресенье. „И полѣтѣ якожъ высокопарній орелъ на ловъ свой. И Ржевичи жъ срѣтоша его на полѣ, і архимандриты ж и игумены, и попове и прочіе людіе вси града того срѣтоша со кресты великаго князя Бориса Александровича. И бысть радость велика во градѣ томъ, яко дарова имъ Богъ государя и пастыря и истиннаго Христолюбьца и защитника земли ихъ. Князь же великій Борисъ слушавъ божественныи литоргіи въ храми Пречистыя Богородици, и оттолѣ поиде на свой дворъ, позвавъ пировати князей и воеводъ и ту [1]) земцевъ сущихъ, и подаде имъ честь великую, и пребысть во градѣ томъ два дни, а на третей день поѣхалъ во своясі“ [2]).

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ: тъ", съ какимъ-то надстрочнымъ знакомъ вродѣ верхнихъ ковычекъ, что повидимому слѣдуетъ читать: „той“, или „тотъ“. Напримѣръ, во фразѣ: „тъ паче безсловеснаго скота“, „тъ“ сладцѣ отдаю долгъ“ (рук. стр. 18), или: „тъ“ градъ запустившій... (стр. 26). Здѣсь мы, судя по смыслу, предположительно читаемъ: „ту“ т. е. тамъ. Въ такомъ же смыслѣ употребляется у инока Ѳомы слово: „съ“=сей. Напр. „съ бо ест земъли вашей честь“. (Рукоп. стр. 18).

[2]) Рукопись, стр. 51. Этотъ походъ подъ Ржевъ и взятіе его Борисомъ Александровичемъ мы относимъ согласно съ указаніемъ инока Ѳомы и съ Тверскою лѣтописью къ 1446 году, причемъ расходимся съ мнѣніемъ г. Виноградова, относящаго его къ 1447 году. См. Твер. Епар. Вѣд. 1908 г. № 33. Стр. 38.—Не къ этому ли походу относится выраженіе инока Ѳомы: „и иная власти, непокаряющаяся ему, покорна сотвори“, оставшееся у насъ выше неразъясненнымъ? Стр. 74.

Взятіе г. Ржева, пограничнаго съ сосѣдними Польско-Литовскими владѣніями, конечно не могло пройти для Тверского князя совершенно гладко и безнаказанно, потому что Польско-Литовкіе князья считали себя имѣющими столько же правъ на обладаніе этимъ городомъ, какъ и Тверской князь. И вотъ уже съ слѣдующаго 1448 года начинаются набѣги въ сторону Ржева сначала отдѣльныхъ, незначительныхъ князьковъ, а потомъ и самаго Казиміра, короля Великопольскаго и великаго князя Литовскаго, какъ величаетъ его инокъ Ѳома.

Рѣчь объ этихъ событіяхъ изложена у Ѳомы болѣе или менѣе шероховато, не ровно, не одинаково подробно въ различныхъ мѣстахъ, и даже съ повтореніями. Объясненія этого обстоятельства можно искать или въ томъ, что занятый описаніемъ, какъ это изъ всего видно, болѣе интересовавшихъ его московскихъ событій, и видной роли, которую въ нихъ игралъ Борисъ Александровичъ, онъ, такъ сказать, опустилъ изъ виду достаточно сосредоточить свое вниманіе и на другихъ, менѣе важныхъ событіяхъ, можетъ быть менѣе его интересовавшихъ,—почему, болѣе важные моменты изъ этихъ событій описаны имъ подробно, со свойственными ему риторическими украшеніями, другіе же—второстепенные—кратко и сухо, чисто лѣтописнымъ языкомъ,- или въ томъ, что эти событія были неудовлетворительно записаны въ „Лѣтописцѣ княженія Тферскаго“, и онъ почему-либо не имѣлъ возможности провѣрить и исправить ихъ. Однако общій ходъ ихъ можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ.

Первое нападеніе на Ржевъ, послѣ его взятія Борисомъ Александровичемъ въ 1446 году, было сдѣлано со стороны какого-то князька по имени Яро-

славки, воеводы князя Ивана Бѣльскаго. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Ѳома: „въ лѣто 6956 (т. е. въ 1448 году), пріиде Литва, нѣкто воевода, именемъ Ярославко, князя Ивана Бѣльскаго, и засѣде Ржеву крамолою и совѣтомъ Ржевскимъ. И того же лѣта послалъ князь великій Борисъ свою силу ко Ржевѣ и онѣжъ стоаше и волости повоевали, а града не взяша и отступиша“ [1]).

Чтобы понять это извѣстіе, нужно сравнить его съ тѣмъ, которое записано въ Тверской лѣтописи. Здѣсь читаемъ: „въ лѣто 6955, (т. е. въ 1447 году), князь великій Борисъ Александровичъ Тверскый на другую зиму ихалъ съ княгинею въ Ржеву, а Ляхъ Станиславъ его изгонилъ, да намѣстниковъ его изымалъ Льва Измайлова, да людей много Тверичь поималъ, да Ржеву городъ засѣлъ; а князь великій Борисъ Александровичъ со княгинею убѣжалъ въ Опоки. А изгонилъ тогда въ недѣлю, до обѣда, въ заговѣнье мясное“ [2]).

Ясно, что рѣчь идетъ о новомъ походѣ Бориса Александровича на Ржевъ, потому что здѣсь прямо говорится, что походъ былъ предпринятъ имъ *на другую зиму*. Походъ этотъ, на этотъ разъ, окончился неудачно: намѣстники его были захвачены, многіе Тверичи пойманы и самъ князь долженъ былъ бѣжать и укрыться въ свою крѣпость Опоки. Затѣмъ есть еще разница между обоими текстами въ именахъ и хронологіи.

Въ „Словѣ“ лицо, завладѣвшее Ржевомъ, называется воеводою князя Бѣльскаго Ярославкомъ, а въ Тверской лѣтописи Ляхомъ Станиславомъ. Помирить эту разницу повидимому не трудно предположеніемъ,

---

[1]) Рукопись. Стр. 52.

[2]) П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 494.

что оба эти лица участвовали въ овладѣніи Ржевомъ, но въ „Словѣ“ названо только то, которое было извѣстно Ѳомѣ, въ Тверской же лѣтописи то, которое было извѣстно, или названо, въ той редакціи „Лѣтописца княженія Тферскаго“, которая была подъ руками у Ростовскаго жителя. Допущеніемъ такого предположенія мы и избѣгнемъ кажущагося противорѣчія двухъ извѣстій. Доказательство же возможности такого предположенія встрѣчаемъ тутъ же въ Тверской лѣтописи. Такъ, подъ 6954 годомъ, т. е. въ первый походъ Бориса Александровича подъ Ржевъ, сдѣланный годомъ раньше разсматриваемаго набѣга, въ числѣ намѣстниковъ его, поставленныхъ во Ржевѣ, названы два лица: Левъ Измайловъ и Василій Константиновичъ, а въ настоящемъ 6955 г., въ числѣ „изымянныхъ“ намѣстниковъ упомянутъ только одинъ Левъ Измайловъ. Другой, значитъ, просто не упомянутъ во второмъ извѣстіи. Такимъ образомъ получается вѣроятность думать, что текстъ Тверской лѣтописи подъ 6955 г. и „Слова“ подъ 6956 г. говорятъ объ одномъ и томъ же событіи, именно о нападеніи Литовцевъ на Ржевъ уже послѣ того, какъ годъ тому назадъ онъ былъ взятъ Борисомъ Александровичемъ, только оно въ нихъ редактировано съ различною полнотою.

Что же касается хронологической разницы, то въ отношеніи ея мы желали-бы придать цѣну слѣдующимъ словамъ изслѣдователя Тверской лѣтописи г-на Тихомірова: „извѣстія Тверской лѣтописи за время княженія Бориса Александровича принадлежатъ современнику и отличаются точными хронологическими опредѣленіями“ [1]). Инокъ Ѳома тоже современникъ, но онъ, какъ мы выше уже говорили,

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 12. Стр. 299.

въ значительной степени ораторъ и поэтъ, и къ хронологическимъ даннымъ относится вездѣ, какъ къ дѣлу второстепенному, такъ что показаніе его быть можетъ нужно считать менѣе уважительнымъ. Вообще же, мы здѣсь должны повторить высказанную нами въ началѣ нашего изслѣдованія (на стр. 22 и 23) мысль, что хронологія нашего памятника—вопросъ, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія [1]).

Затѣмъ, уже въ 1449 году, выступаетъ противъ Бориса Александровича самъ король Великопольскій и великій князь Литовскій Казиміръ. Причиною похода, если судить по сохранившемуся до насъ мирному договору, могъ быть споръ изъ за права отъѣзда служебныхъ князей, которые въ этомъ договорѣ впервые такъ называются. Въ этомъ договорѣ читаемъ (онъ написанъ отъ имени Бориса Александровича): „если кто изъ братьи моей молодшей и князей служебныхъ отъѣдетъ къ тебѣ королю Польскому и великому князю Литовскому, тотъ отчины своей лишенъ, а мнѣ великому князю невступаться; если кто изъ князей служебныхъ отъѣдетъ отъ тебя короля Польскаго и великаго князя Литовскаго ко мнѣ къ великому князю Борису, тотъ отчины своей лишенъ, а тебѣ королю и великому князю не вступаться; а боярамъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля“ [2]).

Ближайшимъ же образомъ поводомъ къ походу было, конечно, недавнее взятіе Борисомъ Александровичемъ города Ржева. Разсказъ объ этомъ походѣ

---

[1]) Здѣсь мы также должны констатировать наше различіе во взглядѣ на этотъ второй походъ, а также и на значеніе свидѣтельства Ѳомы со взглядомъ г. Виноградова. По мнѣнію послѣдняго „идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же съ описаннымъ въ Словѣ событіи; только въ 6955 г. не могло произойти того, о чемъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ Тверская лѣтопись: казалось бы, что авторъ Слова, какъ современникъ князя Бориса и близкій къ нему человѣкъ, заслуживаетъ большаго довѣрія“. Твер. Еп. Вѣд. 1908 г. № 33, стр. 40.

[2]) А. З. Р. № 51. Мухановъ № 8. Борзаковскій, стр. 198.

слитъ у инока Ѳомы съ описаніемъ страшнаго пожара, истребившаго Тверь въ 1449 году. На оба эти событія авторъ смотритъ съ церковной точки зрѣнія, какъ на попущеніе Божіе, посылаемое на праведныхъ и неправедныхъ для ихъ испытанія и исправленія, и потому оба разсказа сопровождены обычнымъ риторическимъ вступленіемъ и послѣсловіемъ на подходящія религіозно-нравственныя темы. Съ риторическимъ стилемъ автора мы уже достаточно знакомы изъ предыдущаго изложенія; описаніе же пожара не представляетъ, на нашъ взглядъ, ничего выдающагося и заслуживающаго вниманія, а потому мы его пропустимъ и прямо перейдемъ къ описанію другого бѣдствія—набѣга Казиміра.

„По скорбній же дній тѣхъ, говоритъ Ѳома, минувшимъ днемъ двѣма или тремя пріиде вѣсть таковая, яко же не хотѣхомъ и слышати, что король Великопольскій и Краковскій и великій князь Литовъскій Казиміръ со всѣми силами, еще же и многыхъ земль с нимъ люді, идетъ на домъ Святого Спаса и на великого князя Бориса Александровича. Тогда бо сущу в Новѣгородѣ недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею зовому Шемяцѣ. И в таіа же времена той хотяаше нѣгдѣ украину взяти великого князя Бориса Александровича, но бяше бо та земъля многонародна. И егъда же сіе слышавше людіе—невеселыіа тѣіа вѣсти—и они бо во иныя грады помышляіаху ити, а иніи на бѣгъство готовляхуся. И прихожаху къ великому князю Борису Александровичю и помышляіаху ему, дабы въ инъ градъ шелъ, и глаголюще ему: есть обычай многымъ государемъ, егда же какому пожару бывшю, тогда во иныи грады преходятъ и пребываютъ. И нынѣ на тебе толикіа и великіа силы подвигнушася,

и ты же здѣсе хощеши пребыти без града. Князь же великій Борисъ ни слышати того не хотяше, но рекы: не буди мнѣ тако, что же оставя ми домъ Святого Спаса, да поити во иный градъ! И кую хвалу азъ пріобрящу?... Не буди мнѣ въ градѣ сидѣти, а людемъ моимъ въ пленъ веденнымъ быти; вы же себѣ сотворите градъ. И азъ же вамъ оставлю святителя и свою княгиню, а самъ сяду на конь, но еже хощетъ Богъ, той сотворитъ.

И нача вооружатися. И посла по всѣ свои князи и боляре. Еще же посла по брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андреевича [1]). И той къ нему пріиде въборзѣ со многыми людми. Слышавъ же сіе король Литовскій Казиміръ, яко же грядетъ къ нему великій князь Борисъ въ сретеніе нѣ боящеся кознѣй его, ни лаяніа, но хотяй гордыню его попрати милостію (Божіею) и пречистыя (Его) Матере молитвами. Король же повели воеводамъ своимъ порубежнымъ с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати и воеводы же великого князя Бориса с воеводами Литовскыми начаша миръ соеждати. И доиде слово то до великаго князя Бориса, яко же воеводы Литовскіе со его воеводами миру хотяше. Онъ же не токмо повели воеводамъ миръ взяти межи себя, но еще и х королю посла свои послы. Король же с великою радостію миръ взя. И разидошася кыждо во свояси милостію Божіею

[1]) Въ другомъ мѣстѣ у инока Ѳомы названа и фамилія этого князя: это—князь Иванъ Андреевичъ Можайскій. Вотъ это мѣсто, несомнѣнно относящееся къ этому же походу: „и той же осени король Великопольскій и великій князь Литовскій Казиміръ собра вои свои многи и восхотѣ поити ко Тфери на великаго князя Бориса. И слышавъ же сіе князь великій Борисъ поиде противу и собра своя силы многы. И аще же пріиде къ нему на помощь князь Іванъ Ондрѣевичъ Можайскій. И слышавъ же сіе король, яко князь великій Борисъ грядетъ противу со многою силою и начаста межи себя послы ссылати и въ той часъ взяста межи себе миръ и возвратишася коиждо во свояси“. Рукопись, стр. 52.

и молитвами пречистыя Богоматери и здравіемъ государя нашего великаго князя Бориса Александровича.

Соблюдена бысть Тфѣрская земля отъ нахоженіа онихъ! Мы же сице возопіемъ: о великій уме!... Радуйся... иже оніи волкы отгнавъ ни оружіемъ, ни стрѣлами, но великимъ своимъ разумомъ!“ [1]).

Окончаніе же похода выражено у инока Ѳомы въ слѣдующихъ словахъ: „а Ржевы отступися король великому князю Борису въ лѣто 6957 (1449). Князь великій Борисъ посла свои намѣстники опять наРжеву“ [2]).

Отношенія Твери къ Новгороду, другой своей окраинѣ, очерчиваются у инока Ѳомы болѣе, чѣмъ кратко. Въ лѣтописной части его „Слова“ мы находимъ объ этомъ всего нѣсколько слѣдующихъ строкъ: „той же зимы (т. е. 1446 г.) пріидоша посли отъ великаго Новагорода и добиша челомъ великому князю Борису Александровичу на всей волѣ, какъ положитъ Богъ по сердцу великому князю Борису Александровичю, как и пожаловати и тако они челомъ добили и порубъ Тфѣрской весь отдаша, а что воеводы Тфѣрскіа ходив повоевали землю ихъ и что иное у них поимали—и тому всему погреб“ [3]). Какая причина таковой краткости? Мало-ли интересовался таковыми отношеніями инокъ Ѳома, мало-ли зналъ о нихъ, или описаніе ихъ по какимъ-либо причинамъ не сохранилось въ его текстѣ, [4]) отвѣ-

---

[1]) Рукопись стр. 34—37.

[2]) Рукопись, стр. 52.

[3]) Рукопись, стр. 51.

[4]) Не нужно забывать, что „Слово“ дошло до насъ безъ конца, потому о недостающихъ у Ѳомы событіяхъ можно думать, что они заключались въ этомъ недошедшемъ до насъ его окончаніи. Пользуемся случаемъ, чтобы добавить, что на этомъ же основаніи, мы сомнѣваемся въ справедливости соображеній г. Лихачева, что „Слово“ „написано несомнѣнно около 1453 года“. (Предисл. стр. LIV). Если „Слово“ не окончено, и намъ неизвѣстно, о какихъ событіяхъ Ѳома говоритъ въ концѣ его, то мы, думается, и не имѣемъ основанія утверждать, что оно написано около 1453 года.

тить довольно трудно, хотя эти отношенія всегда были для Бориса Александровича благопріятными, слѣдовательно такими, которыя могли-бы служить прекраснымъ матеріаломъ для его панегириста. Такъ, еще въ 1440 году Борисъ Александровичъ принималъ участіе въ набѣгѣ по Новгородъ совмѣстно съ Московскимъ княземъ, причемъ со стороны Тверскаго князя воеводами были Александръ Романовичъ и Карпъ Ѳеодоровичъ [1]). Въ 1444 и 1445 гг. Борисъ Александровичъ уже самостоятельно ограбилъ Новгородъ и Торжокъ, и довольно основательно, а Торжокъ даже взялъ. Здѣсь мы должны устранить одну очень грубую ошибку Карамзина, вытекающую конечно изъ общей ложной концепціи его взглядовъ на Бориса Александровича, уже опровергнутой, какъ мы выше видѣли, показаніями инока Ѳомы. На 182 страницѣ его Ист. Гос. Росс. есть слѣдующій заголовокъ: „Разбой князя Тверскаго". А въ текстѣ подъ означеннымъ заголовкомъ читаемъ: „между тѣмъ (выше разсказывалось какъ Василій Васильевичъ попался въ плѣнъ татарамъ) хищный Борисъ Александровичъ Тверскій прислалъ воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ московскихъ". Дѣло представляется такъ, какъ будто бы это было со стороны Бориса Александровича дѣломъ, спеціально направленнымъ противъ купцовъ московскихъ. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не было. Борисъ Александровичъ въ этомъ году (1445) разграбилъ многія новгородскія волости, въ томъ числѣ и новоторжскія и даже взялъ Торжокъ, причемъ конечно не было пощады не однимъ только московскимъ купцамъ, а и всякимъ. Было ограблено и увезено въ Тверь до 40 повозокъ всякаго добра, но

[1]) П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 491.

изъ нихъ съ московскими товарами было всего только 4; да и кромѣ того еще вопросъ: не принадлежали ли эти московскіе товары новоторжцу? То мѣсто Новгородской лѣтописи, на которое въ данномъ мѣстѣ ссылается Карамзинъ не даетъ ни малѣйшаго основанія говорить о насиліи, спеціально направленномъ противъ московскихъ купцовъ. Здѣсь читаемъ: „прислалъ князь Тферской Борисъ своихъ воеводъ на Торжокъ, останокъ людій разгна и пограби (а не однихъ москвичей), а иныя погуби, а иныя на окупъ прода, а животовъ и товара московскаго 4 повозокъ свезли въ Тферь, а иніи съ товаромъ потопиша въ рѣцѣ; въ Бѣжицкомъ Верху и по Заборовы осми волостей повоева въ два году“ [1]). Но главнымъ образомъ, допущенію Карамзинскаго выраженія препятствуетъ то, что ни во всей предшествовавшей, ни во всей послѣдующей дѣятельности князя Тверскаго нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе враждебныхъ отношеній его къ Московскому князю. Разсматриваемый эпизодъ — самый обыкновенный въ набѣгѣ Бориса Александровича на Новгородъ и Торжокъ въ 1445 году, имѣвшемъ цѣлію, какъ мы это доказывали въ другомъ своемъ трудѣ, просто добываніе звонкаго металла, въ которомъ чувствовалась нужда для чеканки монеты [2]). Въ 1446 году Борисъ Александровичъ предпринялъ новый побѣгъ на Новгородъ и вотъ къ этому-то вѣроятно походу и относятся вышеприведенныя части рѣчи инока Ѳомы, когда Новгородъ вынужденъ былъ вполнѣ отдаться на волю Тверского князя и заключить выгодный для послѣдняго договоръ, свѣдѣнія о которомъ мы можемъ извлечь еще и изъ сохранившейся до насъ договорной грамоты [3]).

[1]) И. Г. Р. Изд. 5. Т. V, стр. 327.
[2]) Деньги великаго княжества Тверскаго. Тверь. 1904, стр. 86.
[3]) Собраніе Госуд. Гр. и Дог. М. 1813. Т. 1. № 18.

Далѣе, у инока Ѳомы, мы находимъ разсказъ о нападеніи Дмитрія Шемяки на Тверской удѣльный городъ Кашинъ. Правда, рѣчь объ этомъ можно было-бы вести въ отдѣлѣ объ отношеніи Бориса Александровича къ подручнымъ князьямъ, какимъ былъ и Кашинскій князь, но, такъ какъ инокъ Ѳома говоритъ объ этомъ дѣлѣ именно въ этомъ мѣстѣ, руководясь вѣроятно хронологическою послѣдовательностію событій (дѣло происходило въ 1453 году), то и мы волею не волею не сочли возможнымъ говорить объ этомъ раньше. Однако есть основанія вести объ этомъ рѣчь и здѣсь, потому что причина этого нападенія теперь для насъ понятна безъ дальнихъ объясненій: причина эта—возмездіе со стороны Шемяки за помощь, оказанную Борисомъ Александровичемъ Московскому князю Василію Васильевичу и отверженіе его предложенія—дѣйствовать за одно съ нимъ противъ Московскаго князя. Другое основаніе то, что городъ Кашинъ—окраинный городъ, и слѣдовательно, дѣйствія въ защиту или противъ него принадлежатъ къ дѣйствіямъ окраинной политики, о которой у насъ рѣчь.

Городъ Кашинъ, благодаря близости къ Москвѣ, постоянно тянулъ къ послѣдней, за что и часто испытывалъ по себѣ тяжелую руку Тверскихъ князей. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, Тверской князь на нападеніе на него могъ смотрѣть какъ на покушеніе отнять у него эту свою отчину, почему волею и неволею вынужденъ былъ защищать ее. Объ этомъ нападеніи инокъ Ѳома передаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ лѣто 6961 (1453) приходи князь Дмитрей Шемяка подъ градъ Кашинъ; пріиде бо не яко есть обычай княземъ или воеводамъ мужествовати явѣ, но яко есть хищникъ, тайно пріиде и

никому ж есть вѣдущи; не бѣ бо сынъ свѣту—не ходитъ въ дне, но пріиде въ нощи, до звону заутреняго, и людемъ ж тогда всѣмъ по божественнымъ церквамъ молитву творящимъ— бяше день недѣльный. Нача ж посады зажигати. А людей же въ граде велми мало, понеж бо никому невѣдомо. А намѣстници ж тогды на Кашине были: Иванъ Яковличъ, [1]) да Константинъ Феодоровичь, да братъ его Феодоръ Феодоровичь. И начаша совѣщеватись съ тысящники земьскыми и съ боляры, ркуще в собѣ: аще ли насъ мало, но поидемъ противу ихъ! Силенъ бо есть Богъ милостію своею: аще ли восхощетъ Богъ, то и малыми великая побѣдит. Нѣсте ли слышали писаннаго: единъ тысящу побѣдитъ, а два тьму, аще ли Богъ повелитъ. И пріидоста противу. И ркуще: Гди, услыши молитву нашу..... Не на лукъ бо нашъ уповаемъ, ни оружіе соблюдае насъ, но яко ты еси самъ царь Богъ нашъ: аще ли восхощеши, та вся возможна тебѣ.... Нынѣ Гди самъ видиши князя Дмитрея церкви Божіи огневи предающаі... Аще ли бы ны врагъ пришел, рекъше Тотаринъ, претерпѣли-бы быхом от него, но сей иж единово крещеніа христіанства с нами, а дѣла татарьская творит, еж образовъ Божіихъ не пощадил, и уста его умножишася злобы... Ты ж Гди не предай ж нас до конца въ руцѣ врагу .... И въ той часъ поидоста изъ града противу ратным помощіею ж Божіею и участіемъ [2]) государя нашего великаго князя Бориса Александровича. Овѣхъ биша а овѣхъ живыхъ поимааше, а иніи язвленіи злѣ животъ свой скончаша. Князь ж Дмитрей, видѣвъ помощь Божію воеводамъ великаго князя Бориса, по-

---

[1]) По прозванію „Киньдиръ“, по Тверской лѣтописи. Стр. 495.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ: „частіюм“, что можно читать и „счастіемъ“ и „участіемъ“.

бѣж и пріиде на мѣсто, глаголемое Кіасово [1]) и восхотѣ стати отъ труда почити, но видѣ свое войско бесчислено умирающи иж сут язвленіи, не токмо ти умирающи злѣ, но еще и здравыхъ болши 500 человѣкъ отступиша отъ него, вѣдущи як надежда его обетщевает и совѣты его Богъ рассыпает и оттолѣ побѣже и никто ж его не вѣсть, гдѣ бѣ. Взыскахомъ бо его и не обрѣтохомъ мѣста его. Мнози бо глаголютъ: сей здѣ или ондѣ, но никто же не вѣсть. Но мню послѣдняя его зрит в погибель. И той ж осенѣ посла князь великій Борис за тым же князем Дмитреемъ воеводу своего князя Андрѣя Дмитреевича, да князя Михаила Дмитреевича ж, и иных многих. Они ж за ним хожаше много и не нашедше его, понеж скрыіашес в пустых и непроходимых мѣстех. И воеводы ж великаго князя Бориса пріидоша добри здрави". [2]).

Упоминаніе о набѣгѣ на Кашинъ Шемяки есть и въ Тверской лѣтописи и подъ тѣмъ же самымъ годомъ, что и у инока Ѳомы, но оно здѣсъ занимаетъ всего нѣсколько строкъ. „Въ лѣто 6961. Князь Дмитрій Юріевичь Шемяка пришелъ на Кашинъ городъ изагономъ, города не взяль, а посади пожегль, мѣсяца септевра въ 10; а намѣстникъ былъ и боярин на Кашинѣ Ивань Яковличь Киньдиръ". [3])

Наконецъ, къ числу историческихъ фактовъ, занесенныхъ Ѳомою въ свое „Слово", относится болѣе полное, чѣмъ въ Тверской лѣтописи описаніе вторичной женитьбы Бориса Александровича и, совершенно неизвѣстное изъ другихъ лѣтописей, описаніе посольства къ Борису Александровичу Гератскаго хана Шахруха. Разсказы объ этихъ событіяхъ мы находили

---

[1]) Нынѣ „Кесова гора", въ 28 верстахъ къ С. З. отъ Кашина.
[2]) Рукопись, стр. 53—54.
[3]) П. С. Р. Л. Т. XV. стр. 495.

затруднительнымъ помѣстить въ которомъ либо изъ предыдущихъ отдѣловъ, и потому приводимъ ихъ здѣсь, въ видѣ заключенія къ разсмотрѣнію нашего памятника, какъ историческаго источника.

Вторичная женитьба Бориса Александровича на дочери Суздальскаго князя Настасьѣ Александровнѣ произошла въ 1453 году и разсказана въ Тверской лѣтописи слѣдующимъ образомъ: „той же зыми (6961) князь великій Борисъ Александровичь Тверскый женися у князя у Суздалскаго Олександра, понялъ княиню Настасію". [1]) А у Ѳомы читаемъ: „Той ж осенѣ послал князь великій Борис посла своего Ивана Давыдовича в Суздаль обручати за себя княжну дщерь княжу Александрову Суздальскаго. Той ж зимы за недѣлю до мяснаго заговѣніа приведена быст княжна Настасіа за великого князя Бориса. И вѣнча их Иліа владыка Тфѣрскій въ Святомъ Спасѣ, и народу ж ту сущи многу — не токмо ихъ церкви не мѣстити, но ні граду. И быст радость и веселіе веліе, не токмо (въ той день), но и на многы дни". [2])

Борисъ Александровичъ имѣлъ связи и съ далекими восточными ханствами. Такъ, инокомъ Ѳомою записанъ доселѣ неизвѣстный фактъ о бывшемъ къ нему посольствѣ отъ Гератскаго хана Шахруха (1377—1447), сына и преемника Тимура (Тамерлана). „Тверской князь, замѣчаетъ г. Лихачевъ, у котораго мы беремъ только что приведенное изъясненіе значенія имени Шахруха, дѣйствительно могъ гордиться этимъ посольствомъ изъ далекаго и могущественнаго государства". [3]) Текстъ инока Ѳомы объ этомъ посольствѣ слѣдующій: „и отъ всѣхъ же земль прихо-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Рукопись, стр. 55.
[3]) Предисловіе. Стр. XXXVI.

жааху к нему, и великія дары приношааху к нему: ово отъ царствующихъ мѣстъ, ово отъ Рима, и не токмо же отъ вѣрныхъ царей честь велику и дарове пріимааху, но и отъ невѣрныхъ царей. Но не от инѣхъ слышахъ сіа, но самовидѣць есми тому. Ино еже (?) пріидоста послѣ (?) отъ далекіа земли отъ Шаврукова царьства и ихъ же нѣст просто слыхано въ нашей земли; такое бо имя тои (тъ) Ордѣ, понеже бо неудобь входима нашими устами за долгость пути. И принесоша къ великому князю Борису Александровичю многыя дары, камъкы драгия и отласы чюдныя. Но азъ же есмь грубый невѣжа не доидох тамо, ідѣже мі ихъ было числе видѣти, и токмо видѣхъ многы бремена носима человѣки. Овіи глаголютъ двадевят камок, а иніи же глаголютъ тридевятъ (т. е.); но невидѣ числа, но токъмо видѣ много; но еще же иныя многы дары княземъ и боляромъ даша. Князь же великій Борисъ честь великую подаваше имъ противу, но не токмо за дары, но и за великіа труды ихъ, понеже бо отъ тол далекіа земли (и съ) стольми многыми дарми (пріидоша); и идоша бо 9 мць отъ своея си земли до великого князя Бориса Александровича". [1])

Посольство это—важное подтвержденіе того вліянія и значенія, какими пользовалось въ политическомъ мірѣ Тверское княжество въ эпоху управленія имъ Бориса Александровича, и Ѳома, слѣдовательно, не преувеличивая говорилъ, что „имя его славилось отъ Востока и до Запада, рку же и до Рима". И дѣйствительно, трудно предположить какія-бы то ни было другія причины, почему это Гератскій ханъ, минуя Москву, направился именно въ Тверь?!

[1]) Рукопись, стр. 37—38.

IV.

Теперь мы переходимъ къ литературному значенію памятника, и будемъ очень кратки, потому что существенныя, относящіяся сюда данныя, уже достаточно выяснились изъ приведенныхъ выше, многочисленныхъ изъ него выдержекъ.

Но предварительно считаемъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ: къ какому роду или типу литературныхъ произведеній XV вѣка нужно относить нашъ памятникъ? Предъ нашими глазами не „житіе“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ трактуетъ этотъ родъ произведеній нашей древней письменности проф. Ключевскій, допуская, что таковыя писались и по отношенію къ свѣтскимъ лицамъ, [1]) потому что тутъ нѣтъ ни приличнаго описанія дѣтства благочестиваго человѣка, ни духовныхъ его подвиговъ, ни молитвеннаго къ нему обращенія во концѣ, и—не лѣтопись, въ собственномъ смыслѣ, потому что тутъ нѣтъ безпорядочнаго перечисленія малосвязанныхъ между собою фактовъ, а это есть историческая повѣсть, того же самаго характера, какъ и такъ называемое „житіе“ Михаила Ярославича, которому недостаетъ только одного, для того, чтобы оно было повѣстію, именно—полноты. Какъ въ этомъ „житіи“ многіе годы жизни Михаила Ярославича обходятся авторомъ молчаніемъ, такъ и въ нашей повѣсти представлена только одна, и притомъ очень незначительная часть дѣятельности Тверского князя Бориса Александровича. Какъ та, такъ и другая повѣсть написаны современниками и очевидцами событій, лицами сердечно преданными своимъ героямъ, и

[1]) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва, 1871. Стр. 70.

имѣвшими цѣлію своихъ разсказовъ не что-либо иное, какъ только увѣковѣченіе въ памяти потомства дѣяній своихъ любимыхъ героевъ. Какъ въ „житіи“ Махаила Ярославича — не смотря на общій литературный его характеръ — въ сознаніи автора совершенно стушевывается „историческій смыслъ Московско-Тверской распри“ — употребляя выраженіе проф. Ключевскаго, [1]) — такъ и въ произведеніи инока Ѳомы мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго намека на предшествовавшую вражду между Тверскимъ и Московскимъ князьями. При такомъ характерѣ произведенія, слѣдовательно, отпадаетъ всякая мысль о какой-бы то нибыло тенденціозности автора. Мы вѣримъ въ полную его искренность, тѣмъ болѣе, что онъ въ одномъ мѣстѣ даже подтверждаетъ свои слова клятвою: „свидѣтель ми есть о семъ Богъ, якоже не лжу“. [2])

Это мы говоримъ въ виду того, что г. Лихачевъ, въ томъ мѣстѣ своей статьи, гдѣ онъ говоритъ „о цѣли составленія Слова“, сдѣлалъ попытку сопоставить его съ „Словомъ избраннымъ отъ святыхъ писаній, еже на Латыню“, въ которомъ содержится „сказаніе о составленіи осмаго сбора латыньскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго“, и (содержится) похвала Московскому великому князю Василію Васильевичу. [3]) Намъ кажется, что вышеприведенныхъ основаній вполнѣ достаточно, чтобы утверждать, что произведеніе инока Ѳомы совершенно не пригодно для сопоставленія съ этимъ произведеніемъ, потому что между ними нѣтъ ни малѣйшихъ точекъ соприкосновенія.

Если же, по современной критической методѣ, всетаки необходимо ставить вопросъ о цѣли состав-

[1]) Тамъ же стр. 73.
[2]) Рукопись, стр. 30.
[3]) Предисловіе, стр. LVI.

ленія „Слова“, то отвѣтомъ на него могутъ служить слѣдующія собственныя слова инока Ѳомы. „Дивлюся..., говоритъ онъ, почто не писасте преже мене о таковомъ государи? Сей бо ест земъли вашей честь! Но о томъ не творю васъ виноватыхъ, ни укоряю васъ, еже вы не писасте. Понеже бо кождо васъ жену иматъ, а инъ дѣти питаетъ, а инъ о дому печеться, а иніи въ вьинствѣ ходятъ и кождо вас на поручную службу отходитъ; но о семь не хулны естѣ, но хвалими. Но понеже бо мы ни дѣтей имѣемъ, ни домовъ, ни полат, но той есть наше дѣло, иже писати честь государя нашего великого князя Бориса Александровича, и того бо ради почтени быхомъ отъ него.... Должникъ бо есмь, той сладцѣ отдаю долгъ..... Сіia же азъ написахъ не к вамъ: выбо добрѣ вѣдаете его и извѣстно знаете его, таковаго государя.... и моего писанія не требуете, понеже бо есте всегда с нимъ. Но написахъ сіа новорожнымъ младенцемъ; да и тіи нѣкогда возрастутъ, и възмужаютъ, и доидутъ въ мѣру мужъства своего, и достигнут в разумъ совершенъ. И другъ другу почетше наше писаніе възвѣстятъ княженіе великаго князя Бориса Александровича, яко же и въ писаніи речеся: въспроси отца своего, и возвѣститъ ти, и старци твои рекут тебѣ, елико видѣша и слышаша“. [1])

Итакъ, наше „Похвальное Слово“ есть историческая повѣсть, или „историческое похвальное слово“, и относится къ той группѣ нашей литературной письменности до—Макарьевской эпохи (имѣемъ въ виду данныя изслѣдованій Ключевскаго), которая преобладала въ XV вѣкѣ, и въ которой „явленія церковной и міровой жизни становились содержаніемъ

[1]) Рукопись. Стр. 18—19.

не простой повѣсти, а церковно-ораторскаго слова[1]). Авторъ его, какъ мы уже замѣтили, далеко не представляетъ обстоятельной біографіи своего любимаго героя; далеко не сообщаетъ всего, что мы знаемъ о Борисѣ Александровичѣ изъ другихъ источниковъ. Его повѣсть есть разсказъ о впечатлѣніи, которое производила эта личность на своихъ современниковъ и прежде всего на него самого. Если тѣ или другія подробности его разсказа страдаютъ отъ преувеличеній и риторики, и можетъ быть не вполнѣ точно передаютъ дѣйствительные факты, за то онѣ даютъ намъ, возможность живо чувствовать, какъ отражалась дѣятельность Бориса Александровича въ умахъ его современниковъ.

Памятникъ нашъ отражаетъ въ себѣ живыя черты тогдашней современности. Общее міросозерцаніе автора, конечно, какъ и большинства тогдашнихъ русскихъ людей, церковно-религіозное, проникающее въ сознаніи автора всѣ, даже мельчайшія подробности тогдашней общественно-политической жизни, по духу своему напоминавшей и бытъ патріархальный и удѣльно-вѣчевые порядки.

Вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ такихъ воззрѣній и образа жизни, конечно, держалось и все Тверское общество. Факты, относящіеся сюда, уже были большею частію приведены нами выше; теперь остается только выдѣлить изъ нихъ соотвѣтствующіе элементы, необходимые для подтвержденія сказаннаго.

Тверской князь Борисъ Александровичъ, какъ мы видѣли, приглашаетъ къ себѣ на пиршество по случаю возобновленія Ѳедоровскаго монастыря, не только знатныхъ, но и простыхъ людей, принимавшихъ участіе въ торжествѣ. Подобное же обстоятель-

[1]) Цитов. соч. стр. 168.

ство инокъ Ѳома отмѣчаетъ и въ другомъ случаѣ, именно, когда, послѣ взятія города Ржева, Борисъ Александровичъ пригласилъ на пиршество съ нимъ не только князей и воеводъ, но и „ту сущихъ земцевъ", чѣмъ, конечно, оказалъ имъ большую честь. Можетъ быть отмѣчаемое явленіе есть выраженіе библейско-патріархальнаго быта, а можетъ быть это — остатокъ древне-вѣчевыхъ порядковъ, когда князь былъ гораздо ближе и доступнѣе народу, чѣмъ въ послѣдующее время. Во всякомъ случаѣ, авторъ отмѣчаетъ его, какъ явленіе доброе, хорошее, къ которому онъ относится сочувственно. Вотъ еще примѣръ такого же рода: когда Борисъ Александровичъ отказался быть за одно съ Шемякою, и обѣщалъ оказать помощь Василію Васильевичу, то Ѳома прибавляетъ: „а вдохновенъ бысть милостію Спасителя Бога, и восхотѣ стати по своемъ братѣ, по великомъ князѣ Василіи, тако же и сотвори".

Но вотъ явленіе другаго порядка, къ которому онъ относится не только не съ сочувствіемъ, но съ явнымъ негодованіемъ, что, разумѣется, и выражаетъ въ соотвѣтствующихъ чертахъ разсказа. Дѣло касается поступка Московскаго князя Димитрія Юрьевича Шемяки съ Московскимъ же княземъ Василіемъ Васильевичемъ и дѣтьми его. „Нѣкто отъ прирожденія великихъ князей Московскихъ зовомый князь Дмитрей... Шемяка .., аки нѣкая эхидна гнѣвомъ дыша, хотя убити брата своего старѣйшаго великаго князя Василіа, еже и сотвори .. Князь же Дмитрей крестное цѣлованіе забылъ, и поручника старца Сергіа выдалъ, и изымавъ великаго князя Василіа безъ вины, приведе его на Москву, и ослѣпі, и посла его въ заточеніе... Той же зимы по малѣхъ днехъ посла князь Дмитрей .. къ дѣтемъ великого князя Василіа зовы

ихъ на Москву, а ркучи: отца вашего хощу жаловать, а вамъ удѣлы подаю по вашей волѣ... Они же поидоша на Москву по крестному его къ нимъ цѣлованію, надѣющеся отъ него обѣщанное пріати. Онъ же ни во умъ сего пріа таковаго обѣщанія, ни крестнаго цѣлованія убояся, ни святительскихъ глаголъ усрамися, ни писаннаго въспомяну: аще ли весь міръ пріобрѣсти, а душу погубити, кая есть польза?.. и поимавъ ихъ, яко незлобивыхъ младенець,ославъ ихъ въ той же градъ Углече, въ заточеніе".

Затѣмъ, мы видѣли, съ какимъ негодованіемъ авторъ описываетъ набѣгъ Шемяки на Кашинъ: „пріиде бо не яко есть обычай княземъ или воеводамъ мужествовати явѣ, но яко есть хищникъ, тайно пріиде, и никому ж есть вѣдущи..." Авторъ негодуетъ и на характеръ военныхъ дѣйствій этого князя: „аще ли бы ны врагъ пришелъ, рекъше Тотаринъ, претерпѣли бы быхом от него, по сей ж единово крещеніа христіанства с нами, а дѣла татарьская творит, еже образовъ Божіихъ не пощадилъ, и уста его умножишася злобы"...

Далѣе, авторъ неоднократно ссылается на Отцевъ церкви и дѣлаетъ выдержки изъ ихъ писаній, прекрасно знаетъ священную исторію, не разъ упоминаетъ старыхъ лѣтописцевъ, знаетъ философовъ и риторовъ,—чѣмъ обнаруживаетъ свою большую начитанность, и въ тоже время показываетъ, что духовное просвѣщеніе въ его время въ Твери было довольно значительное, по крайней мѣрѣ не меньшее, чѣмъ то, какое предполагалъ Ростовскій житель—авторъ Тверской лѣтописи—въ Кіевѣ, Новгородѣ и Владимірѣ, городахъ, очевидно считавшихся центрами просвѣтительной дѣятельности въ его время, т. е.

въ началѣ XVI вѣка [1]). Что Тверь въ XV вѣкѣ выдѣлялась по своему духовному просвѣщенію сравнительно съ другими городами и княжествами, объ этомъ у насъ уже было упомянуто выше (стр. 52, прим. 1). Здѣсь мы только дополнимъ, что и начало этого просвѣщенія современно чуть-ли не самому возникновенію Тверскаго княжества. Такъ, уже изъ XIII вѣка, намъ извѣстно „Наказаніе" Тверского епископа Симеона, человѣка „учительнаго" и „сильнаго въ книгахъ божественнаго писанія", какъ отмѣчаетъ его лѣтописецъ, и—его же „Слово о постахъ"; затѣмъ, изъ XIV вѣка намъ извѣстны: „Посланіе къ великому князю Михаилу инока Акиндина", замѣчательное для своего времени по своему тону и энергіи мысли, „Повѣсть объ убіеніи князя Михаила", „Повѣсть объ убіеніи князя Александра Михайловича", „Повѣсть о Шевкалѣ или о Щелканѣ Дудентьевичѣ", „Житіе Михаила Александровича" и наконецъ, изъ самаго конца этого вѣка и начала XV: „Лѣтописецъ княженія Тферскаго" и „Повѣсть о Плавѣ".

Замѣчаніемъ относительно Микулы Кречетникова, что онъ „бѣяше такой мастеръ (артиллерійскаго дѣла), что и среди Нѣмецъ не обрѣсти таковаго" Ѳома свидѣтельствуетъ о высокомъ состояніи въ его время въ Твери и военныхъ (техническихъ) знаній. Артиллерійскимъ искусствомъ, какъ мы знаемъ, Тверь славилась еще при Тверскомъ великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ. Еще въ 1408 году ханъ Эдигей

[1]) „Еще же молю... чтущихъ и послушающихъ книгы сіа, еже аще обрящетъ кто много недостаточное, или неисполненное, да не позазритъ ми: не бо бѣхъ Кіянинъ родомъ, ни Новаграда, ни Владимера, но отъ веси Ростовскыхъ областей... не имамъ бо многыа памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имутъ ритори..." П. С. Р. Л. Т. XV. Стр. 142.

просилъ у него артиллерійской помощи, желая напасть на Москву [1]). Теперь же, при Борисѣ Александровичѣ, очевидно, дѣло это развилось еще болѣе, такъ какъ безъ помощи, оказанной Борисомъ Александровичемъ Василію Васильевичу, послѣднему не овладѣть бы Угличемъ, да и самому Борису Александровичу не овладѣть-бы, вѣроятно, Ржевомъ, если бы у него не было такого молодца артиллериста, какъ Микула Кречетниковъ.

Не посчастливилось только въ Твери почему-то географическимъ знаніямъ, такъ какъ у инока Ѳомы въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторый недочетъ. Такъ напр., онъ повидимому полагаетъ, что городъ Вологда находится гдѣ-то около „студенаго моря“ [2]).

Въ литературно-стилистическомъ отношеніи весьма цѣнны тѣ мѣста произведенія инока-Ѳомы, въ которыхъ онъ повѣствуетъ, напримѣръ, о свиданіи Бориса Александровича съ бѣдствующимъ Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ Твери. Относительно этого мѣста мы выше замѣтили, что оно изложено съ чисто эпической красотой. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не восхищаться силѣ и красотѣ такихъ выраженій: „Москвичи жъ радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а Тверичи радовашеся, яко Тьфѣрь Москва бысть, (и)но два государя во едино совокупишася!“ Или: „князь великій Борисъ Александровичъ плакашеся о своемъ братѣ, о великомъ князѣ Василіи, и о отпаденіи государства его. Князь же великій Василій плакашеся о милосердіи и о любвѣ брата своего великаго князя Бориса еже къ нему. Князь же великій Борисъ плакаше (и) по (тому,

[1]) Борзаковскій. Ист. Твер. княжества. Спб. 1876. Стр. 188.

[2]) Рукопись. Стр. 41.

что) [1]) преж (де) [2]) бо видѣша брата своего великаго князя Василія добролѣпна, и добровидна, и государевымъ саномъ почтенна, нынѣ же уничижинна и нищевидна и отъ своей братіи поруганна. Князь же великій Василій ко слезамъ слезы прикладаше, поминая жъ отъ своей братіи ему поруганіе и отъ государства своего отпаденіе и еже великаго князя Бориса къ нему любественное (отношеніе) [3]) и плакастася оба на многочасіи. Тако жъ и великія княгини Настасія съ великою княгинею Маріею обымастася и плакастася неутѣшно, яко и многимъ человѣкомъ зрящимъ такихъ государей плачущеся отъ очію источницы слезъ ронящу, и плакавшеся имъ на долъзѣ. И поимастася оба по руцѣ и поидоста вечеряти". Или еще, когда Борисъ Александровичъ обѣщаетъ помощь Московскому князю: „а жъ слово свое рекъ въ слухъ всѣмъ человѣкомъ: буди вамъ вѣдомо, оже намъ Богъ дастъ, хощемъ быти за единъ: Борисъ Василей, а Василей и Борисъ! И промчися слово то и до Московскія земли! Слышавъ же людіе — князѣ и бояре, отъ великихъ и даже до простыхъ — иже сихъ два воеводы совокупляются, и полѣтѣша (жъ) яко высокопарніи орли, или яко пчелы на собраніе цвѣтовно! Отъ всѣхъ странъ стицахуѣть людіе въ домъ Святого Спаса къ великому князю Борису Александровичу, и онъ же принимаа и(хъ), [4]) и упокоиваа ихъ, и утѣшая ихъ, и подмагаше имъ [5]) иже кто чимъ скуденъ".

---

[1]) Поставленное въ скобкахъ—вѣроятно пропущенныя части словъ въ подлинникѣ. Стр. 43. Нужно думать, что и вышестоящее слово „(и)но"—такого же происхожденія.

[2]) Тоже.

[3]) Очевидный пропускъ слова: „отношеніе", или какого либо другаго, могущаго его замѣнить.

[4]) Также вѣроятный пропускъ буквъ: „хъ".

[5]) Въ подлинникѣ стоитъ: „ихъ".

Нашъ авторъ, даже и въ самыхъ преувеличеніяхъ своихъ умѣетъ соблюсти нѣкотораго рода мѣру и тактъ, и найти выраженія характерныя и мѣткія. Вотъ напримѣръ таковыя, относящіяся къ характеристикѣ Тверскихъ правителей. „Цареградъ, говоритъ онъ, Константиномъ хвалится, Кіевъ Владиміромъ, а Тверская земля Михаиломъ хвалится... Князь же Борисъ Александровичъ стяжалъ и доблесть Константинову и вѣру Владиміра и Ярославово мужество и разумъ Михайловъ“...

Этотъ разумъ Бориса Александровича авторъ вспоминаетъ и по другому случаю, когда разсказываетъ о его безкровной побѣдѣ надъ Литовско-польскимъ королемъ Казиміромъ: „соблюдена бысть Тверская земля отъ нахожденія онихъ! Мы же сице возопіемъ: о великій уме... радуйся нынѣ, иже оніи воини отгнавъ ни оружіемъ, ни стрѣлами, но великимъ своимъ разумомъ!“ Этими словами своего писателя тогдашнее Тверское общество выражало свое сочувствіе мирному улаженію междукняжескихъ споровъ, очевидно предпочитая ихъ военнымъ столкновеніямъ.

Тверскіе люди XV столѣтія не лишены были и художественно-эстетическаго чувства. Это мы доказывали еще, когда писали „О деньгахъ великаго княжества Тверскаго“ [1]). Среди нихъ встрѣчаются типы положительно художественные, чего нельзя сказать о деньгахъ другихъ удѣльныхъ княжествъ —знакъ, что для художника было дѣломъ далеко не безразличнымъ, такъ или иначе нарисовать то или другое изображеніе. Инокъ Ѳома доставляетъ намъ

---

[1]) „Труды второго областного Тверского археологическаго съѣзда 1903 года“. Тверь. 1906 г. Въ отдѣлѣ: „Памятники гражданской старины“ Стр. 168.

новое доказательство проявленія этого чувства, только не въ чеканномъ дѣлѣ, а въ дѣлѣ строительнаго искусства. Вспомнимъ его приступъ къ описанію торжества постройки и возобновленія Ѳедоровскаго монастыря: Борисъ Александровичъ не просто приступилъ къ очередной работѣ (ремонту обветшавшаго монастыря), но предварительно отыскавши подходящее мѣсто и облюбовавши его ради красоты его мѣстоположенія. „Нача смотрити мѣста, говоритъ Ѳома, идѣже [1]) бы граду пригодно быть, и усмотри мѣсто близъ града Тѳери: на устіе на Тьмацкомъ есть храмъ святого Христова мученика Феодора". Дѣйствительно, съ какой-бы стороны ни посмотрѣть на этотъ высокій островокъ въ самомъ устьѣ рѣки Тьмаки, съ широкимъ и чуднымъ видомъ вверхъ и внизъ по теченію рѣки Волги, и на противоположный, высокій, покрытый зеленымъ ковромъ, берегъ ея, гдѣ какъ разъ противъ нашего островка высился монастырь „Св. Николы надъ ручьемъ" [2])—нельзя было удержаться отъ невольнаго чувства восхищенія! Любовался этимъ мѣстомъ и инокъ Ѳома, который говоритъ, что это мѣсто было „дивное", „никимъ же не копанно, ни сыпано, но просто реку самимъ Богомъ содѣланно"; любовался и князь Борисъ Александровичъ—„воистинну по желанію сердца великаго князя Бориса Александровича далъ Богъ ему мѣсто таково"—, а вмѣстѣ съ нимъ конечно—и Тверитяне, такъ какъ онъ рѣшилъ украсить его по совѣщанію съ ними—„хощу основати градъ, яко же съвѣти мои, тако же и съвѣти ваши утвержденіе ваше".

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ: „но яко же"; но, намъ кажется, что судя по смыслу, это слово лучше замѣнить словомъ: „идѣ же".

[2]) См. нашу статью подъ этимъ заглавіемъ въ журналѣ „Тверская Старина" за 1911 годъ, №№ 5, 6, 7 и 8.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ и о недостаткахъ, которые имѣетъ произведеніе инока Ѳомы. Они касаются главнымъ образомъ его стиля и изложенія, а также слога и языка, и кладутъ, конечно, тѣнь на его произведеніе, какъ литературный памятникъ, или по крайней мѣрѣ въ большей или меньшей степени уменьшаютъ его достоинства.

Въ изложеніи обращаетъ на себя наше вниманіе его риторически-вычурный стиль, состоящій въ употребленіи словъ и выраженій несоотвѣтствующихъ предметамъ или дѣйствительности, отличающихся значительнымъ преувеличеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ или предметовъ, и производящихъ на современнаго читателя крайне непріятное впечатлѣніе. Напримѣръ, описывая внѣшній обликъ Бориса Александровича Ѳома выражается такъ: „азъ мню лице великаго князя Бориса Александровича свѣтящеся паче камени сапѳира и тѣмпазіа и кійждо на него зряще всякаго веселіа исполнитися... Уста великаго князя сладше меду и сота всѣмъ человѣкомъ“... и подоб. Затѣмъ, что касается слога и языка, то мы встрѣчаемъ у него такія выраженія, какъ: многаа рушаа, болма, елма, пріатіа, боляіаше, вира, добродитель и под., вовсе несвойственныя древне-славянскому языку. Кромѣ сего, встрѣчаемъ у него и другого рода неправильности, напр., частое употребленіе не нужныхъ частицъ: но, и, еже, и пр, пропуски словъ и недописки ихъ, обиліе надстрочныхъ знаковъ, необычныя сокращенія, неправильную пунктуацію и под.

Относительно того, какъ смотрѣть на эти недостатки, слѣдуетъ сказать:

1) Особенно выдающихся вычурныхъ мѣстъ, производящихъ непріятное впечатлѣніе, всетаки не такъ

много въ произведеніи инока Ѳомы, чтобы на основаніи ихъ можно было дѣлать характеристику его произведенія въ его цѣломъ. Таковыя мѣста преобладаютъ главнымъ образомъ въ первой его трети, во второй ихъ уже меньше, а въ третьей и совсѣмъ мало: мы видѣли, какъ предъ нами проходилъ цѣлый рядъ страницъ, написанныхъ хорошею литературною рѣчью, а нѣкоторыя даже художественною.

2) Разсматриваемый стиль и его дефекты имѣютъ историческое происхожденіе и объясненіе. Дѣло въ томъ, что русская письменность съ половины XIV столѣтія стала подвергаться сильному вліянію письменности юго-славянской, которое, затѣмъ господствовало у насъ почти въ теченіе всего XV вѣка. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ „Исторіи русской литературы“ А. Н. Пыпина. „Юго-славянскія царства переживали въ XIV в. тяжелый историческій кризисъ: за политическимъ подъемомъ болгарскаго и сербскаго царства послѣдовало страшное паденіе. Оба царства были уничтожены турецкимъ нашествіемъ задолго до паденія Константинополя, а національная жизнь искала спасенія въ церковно-литературной дѣятельности, центромъ которой стали Константинополь и Аѳонъ. Въ тревожныхъ событіяхъ византійской жизни послѣднихъ временъ имперіи Аѳонъ игралъ важную нравственную роль, которая отразилась и въ его вліяніи на славянскую письменность. Это было средоточіе религіознаго возбужденія, отголоски котораго дошли и до сѣверо-востока Россіи: русскіе благочестивые книжные люди живали въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, усердно списывали книги, а также и переводили ихъ и приносили ихъ домой; происходилъ новый притокъ юго-славянскихъ книхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали приходить въ Россію и юго-славянскіе

ученые книжники. Таковъ былъ знаменитый митрополитъ Кипріанъ, южно-русскій митрополитъ Григорій Цамвлакъ, Пахомій Логоѳетъ, полу-болгары, полусербы".

Митрополитъ Капріанъ „привезъ въ Москву цѣлую кучу переводовъ древне-болгарскихъ, да еще переписанныхъ сербами". Вотъ эти-то—переводы „содѣйствуя въ Москвѣ церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно-литературномъ имѣли свои невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-сербскаго характера и удалили на нѣкоторое время нашу письменность отъ чисто русской рѣчи".

Вліяніе этой болгаро-сербской литературы коснулось не однѣхъ только внѣшнихъ формъ языка, но и самаго стиля произведеній. Именно, благодаря этому вліянію къ намъ проникъ и укрѣпился въ литературѣ риторическій стиль и такъ называемое „добрословіе", выражавшееся въ „плетеніи словесъ", иначе говоря, „въ наборѣ пышныхъ словъ, доходившемъ нерѣдко до полной безсмыслицы"... [1])

3) Многія туманныя и неясныя слова и выраженія инока Ѳомы всетаки доступны разрѣшенію, разъясненію, или поправкамъ, что доказывается цѣлымъ рядомъ таковыхъ, приведенныхъ нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

4) Что же касается особенностей его языка, и вообще лексической стороны его произведенія, то въ этомъ отношеніи мы не считаемъ себя компетентными высказывать то или другое сужденіе, и будемъ ждать, что скажутъ спеціалисты въ этой области.

5) Что касается прочихъ, вышеуказанныхъ дефектовъ въ произведеніи инока Ѳомы, то многіе

---

[1]) Пыпинъ. Ист. рус. литературы. Спб.—1898. Т. I. Стр. 306, 336 и 309.

изъ нихъ должны быть отнесены на счетъ невѣжественныхъ переписчиковъ, чрезъ руки которыхъ въ теченіе долгаго времени проходилъ текстъ „Слова“ инока Ѳомы; при чемъ, незная, въ какой мѣрѣ и какія именно ошибки принадлежатъ послѣднимъ, и какія самому автору произведенія, очень мудрено возлагать на послѣдняго отвѣтственность за нихъ въ той или другой мѣрѣ.

Однако, не смотря на всѣ указанные дефекты, положительныя достоинства его произведенія. ихъ важность и научное значеніе, выясненныя нами въ предыдущемъ изложеніи, таковы, что съ избыткомъ покрываютъ всѣ его вольные и невольные недочеты.

Намъ остается только выразить глубокую благодарность Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, издавшему этотъ драгоцѣнный памятникъ древней Тверской письменности, съ обычнымъ для его изданій изяществомъ и роскошью, и г.г. Н. П. Лихачеву и В. В. Майкову, столь много потрудившимся надъ осуществленіемъ этого дѣла.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
10	5 снизу	невозможную	невѣроятную
33	14 сверху	но справляясь	но, справляясь
35	16 снизу	во всякомъ случаѣ	во всякомъ случаѣ,
36	1 сверху	лицемъ	лицомъ
38	13 —	Борисовичѣ,	Борисовичѣ
—	11 снизу	обряду	обряду,
39	7 сверху	7004 г.	7004 г.,
—	3 снизу	Новоторжецъ	Новоторжецъ,
40	16 —	именно	именно,
42	15 —	сострудниновъ	сотрудниковъ
43	8 сверху	прочитана	прочитана,
—	4 снизу	епис—копомъ	епи—скопомъ
44	15 —	выраженіе,	выраженіе
—	12 —	Тихомірова	Тихомірова,
46	17 сверху	Александровича	Александровича,
49	11 снизу	отдѣльные	отдѣльныя
50	5 сверху	сомостоятельные	самостоятельныя
—	6 —	независимые	независимыя
—	16 снизу	окрайнныхъ	окраинныхъ
51	6 сверху	особенности	особенности—
55	3 снизу	на сколько	насколько
56	1 сверху	на сколько	насколько
59	16 —	дѣятельности, причемъ	дѣятельности; причемъ,
61	16 —	именно	именно,
64	18 снизу	называемыя, употребляемыя	называемые употребляемые
66	18 снизу	Затѣмъ	Затѣмъ,
—	16 —	празднества	празднества,
67	16 —	самаго, причемъ	самаго; причемъ,
76	5 сверху	столъ	столъ,
—	6 —	племяника	племянника
77	10 —	крутаго	крутого
—	13 —	безкопойный	безпокойный,
79	1 —	Москву	Москву,
80	17 снизу	послѣдняго,	послѣдняго
81	21 —	во вредъ	, во вредъ
—	6 —	вѣроятнѣе—только	вѣроятнѣе; только,
84	9 —	вѣроятно испорченныхъ	, вѣроятно испорченныхъ,
85	7 —	событій	событій.
94	13 сверху	они	онѣ
96	7 —	умалчиваетъ,	умалчиваетъ

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
96	9 сверху	ни сколько	нисколько
—	10 —	на оборотъ	наоборотъ
97	8 снизу	Опоки,	Опоки
101	8 сверху	воздастъ	воздаетъ
102	1 снизу	князька	князька,
103	9 —	Затѣмъ	Затѣмъ,
104	1 сверху	Ржевомъ,	Ржевомъ;
—	13 снизу	именно	именно:
—	3 —	опредѣленіями	опредѣленіями.
108	6 —	основаніи,	основаніи
109	6 сверху	по Новгородъ	на Новгородъ,
—	7 —	княземъ, причемъ	княземъ; причемъ,
—	5 снизу	Торжокъ, причемъ	Торжокъ; причемъ,
110	3 сверху	новоторжцу	Новоторжцу
111	6 —	князь,	князь;
—	10 —	не волею	неволею
—	10 снизу	по себѣ	на себѣ
116	11 —	одного,	одного
117	3 сверху	Махаила	Михаила
119	12 —	намъ,	намъ
120	14 —	Шемякою,	Шемякою
122	18 снизу	Александровича и	Александровича и,
—	12 —	таковаго	таковаго,
125	7 —	другихъ	многихъ другихъ
—	5 —	безразличнымъ, такъ	безразличнымъ такъ
128	2 —	книхъ	книгъ

УКАЗАТЕЛЬ

именъ личныхъ и названій географическихъ, топографическихъ и другихъ.

Стр.

Авраамъ, ветхоз. патріархъ . . 74.
Акиндинъ, инокъ въ Твери . . 122.
Акты Запад. Россіи . . . . . 105.
Александръ Борисовичъ, князь Тв. 19.
Александръ Ив., Твер. князь 16, 17, 59, 61, 75.
Александръ Казимір., Литов. кн. 37, 39.
Александръ Романовичъ, воевода Тв. князя Бор. А—ча. . . 109.
Алексѣй Мануйловичъ, посадникъ 22.
Анастасія, жена Тв. кн. Бор. А. 89.
Андрей Боголюбскій, князь . . 31.
Андрей Дмитріевичъ, воевода Тв. кн. Бориса Алек—ча . . . 113.
Андрей дьякъ, въ Твери . . . 52.
Анна, Тв. княжна . . . . . 18.
Антоній, епископъ Твер. 11. 43, 44, 69.
Арсеній Св., епископъ Тв. 11, 41, 42, 52.
Архангелъ Михаилъ, храмъ, въ Твери . . . . . 63.
Аѳанасьевъ монастырь, въ Твери. 63.
Аѳонъ. . . . . 128.
Барсовъ Г. Н., авторъ . . . . 72.
Бестужевъ—Рюминъ, историкъ. 77, 85.
Благовѣщенскій монастырь, въ Твери . . . . . 61.
Борисоглѣбская церковь, въ Твери. . . . . 18, 62, 63.
Борзаковскій, авторъ. 76, 91, 105, 123.
Борисъ Александровичъ, Тверской князь. 3, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 28, 30, 32, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 126, 127.
Бородатый Степанъ, дьякъ, въ Москвѣ. . . . . 8.
Бороздинъ Борисъ Захарьевичъ, воевода Тв. князя Бориса Ал—ча . . . . . 93, 94.
Бороздинъ Семенъ Захарьевичъ, воевода Тв. князя Бориса Ал—ча . . . . . 93, 94.

Стр.

Бороздинъ Дмитрій Федоровичъ, воевода Тв. князя Бориса Ал—ча. . . . . 97.
Бороздинъ Григорій Никитичъ, воевода Тв. князя Бориса Ал—ча. . . . . 97.
Буслаевъ, проф. . . . . 11.
Бѣжецкій верхъ. . . . . 110.
Бѣльскій Иванъ, кн. Литовскій. 103.
Варламій, епископъ Коломенскій. 86,
Василій Васильевичъ, князь Московскій. 18, 20, 22, 26, 47, 48, 49, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 109, 111, 117, 120, 123, 124.
Василій Дмитріевичъ, князь Московскій . . . . . 78.
Василій Константиновичъ, намѣстникъ Тверского князя во Ржевѣ. . . . . 18, 96, 104.
Василій Михайловичъ, князь Кашинскій . . . . 14, 75, 76, 77.
Василій Юрьевичъ, князь. . 26, 79.
Василій Ярославичъ, князь . . 36.
Васко, князь Кашинскій . . . 14.
Вильна, городъ . . . . . 38, 72.
Виноградовъ И. А., авторъ . 4, 62, 71, 93, 101, 105.
Виссаріонъ, митропол. Никейскій. 56.
Витовтъ, король Литовскій . 27, 31.
Владимірская башня, въ Твери. 19, 62, 63.
Владимірскія ворота, въ Твери . 62.
Владимірская дорога, въ Твери . 62.
Владимірскій мостъ, въ Твери . 62.
Владимірская улица, въ Твери . 62.
Владиміръ, князь . . . . 59, 125.
Владиміръ, городъ . . 10, 121, 122.
Власьево село, Твер. губ. . . . 61.
Вознесенскій Оршинъ монастырь, близъ Твери. . . . . 61.
Волга, рѣка . 19, 61, 62, 64, 97, 126.
Вологда, городъ . . . 18, 87, 123.
Волокъ-Ламскій, городъ. . . . 92.
Всеволожскій Иванъ Димит., боярinъ . . . . . 78, 79.
Входо-Іерусалимская церковь, въ Твери . . . . . 62.
Въръщина (Орша), рѣка. . . . 59.

Стр.
Галичъ, городъ. . . . . 18, 86.
Гедиминъ, князь Литовскій . . 72.
Гератскій ханъ Шахрухъ. . 20, 52, 113, 114, 115.
Гермогенъ, архимандритъ въ Твери . . . . . 71.
Григоріе-Богословскій монастырь, въ Твери . . . . . 70.
Голубинскій, проф., . 33, 47, 48, 49, 56.
Давидъ, пророкъ . . . . . 17, 89.
Данъ, городъ . . . . . 74.
Даукша, посолъ Литовскаго князя 101.
Делекторскій, авторъ . . . 33, 49.
Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, князь 26, 79, 81, 86, 91, 92, 93, 94, 95, 113, 120.
Діонисій Ареопагитъ. . . . . 71.
Долматовы: Данила Григорьевичъ, Карпъ Федоровичъ, бояре Тв. кн. Бориса Ал—ча . . . . 98.
Домъ св. Спаса въ Твери . 106, 124.
Досиѳей Монемвасійскій, митр. . 55.
Евгеній, папа Римскій . . . . 24.
Екатерина II . . . . . 61.
Елена Ивановна, дочь Моск. кн. Ивана Васильевича . . 37, 38.
Ефремъ . . . . . 37.
Ефремъ, архимандритъ, въ Твери. 71.
Жито Иванъ, братъ Гр. Ник. Бороздина . . . . . 97.
Журн. Мин. Нар. Просв. . . 10, 15, 19, 23, 27, 31, 37, 38, 44, 104.
Заборовы мѣстность . . . . . 110.
Затьмака, или Затьмачье, часть г. Твери . . . . . 71.
Записки Имп. Акад. Наукъ. 10, 11, 41.
Звѣринскій авторъ . . . . . 61, 62.
Зиновьевъ Прокофьевъ Скуратъ, бояринъ . . . . . 38.
Зубцовъ городъ. Твер. губ. . 73, 77.
Зубцовскія переписныя книги . 97.
Иванъ Андреевичъ Можайскій, князь. . 18, 81, 83, 84, 85, 107.
Иванъ Васильевичъ III, князь Московскій. 7, 18, 37, 86, 90, 91.
Иванъ Всеволодовичъ, князь. . 14.
Иванъ Давидовичъ, посолъ Бориса Александровича Тверского . 114.
Иванъ Михайловичъ, князь Тверской. 14, 17, 39, 43 44, 51, 52, 59, 60, 61, 69, 70, 73, 75, 97, 122.
Иванъ Царепрадецъ . . . . . 69.
Иванъ IV . . . . . 77.
Иванъ Юрьевичъ, князь Зубцовскій . . . . 20, 21, 27, 76, 77.
Иванъ Яковлевичъ Киньдиръ, намѣстникъ Твер. князя, въ Кашинѣ . . . . . 112, 113.
Измайловъ Левъ, намѣстн. Твер. князя во Ржевѣ . 18, 19, 92, 96, 103, 104.

Стр.
Илія, епископъ Тверской. . 19, 53, 63, 65, 66, 91, 114.
Индія. . . . . 52.
Исидоръ-Грекъ, митроп. Моск. 48, 55.
Италія . . . . . 48, 58.
Іаросла въ . . . . . 82.
Іванъ Давидовичъ, посолъ Тв. князя Бориса А—ча. . . . 91.
Іванъ Ондрѣевичъ, кн. Можайскій . . . . . 107.
Іерусалимъ . . . . . 24, 60.
Іоанно-Богословскій монастырь [1]) 70.
Іоаннъ, Византійскій императоръ 20, 21, 47, 55.
Іоаннъ Златоустъ . . . . . 71.
Іоаннъ, Иверскій митрополитъ . 57.
Іоаннъ, Можайскій князь . . . 85.
Іоасафъ, Твер. епископъ . . . 62.
Іона, игуменъ въ Благовѣщ. монастырѣ, въ Твери . . . . . 61.
Іона, Рязанскій епископъ . . . 86.
Іона, митрополитъ . . . . . 47.
Іосифъ, патріархъ . . . . . 56.
Казиміръ, кор. Польскій. 27, 28, 101, 102, 106, 107, 125.
Карамзинъ, историкъ. . 39, 64, 71, 81, 84, 86, 90, 91, 97, 109, 110.
Квашнинъ-Самаринъ Н. Д., авторъ. . . . . 97.
Карпъ Федоровичъ Долматовъ, воевода Тв. князя Бориса Ал—ча . . . . . 98, 109.
Кашинскій князь . . . . . 73.
Кашинъ, городъ Тв. губ. 14, 19, 71. 72, 87, 111, 113, 121.
Киньдиръ, намѣстн., въ Кашинѣ. 112.
Кипріанъ, митр. Моск. 27, 42, 61, 129.
Кириллъ, имя въ тайнописи. 41, 43.
Киръ, слово въ тайнописи. . 41, 43.
Кіасово, Кесова гора, мѣстность. 113.
Кіевъ, городъ . . . 11, 23, 59, 121.
Клинская область . . . . . 72.
Клинъ, городъ Твер. княж. . 72, 73.
Ключевскій В. О., проф. . 11, 52, 116, 117, 118.
Колычевъ, Москов. воевода . 20, 28, 74, 75, 76, 77.
Константинополь . . 47, 48, 50, 128.
Константинъ, царь. . . . 57, 59, 125.
Константинъ Константиновичъ, бояринъ Твер. князя . . . 98.

[1]) Имя Іоанно-Богословскаго монастыря попало въ текстъ по ошибкѣ, вмѣсто Григорьевскаго—Богословскаго монастыря. Вслѣдствіе чего утрачиваетъ свое значеніе и примѣчаніе, сдѣланное въ отношеніи перваго.

Стр.

Константинъ Федоровичъ, намѣстникъ Твер. князя въ Кашинѣ . . . . . 112.
Кострома, городъ . . . . . 80.
Кремль Тверской . . . . . 62.
Кречетниковъ Микула, Тверской артиллеристъ . . . 94, 122, 123.
Кубаревъ, авторъ . . . . . 42.
Левъ Измайловъ, воевода Бориса Александровича. 92, 96, 103, 104.
Лихачевъ Н. П., авторъ. 3, 26, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 54, 55, 64, 69, 70, 74, 87, 89, 92, 93, 97, 98, 99, 108, 114, 117, 130,
Лотъ—ветхозавѣт. патріархъ . . 74.
Люблинъ-Любовенъ, укрѣпленіе. 67, 72.
Майковъ В. В., авторъ . . . . 130.
Макарій, митрополитъ Никомидійскій (имя его случайно пропущено въ текстѣ) . . . . 56.
Марія Борисовна, дочь Бориса Ал—ча . . . . . 90, 91.
Марія княгиня (жена Василія Васильевича Москов. князя) 84, 89, 124.
Маркъ Ефесскій, митр . . . . 55.
Мартирій, епископъ . . . . . 23.
Микула Кречетниковъ. 94, 122, 123.
Милліонная улица, въ Твери . . 62.
Михаила Св., церковь, въ Твери . 19, 60, 61, 63.
Михаилъ Александровичъ, князь Тверской. 24, 28, 41, 43, 44, 61, 80.
Михаилъ Борисовичъ, князь Тв. 12, 38.
Михаилъ Васильевичъ, кн. Кашин. 14.
Михаилъ Дмитріевичъ, воевода Твер. князя Бориса А. . . 113.
Михаилъ Черниговскій, кн. . . 37.
Михаилъ Ярославичъ, кн. Твер. 47, 59, 116, 117, 125.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь . . 63.
Моисей, епископъ Тверской . . 19.
Моисей, вождь евреевъ . . . . 17.
Монастырь Св. Отецъ, иже въ Никеѣ въ Твери . . . . . 60.
Можайскій кн. Иванъ Андреевичъ 82, 83, 107.
Москва. . 7, 8, 11, 14, 37, 38, 47, 48, 51, 52, 73, 75, 78, 79, 80, 81, 86, 91, 92, 93, 97, 111, 115, 120, 121, 122, 129.
Муромъ . . . . . 86.
Мухановъ, авторъ . . . . . 105.
Нарбековъ Потапъ, авторъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ XVII в. . . . . 63.
Настасья, супруга Тв. кн. Б. А. 19, 114, 124.
Никола надъ ручьемъ, храмъ въ Твери . . . . . 126.

Стр.

Никитинъ Аѳанасій, Тверской путешественникъ XV в. . . 52.
Никола надъ ручьемъ, монастырь въ Твери. . . . . 126.
Николай Чудот. церковь, въ Твери, на „городкѣ“. . . . . 61.
Новгородъ, городъ. 23, 50, 51, 52, 54, 64, 69, 106, 108, 109, 110, 121, 122.
Новый городокъ, городъ . . 39, 61.
Новые Троки, Литов. городъ . . 72.
Олександръ, кн. Суздальскій . . 114.
Ондрей Дмитріевичъ, воевода. . 82.
Опоки, городъ. 19, 72, 97, 99, 100. 103.
Орда Татарская . . . 14, 15, 27, 78.
Орда Шаврухова. . . . . 115.
Орша, рѣка . . . . . 61.
Оршинъ Вознесенскій монастырь. 61.
Отрочь монастырь . . . . . 73.
Оустіанъ (Юстиніанъ), царь . . 25.
Павелъ, апостолъ . . . . . 25.
Пальмквистъ авторъ . . . . . 62.
Пахомій Логоѳетъ . . . . 29, 129.
Перемѣрка, рѣка . . . . . 59.
Перемѣрки Большія, деревня . . 61.
Перемѣрки Малыя, деревня . . 61.
Пирлингъ, авторъ . . . . . 33.
Плава. . . . . 122.
Плещеевъ, воевода моск. кн. . 92.
Покровская церковь, въ Твери . 70.
Псковъ, городъ . . . . . 50, 54.
Псковичи . . . . . 27.
Пыпинъ А. Н., академикъ. 11, 128, 129.
Пѣшковъ Дмитрій . . . . . 38.
Реденъ, мѣстечко Твер. губ . . 93.
Ржева—Ржевъ, городъ Твер. губ. 18. 19, 28, 74, 75, 96, 97, 99, 101, 102, 103, 105, 108, 120, 123,
Римъ . . . . . 53, 115.
Родня, село Твер. губ. . . . . 93.
Романь Скудинь. . . . . 14.
Ромадановскій Василій, бояринъ. 38.
Россія . . . . . 128.
Ростовскій житель, авторъ Тверской лѣтописи. . 10, 11, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 37, 40, 44, 45, 104, 121.
Ростовъ, городъ. . . . . 10, 11.
Рубцовъ М. В., авторъ. . 63, 125, 126.
Русь . . . . . 50.
Рѣдькино, мѣстечко, въ 30 верстахъ отъ Твери. . . . . 93.
Садыкъ Александръ, посолъ Тв. князя Бориса Александровича. 92.
Сахаровъ, авторъ . . . . . 58.
Свидригайло, Литов. кн. . . 18, 52.
Св. Отецъ, иже въ Никеѣ, монастырь въ Твери . . . . . 60.
Св. Никола надъ ручьемъ, въ Твери . . . . . 126.
Св. Спасъ (каѳедр. соборъ), въ Твери. . . 73, 87, 106, 114, 124.

Стр.
Св. Ѳедоръ, храмъ въ Твери. . 68.
Сергій архимандритъ, авторъ. . 68.
Сергій старецъ (препод.). 83, 84, 120.
Сидоръ прелестный . . . . . 117.
Симеонъ, епископъ Суздальскій. 58.
Симеонъ, епископъ Тверской . . 122.
Соловьевъ С. М., историкъ. . 77, 80. 81, 84, 85, 86, 90.
Софья Витовтовна, мать Москов. князя Вас. Вас. . . 79, 86, 91,
Станислава церковь . . . . . 38.
Станиславъ Ляхъ . . . . 19, 103.
Строевъ, авторъ . . . . 61, 62, 71.
Тверск. Епар. Вѣд. . . 4, 101, 105.
Тверь . . . . 9, 10, 12, 14, 17, 25. 52, 53, 61, 62, 63, 64, 68, 69, 73, 79, 82, 87, 88, 89, 93, 97, 106, 109, 115, 122. Ея же различныя транскрипціи:
Тфѣрь. . . . . 59, 60, 91, 93, 110.
Тѳерь. . . . . 60, 64, 107, 126.
Тьфѣрь . . . . . 91, 123.
Темиръ—Кутлуй, царь . . . . 31.
Тимуръ (Тамерланъ) . . . . . 114.
Титъ, Римск. имп . . . . . 23.
Тихомировъ, авторъ . . . 10, 11, 15. 23, 38, 40, 42, 44, 104.
Торжокъ, городъ . . . . 109, 110.
Трехсвятскій монастырь, въ Твери. 60.
Троица Маковецъ, церковь въ Москвѣ . . . . . 83.
Троки, городъ въ Твер. области 71, 72.
Тучковъ Вас. Мих., боярскій сынъ 8.
Тьмака рѣка. . . 18, 59, 60, 62, 64.
Тьмацкій островъ . . . . . 64.
Уваровъ, графъ. . . . . 11.
Угличъ (Углече). . . . 18, 83, 84, 87, 94, 96, 121, 123.
Угра, рѣка. . . . . 27.
Улугъ—Бекъ, астрономъ . . . 22.
Улу—Махметъ . . . . . 80.
Феодосій, царь . . . . . 25.
Феодоръ, мученикъ . . . . . 64.
Федоръ Федоровичъ, намѣстникъ Тв. кн. въ Кашинѣ . . . . 112.
Феррара. . . . . 57.
Филиппъ II, митр. Москов. . . 77.
Флорентійскій соборъ. . 20, 21, 32, 33, 34, 39, 40, 47, 58.
Стр.
Флоренція, городъ . . . . . 36, 54.
Фотій, митрополитъ . . . . . 47.
Цамблакъ Григорій, митр. . . 129.
Цареградъ . . . . . 59, 125.
Чередѣевъ, авторъ . . . . 61, 62.
Чухлома, городъ . . . . . 86.
Шахматовъ, академикъ. . . 10, 40, 41, 42, 44.
Шахрухъ, Гератскій ханъ. . 20, 21, 52, 113, 114.
Шемяка Дим. Юр. князь Москов. 18, 19, 81, 82, 83, 84, 86, 89, 91. 93, 106, 111, 112, 113, 120, 121,
Шпаковъ, авторъ. . . . . 33, 49.
Шуйскій Ѳедоръ Юрьевичъ, Кашинскій намѣстникъ Тв. кн. 87.
Эдигей, ханъ. . . . . 122.
Экземплярскій, авторъ . . . 76, 77.
Юрій Александровичъ, князь Зубцовскій. . . . . 74, 75, 76.
Юрій Васильевичъ, кн. . . . . 86.
Юрій Всеволодовичъ, кн. . . . 14.
Юрій Дмитріевичъ кн. 26, 75, 78, 79, 80, 88.
Янишъ Н. Н., авторъ . . . 7, 8, 85.
Ярославко, воевода . . . 102, 103.
Ярославль, городъ. . . . . 95.
Ярославъ Ярославичъ, кн. Тв. . 12, 37, 59, 123.
Ѳедоровскій монастырь, въ Твери 52, 63, 65, 67, 71, 119, 126.
Ѳедора мученика церковь. . 64, 65, 66, 67, 70, 126.
Ѳеодосій, архимандритъ. . . . 69.
Ѳеодора Тирона церковь. 18, 69, 70.
Ѳома бояринъ, сынъ Ив. Кумганца. 39.
Ѳома инокъ, авторъ . . 3, 9, 12, 15, 19, 22, 23, 27, 29, 30, 32, 35, 36, 37, 45, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 82, 83, 85, 89, 90, 91, 94, 95, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 123, 125, 126, 127, 129.
Ѳома бояринъ. . . . . 20, 33, 37.
Ѳома Легатосъ . . . . . 37, 38.
Ѳома попъ . . . . . 38.
Ѳома посолъ . . . 33, 34, 37, 54, 58.
Ѳома Сиріецъ. . . . . 68.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038924619